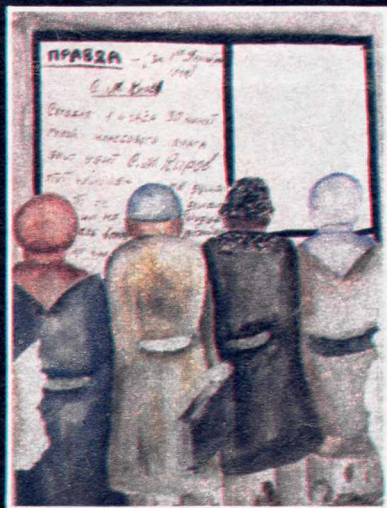

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

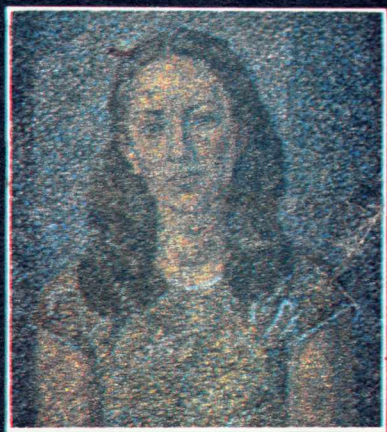
№ 48 НОЯБРЬ 1989

**ГЛАЗАМИ
ДЕТЕЙ 30-х**

**НА ПУТИ
К АРЕНДЕ**

**РАССКАЗ
ГРИГОРИЯ
СВИРСКОГО**

**ВОЗДУШНАЯ
ПАЛИТРА**

**„СПАРТАК“
ЧЕМПИОН!**

**ЧЕРЧЕСОВ-
ВРАТАРЬ
ГОДА**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года 25 НОЯБРЯ — 2 ДЕКАБРЯ

№ 48 (3253)

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

А. Ю. БОЛОТИН,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

А. В. ХРОМОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Станислав Черчесов признан лучшим вратарем в 1989 году. (См. в номере материал «Первая любовь!»)
Фото Анатолия БОЧНИНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 02.11.89. Подписано к печати 21.11.89. А 10619. Формат 70×108%. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1430. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

**Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»**

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Николай БЫКОВ

Известно, что три-четыре процента общенародной земли, находящейся в личном пользовании колхозников и работников совхозов в качестве приусадебных участков, дают, грубо говоря, треть основных сельскохозяйственных продуктов (кроме хлеба, естественно) в об-

щегосударственный котел. Так, может быть, дать семьям, оставшимся в деревнях, по гектару — и страна выполнит Продовольственную программу? Законы о крестьянских хозяйствах, принятые в этом году в Латвии и Литве, позволяют единоличникам иметь от 10 до 50 и более гектаров пашни, луга, леса... Значит, нам через год угрожает изобилие? Так свидетельствует карандашная арифметика: берем, умножаем, получаем... Нет, изобилие пока проблематично. Еще только обсуждаются законы о собственности, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях; еще только решается на самом «верху» судьба колхозов и совхозов. А главное, мало, очень мало пока желающих взять на себя обузу землевладения. Да и колхозное село пока волком смотрит на тех, кто вышел, кто занялся устройством земли на свой вкус и лад. Землю — крестьянам? Что-то мало до нее, земли, охотников.

Поздняя осень за рекою Нярис.

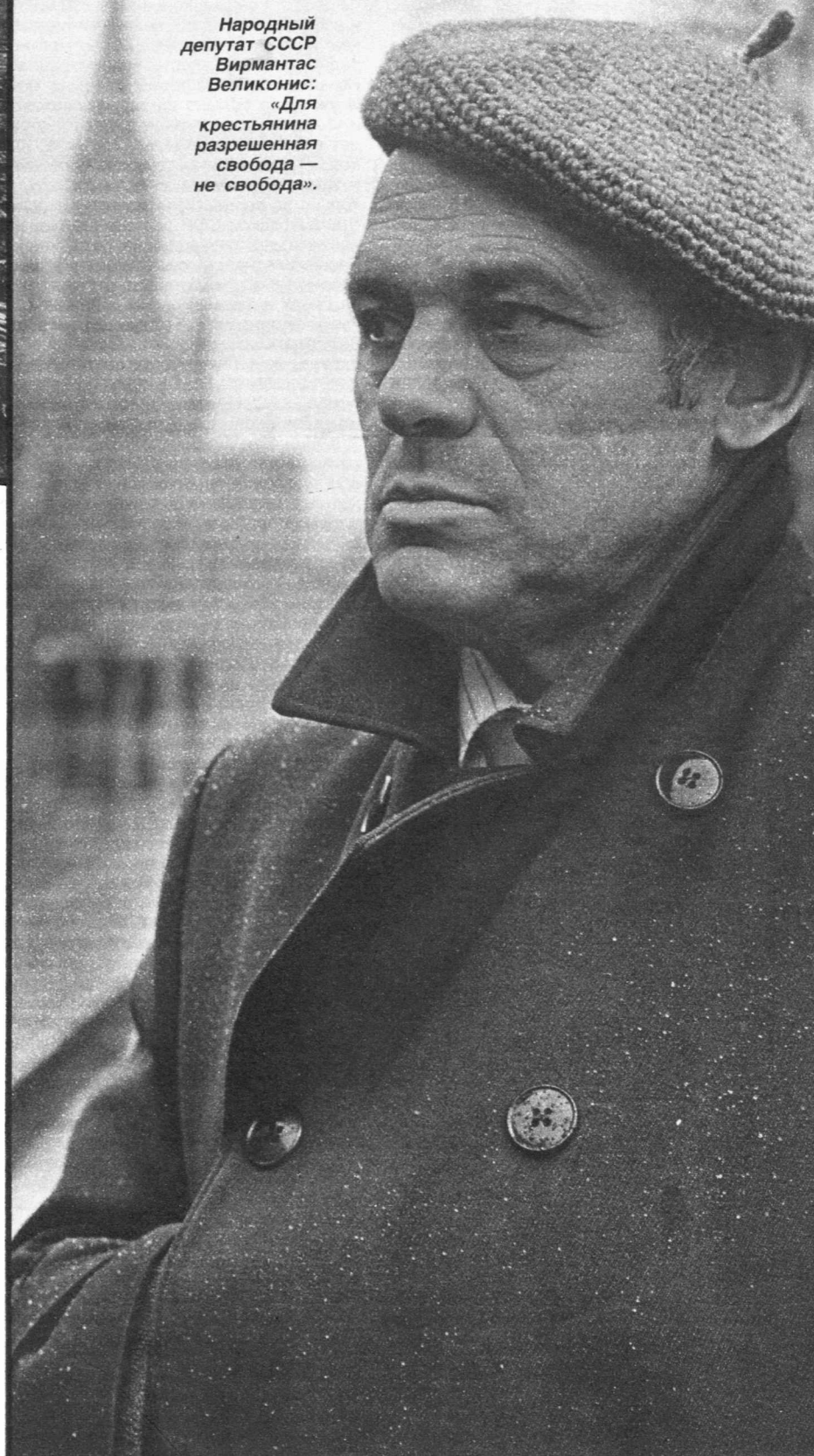
Отчаянно зеленые поля Литвы. Озимые взошли мощно и дружно. Раскустившиеся рожь и репе пшеница ждут снежного покрова, иначе им не перезимовать. Но пока тепло. Хотя, кажется,

ОЗИМЬ ПОД СНЕГОМ

Народный
депутат СССР
Вирмантас
Великонис:
«Для
крестьянина
разрешенная
свобода —
не свобода».

первые снежинки уже замечают полотнище только что прошедшего праздника: «Крестьяне! Смелее осваивайте прогрессивные формы хозяйствования!..» По существу, обращение ни к кому: сколько их у нас, крестьян? В Литве пока, наверное, и тысячи нет; но если их даже несколько тысяч по стране, то о чем все-таки речь? Какие-то «прогрессивные формы хозяйствования» должны еще освоить крестьяне? Совхозно-колхозные? Подрядно-арендные? А может быть, авторы единственного лозунга, обращенного ныне к жителям села, до сих пор не ведают разницы между земледельцем и землевладельцем? Что колхозники и тем более работники совхозов никакие не крестьяне? И я вновь и вновь повторяю, как молитву, мемориальный текст скрижали, вмурованной в стену одного из домов в самом центре Москвы: «Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят». Странно, надежда эта и сегодня, после шестидесяти лет эксплуатации и сдельщины, теплится. Иной просто нет. Если не они, то кто же? Издевкой звучит псевдоозабоченность номенклатуры: «Кто народ накормит?..» Будто не апостолам продрозверстки было чуть не семьдесят лет назад сказано: и не смейте командовать! Не мешайте! — гудит набатом над полями страны. — Вер-

ните землю тем, кого не поразила атрофия многосложного чувства хозяина, чувства, в котором спеклись патриотизм и право собственника, потребность каждодневно работать на себя и стремление повыгоднее продать — нет, не руки — плоды растений, животных и вообще лично наработанное. Да вот ведь никак экономисты не уломают сегодняшних владельцев движимого и недвижимого в обанкротившемся социалистическом государстве делом ответить на требование восставшего народа: «Земля — крестьянам». Были еще крестьяне, тогда... Теперь мужи в агрокомитете Верховного Совета «пришли к выводу» (власть имущие никуда от него и не отходили), что земля в СССР должна остаться всенародным достоянием. Существует и такая мысль: недавно большой ученый из ВАСХНИЛ заявил: «Не может быть речи о деколлективизации». Но как же тогда возродить крестьянина, против которого шла война? Против Игнаса Свелайниса, в доме которого я разговаривал с живым литовским крестьянином. Игнас уточнил: воевали не с ним, с его отцом Пятрасом, а Игнас лет с пятнадцати в наймах — то у колхоза «1 Мая», то в лесничестве. Игнас и строитель, и шофер, и лесником служил. Теперь Игнас Свелайнис решил стать крестьянином. Как только

в июле Верховный Совет Литовской ССР принял Закон о крестьянском хозяйстве. Игнас поехал в район, расспросил в исполкоме что и как, подал просьбу вернуть ему отцову землю.

Рядом с нами — землеустроитель Укмергского района Лайма Вилимене и колхозный агроном Пятрас Трейнавичюс, оба согласно кивают: так было... Тем временем Игнас достал старые бумаги, подтверждающие право его отца, стало быть, и его право на эту землю. Ее запахали когда-то предки Игнаса. Десять гектаров и еще немного леса — гектара три.

Я рассматриваю «Акт», хранившийся в этом доме сорок лет с одной надеждой, что колхоз не вечен. А тогда, в 1949 году, отец отвел в общую конюшню лошадь (одну, вороную; ее оценили в четыреста послевоенных рублей), отнес и упряжь, оставил там же, на хоздворе, телегу, сдал седло, плуг, борону, отдал и три пуда гороха, пудов семь вики, картошку... Обобществили и сеной сарай. Игнас молчит сейчас, но, судя по всему, он помнит, как это было, всегда помнил, все сорок лет...

Еще документ — на первые отцовские восемь гектаров и двадцать семь соток. Департамент земледелия Литовской республики. Документ из Каунаского нотариального архива. Гербовая печать: лошадь мчит во весь опор, всадник с мечом... Землю в данных границах отдели семье в июле 1937 года, есть и подписи двух инженеров-землеустроителей и референта. На обороте план усадьбы — бланк заполнен черными чернилами, цифры острые...

«Восемь заявлений сейчас в колхозе», — уточнил агроном Пятрас Трейнавичюс. Немного. Тугодумы? Закон о крестьянском хозяйстве — да. Но ждут, что решит Москва. Не то чтобы не верят в перемены... Когда землеустроитель Лайма Вилимене предложила Игнасу взять земли побольше — такая возможность была, — он сначала отказался: то не земля отца, у той земли тоже есть хозяин. В райисполкоме уверяли, что хозяина у соседнего поля нет. Но Игнас поступил по-своему. Он разузнал, что жива то ли племянница бывшего землевладельца, то ли более дальняя родственница, короче, они с сыном отправились выяснять отношения. Вернулись с отказом возможной наследницы от участка, заверенным у нотариуса. Теперь Игнас был спокоен, дал согласие на то, чтобы Лайма прирешала ему еще несколько гектаров ради более компактной конфигурации землевладения.

...

Своя земля! Это надо понимать. Мне все кажется, что я понимаю. Но реальность такова, что в колхозе Желва лишь восемь заявлений. В Укмергском районе несколько десятков. А в республике? Всего в Литве тысяча двести хозяйств. Так вот, по республике уже подано тысячи три заявлений на собственную землю, в основном — на отцовскую. Тысячу сто заявлений удовлетворили. Раздали новообращенным крестьянам восемнадцать тысяч гектаров — это капля в колхозно-совхозном море. Менее одного крестьянского хозяйства отделилось от каждого колхоза либо совхоза. Мила свобода, а не бросились ей навстречу жители литовских районов. Секретарь ЦК Компартии Литвы Станиславас Гедрайтис так понимает процесс:

— Мы признали индивидуальную собственность на землю. Сказать «частную» язык не поворачивается... Не только признали, но записали «навечно» и «с правом передачи по наследству». В основу права положили труд семьи. Но, думаю, колхозный строй вошел в плоть и кровь людей, они стали коллективистами и не могут порвать с колхозом или совхозом... Нельзя раздавать землю без согласия колхозов...

Совсем скоро в Литве откроется съезд Компартии. Не думаю, чтобы подобное отношение к требованию эконо-

мики «землю — крестьянам» было единственным. Да и кто теперь против многоукладности? Конечно, секретарь ЦК еще может заниматься самовнушением и повторять речи о пользе коллективной поденщины, о переходе к иным формам присвоения и, конечно же, о тесном соединении человека со средствами производства, конечно же, при сохранении социалистического обобществления, конечно же, нового социалистического типа...

И тут нежданно подросла поддержка из-за океана. В одном литовском журнале поместили рассуждения блудного сына, посетившего родину, некоего Казимераса Пабединкаса: «Упаси боже, нельзя разгонять колхозы... Сама политическая система требует найти способ, чтобы человек и в колхозе ощущал себя хозяином... В колхозе есть клуб и все такое прочее». А то, что колхозы дискредитировали себя и не просто будет возратить доброе имя коллективному артельному труду, помнят не все. Даже в Литве, где отныне признана личная собственность на землю, все еще говорят о зажиточных колхозниках, как бы забывая, что тут часто еще оплата не по труду, а процветает как форма распределения, более щедрых, чем где-либо, подачек от имени правления колхоза — зарплата в разрешенных райкомами размерах. Но не секрет, что многие колхозы нынче сводят концы с концами, в том числе и в Литве, благодаря недавним надбавкам к закупочным ценам. Так что нередко рентабельность искусственная. Но реальна и реформа оптовых цен! И уж тогда больше половины совхозов и колхозов рухнет окончательно, отойдет в рубрику убыточных хозяйств. Какова судьба тысяч и тысяч жителей сел и деревень, получающих не по труду, только за верность колхозному строю?

В Литовской ССР достаточно людей, понимающих ситуацию на селе иначе. Безынициативное существование бесспорно зажиточных селян, отбывающих на полях и фермах редко более шести часов в день, устраивает не всех. Земледельцы благодаря решительности известных в Литве лидеров объединились в два союза — один действует в рамках «Саюдиса», другой автономно. Во главе первого — Альфонсас Гедрайтис, убеленный сединами матерый «колхозный волк», а второй Союз земледельцев возглавил революционно настроенный Вацлавас Лапе. Первый — запевала многих запрограммированных инициатив в Литве. Второй пестует завтрашний день земледельческой Литвы. Хорошо было поговорить с Вацлавасом Лапе, а поздно вечером приехать в роскошный дом Альфонсаса Гедрайтиса, всегда радужного и от души хлебосольного. Его повести о жизни, тяжелой и опасной, в общем-то оптимистичны. Вацлавас Лапе объединил в совет земледельцев — тут и председатели немощных колхозов, и агрономы, и сельские экономисты, есть и механизаторы — сто человек. Мозговой центр, полномочный селянами разработать альтернативную программу дальнейшей жизни сельских районов Литвы. Кредо Вацлаваса Лапе, председателя колхоза с более чем тридцатилетним стажем: «Ясно, что землю мы должны отдать». Он так рассуждает:

— Колхоз — вотчина председателя и его приближенных. Председатель, как всякое номенклатурное лицо, не умеет жить вне кабинета. Это не профессия, хотя со мной не все согласны. Тем не менее в стране тысячи обладателей кабинетов — они владеют правом управлять сотнями, тысячами подчиненных. Таких — с атрофией личности и профессиональных навыков — немало. Прежде чем думать о судьбе колхозов, совхозов, сельских предприятий, надо подумать о владельцах власти. Предлагаю всех стагнавших материально обеспечить. Дать отступного! Решить проблему мирно, без революционной сшибки. Я не смеюсь — их надо кормить, взять на содержание. И это будет нам, новым хозяевам земли, не в убыток...

И еще он поделился заветным:

— Мы в Жеймяе хотим с 1 января создать сельскохозяйственный кооператив. На базе нынешнего колхоза. Я никогда не обращался с протянутой рукой к государству. Мы не из любимых детей... Зато ни я, ни наши колхозники никому не кланяются, ни от кого не ждуть решения своей судьбы — ни от Вильнюса, ни от Москвы; у нас все наше, мы никому не должны. Сорок лет каждый из нас вращался в колхозную систему — это наша жизнь. Но остались люди, которые еще смогут быть хозяевами своих усадеб. Остальные? Остальные станут членами крестьянского кооператива. А я им буду не нужен. В качестве «отца колхозного»... Выход один — колхоз в его нынешнем виде не жилец, он должен переродиться в союз крестьян-пайщиков. Союз свободных землевладельцев! Сколько раз человека отвалили от земли, с корнем отрывали! То с хутора сгоняли в поселок. Теперь из благоустроенных поселков — на хутор? И каждый раз землю давали навечно. Только теперь признали индивидуальную собственность на землю, когда мало до нее охотников. Власть инструкций, власть уполномоченных — она многих лишила веры в свои личные возможности. А владение землей — это риск и ответственность. За каждый шаг, каждое решение...

Пока в колхозе Жеймяй пятьсот человек. Но если сто из них возьмут по пятьдесят гектаров, как разрешает новый закон, то колхозной земли останется не хватить. Нет ее, земли. Задумались. Думают и сам Лапе, и его единомышленники: бригадир Зенонас Букаускас, и энергетик Бронюс Люткус, и со товарищи по совету в Союзе земледельцев. Можно догадаться, что думают о судьбе селян и в Министерстве сельского хозяйства Литовской ССР, и в продовольственной комиссии при Совмине республики... Благо нет теперь в райкомах партии сельскохозяйственных отделов, управлявших всей жизнью селян; зато остался такой отдел в ЦК Компартии Литвы, и есть секретарь ЦК... И еще сберегла власть сельхозуправления в райисполкомах — зачем они? Все до сих пор хотят управлять земледельцами, а если повезет, то и землевладельцами!.. Только что был агропром, и нет его, но председателя Агропрома Литвы, хоть он и остался без ведомства, сохранили как человека чиновного, руководящего — тут же ему придали новую инспекцию по качеству продукции пищевой промышленности. Люди кресел живучи. Но не они «накормят народ». Вся наша надежда покоится на тех, кто сам себя кормит, — не грех повторить упования 1917 года. Интересно, что когда оба Союза земледельцев (тот, что при «Саюдисе», и автономный) решили встретиться, поговорить по душам, то зал им предоставило Министерство сельского хозяйства республики. Ищет контактов? Или лучше, когда повзрослевшие дети перед глазами? Лапе запомнил, как секретарь ЦК именно на той встрече сказал в заключительном слове: «Возвращайтесь, Вацлавас, к себе, занимайтесь своими делами, мы тут в Вильнюсе подумаем и о судьбе колхозов, и о сельском хозяйстве!..» Этой трогательной заботе со стороны партии — сорок лет (а вообще-то в СССР — шестьдесят). Нет, о судьбе колхоза думают Вацлавас Лапе и другие председатели — Альфонсас Гедрайтис и Римас Бикалис, и Вирмантас Великонис, и еще директор сельскохозяйственного техникума Бружис... Они собираются то в Жеймяе, то в Дотнуве-академии, то в Вильнюсе. Кооперативное движение в Литве имеет давнюю историю — с XIX века. И Союз кооператоров был создан еще в 1905 году. Многие доброе, человеческое на памяти.

Говорят, лет семьдесят назад была уже крестьянская народная партия. Возродить? Самое время. Но собственным крестьянам здесь пока практически нет. А завтра? Вопросы, вопросы. Одно ясно: жить по-старому нельзя. Колхоз-

но-совхозная система, огосударствление жизни селян не дали никаких шансов, — за редким исключением вроде таких «разрешенных» хозяйств, как у Альфонсаса Гедрайтиса или Генриха Кретавичюса — поддерживать естественные отношения между людьми, обитателями хуторов и новых агрогородков, между людьми и природой, занесенной в экологический угол, — кто поможет жизни на основе гуманизма и крестьянской этики? Поля, луга, речки, костелы, хутора — все это в Литве рядом, давно сжилось. Как уберечь этот зеленый мир от рук управляющих, заребущих, достоящих в самых заветных местах? Соперничество «Саюдиса» и Компартии — к добру ли оно, на пользу ли крестьянам, тем, кто не утратил ни любви к земле, ни чувства достоинства, ни документов на отцовское землевладение? Когда-то в Литве было около 400 тысяч хуторов... Все не встанет из пепла. Многие обезлюдели, давно запаханы. И все же — вдруг их воскресение реально? «Колхозную печаль в 1989 году сожжем, бросим в камин» — и такую программу я слышал. Уже заказана печать акционерного сельскохозяйственного предприятия в Эришкяе и Рамигале. Сегодняшние колхозники там вот-вот станут пайщиками, держателями акций. Акционерное предприятие — на этом сошлись и Альфонсас Гедрайтис, и Вирмантас Великонис, люди в Литве авторитетные, ищущие, дерзкие.

По Александру Чапанову, расстрелянному в качестве руководителя несуществовавшей трудовой крестьянской партии, землевладелец — Атлант, он держит небо! Но Атлант стоит на земле, где суглинистой, где жирной, где распаханной в прах, где заболоченной... Став собственностью, земля обретает непостижимую способность воздавать человеку за его труды. **Ничья земля** эту способность утрачивает, и тогда вступает в силу закон убывающего плодородия — об этом знал К. Маркс, об этом помнил В. Ленин. На любое насилие, обезличку земля отвечает собственной смертью и расчеловечиванием временных обладателей. Колхозный социализм (и тем более совхозный) обернулся растратой безоглядного труда двух-трех поколений поденщиков. Земледельцев преследовали рыцари жесткого государственного планирования. Изымались практически безвозмездно силы рук, терпение сердец, радость бытия. Итог — сотни, тысячи обезлюдивших, закредитованных хозяйств, смешение государственной и кооперативной форм собственности. Хозяева стали иждивенцами. И эта драма радует кое-кого в Вильнюсе и Москве: люди, мол, сами не уйдут из колхоза, они жизни ему отдали!.. А никто не скажет вслух, что **продразверстка, злая придумка революции, дрящящая до сих пор, привела к раскрестьяниванию, страшной эрозии миллионов душ, бывших же когда-то живыми.** Продразверстка, как привыкли, как легче, или — живая жизнь, родственные отношения с окружающей природой и рынок как цель экономической деятельности людей свободного труда? Вот в чем вопрос. Литва пока не дала однозначного ответа. Его, однозначного, и быть не может. Люди тянутся к сочетанию самых разных форм хозяйствования на земле. А значит, и к разным формам собственности — государственной, кооперативной, частной, смешанной...

Какова же разница в позициях А. Гедрайтиса и В. Лапе — каждый из них возглавляет «свой» колхоз и «свой» Союз земледельцев?

Вацлавас Лапе понял, что землю так или иначе придется отдать, что сами землевладельцы решат, создавать ли кооператив на базе всего нажитого колхозом или ассоциацию коллективистов-пайщиков, живущих в добром соседстве с хуторянами. Вацлавас Лапе: «Мы уже прикинули вариант, все колхозное имущество распределили между семьями — паи в рублях; так что если кто

выйдет из колхоза, то не голый, но со своим наделом земли и своей долей, а это несколько десятков тысяч рублей! Уже сейчас каждый из нас в Жейме знает: его пай — в основных фондах. Захотят сохранить коллективное хозяйство — пусть, но я как председатель больше им не нужен; люди сами, став наконец-то крестьянами, сообразят, что им выгоднее — кооператив ли, или акционерное общество...

Альфонсас Гедрайтис, человек крайностей и личной инициативы, с удовольствием, как всегда, сам решает судьбу «своих» колхозников. Он за мощное единое сельскохозяйственное предприятие в Эришкяе. Был известный колхоз — сменим табличку, назовем по-другому, но сохраним движимое и недвижимое: «В колхозе моего труда, моих личных хлопот больше, чем чьих-либо». Так и сказал: «Я землю не дам, она уже вся используется. Я решил вместо сорока приусадебных соток дать каждому гектара по полтора. Или по три — тем, у кого семья большая... И пусть не колхоз, не его устав думают за этих людей, а они сами, чем заняться на этих полутора гектарах. А на базе колхоза организуем Эришкяйское акционерное сельскохозяйственное предприятие. Кто хочет, пусть приобретет акции, станут моими совладельцами. Разумеется, у каждого акционера прав будет куда больше, чем у нынешнего колхозника...» Я понял так, что А. Гедрайтис, привыкший к роли новатора, и сегодня намерен остаться во главе «своего» дела в Эришкяе.

Как соединить интересы трудяги с интересами общего дела, государства? Над этим не всегда думали хозяева страны, хотя говорилось немало: схем перепробовали грудой. Последнее достижение «теоретической» мысли КИТ, то бишь коллектив интенсивного труда... Там и тут понасаживали тройки крепких механизаторов и посмотри, на что они способны, если сказать им «дай-дай-дай». КИТы показали, что обычный наш колхозно-совхозный механизатор способен работать втрое-четверо более производительнее. И это предел. Для члена производственного коллектива, в котором один с сошкой, а семеро с ложкой. Альфонсас Гедрайтис: «Я прожил жизнь, как говорится, в ногу с эпохой. Как я, старик, теперь могу выразить свой талант, свой интерес, свое мнение? Через колхоз? Нет, я его перерос... Через КПСС? Ясно, что не смогу. Через наше движение «Саюдис»? Не уверен... Нам нужна своя крестьянская партия. Для самозащиты. Хотя я понимаю, что нигде, где такие партии есть, она не играет ведущей роли в государственном устройстве».

Итак, В. Лапе готов уйти. А. Гедрайтис ищет, как сохранить себя в роли вожжа селян, тех двух-трех поколений, которые были свидетелями его борьбы за колхоз. Когда-то он им всем давал работу — землякам, тем, кого сселили, всем пришедшим... Теперь они будут, по его мысли, его арендаторами.

Станиславас Гедрайтис, секретарь ЦК Компартии Литвы, так и сказал: «Если будет акционерное общество, то колхоз, по существу, не разрушится». И еще: «Беду в деревне натворили. Но и сегодня я возражаю — почему это партия не должна вмешиваться в хозяйственную деятельность? Если не партия, если не роль райкомов партии на местах, то будет бесхозяйственность и невежество...»

О роли хозяина земли — ни слова. Такая позиция. Знакомая до оскомины. В который раз я вспомнил Федора Михайловича Достоевского: «Неужели и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя...» Федор Михайлович писал о патриотизме. Но то же волнение вызывает и чувство землевладения, чувство своей земли.

Счастливая жена крестьянина Милда Паурене с жаром рассказывала, как

они с мужем, колхозным агрономом, надумали взять землю в собственность:

— Альбинас долго не верил в такую возможность, но мечта взяла свое. Ни от кого не зависеть — это такое счастье! Нет сил ходить на службу. Мы с ним, согласитесь, еще молоды, дети быстро взрослеют, они тоже подталкивали — купите землю! Но землю не продают, ее дает комиссия райисполкома... И Альбинас решился. Мы обрели смысл жизни! Первое знакомство со своей землей — такое не забыть.

А когда купили трактор, я оглянуться не успела, как младший сын влетел в кабину, вцепился в руль. Старший сын, Эгидиус, более сдержан, но и он сразу преобразился, только в поле пропадает...

Мы уже посеяли под зиму и рожь, и озимую пшеницу, и рапс. Дети, конечно же, главная рабочая сила! Старший твердо решил — буду менеджером! Сеяли дотемна... А как мы ждали всходов! Осень сухая, семена ждали дождя. Через две недели сыновья затормошили отца — поедem в поле!.. О, надо было их видеть в то утро, когда наша земля, вчера еще такая серая, как неживая, покрылась зеленым ковром! Я плакала, сыновья кричали «ура»!.. Наши всходы, наш хлеб. Мы с мужем оба агрономы, но так никогда в жизни не волновались...

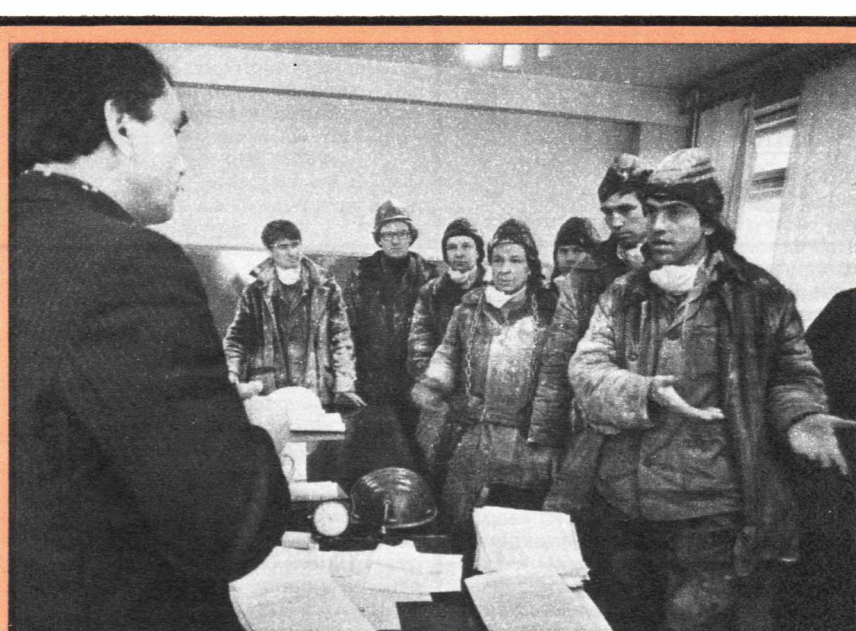
Я видел счастливую женщину, счастливую мать. И хозяйку нешуточного хозяйства.

— Наши планы вполне реальны. Чтобы иметь приличный доход и удовлетворение, будем откармливать свиней на бекон, с весны заведем пчел, будем сеять медоносы, а зерновые на фураж...

— И все-таки для чего вам, вашей семье земельные владения?

— Для жизни. Для полноценной жизни. Муж, хотя и агроном, был служащим. Своя земля даст ему возможность проявить себя как личность. Мужчине должен иметь дело, а не быть только членом семьи, приносящим свою зарплату в общий кошелёк... Дети сразу обратили лошадь. Увлечлись трактором, как автомашиной. Мы — семья читающая, музыкальная, поем в хоре колхоза в Рамигале. Так что интересы были всегда, жили активно. Но никакое иное чувство нельзя сравнить с чувством собственника земли! Кому нужно сельское хозяйство? Никому... И, как показал наш исторический опыт, государству тоже не нужно, иначе бы все проблемы давно решили. Сельское хозяйство нужно нам, жителям села. Это форма нашего существования. И мир, который горожане называют природой, место нашего обитания — наших родителей, наших детей...

Счастья вам, землевладельцы Литвы! Пусть озимь выйдет из-под снега живой, укоренившейся, рвущейся к солнцу. Тревожно за озимь.

«ЗА и ПРОТИВ»

Журнал «Огонек» и
Всесоюзный центр изучения
общественного мнения
сообщают

В октябре этого года Всесоюзный центр изучения общественного мнения начал анализ отношения населения к ходу и перспективам проводимой в стране экономической реформы. Перестройка экономики сопряжена с огромными трудностями. Здесь и крайне тяжелое положение, в котором находится сегодня народное хозяйство страны, и сопротивление командно-административной системы, и требование немедленной реальной отдачи от экономических реформ, и появление неизвестных нам ранее проблем — инфляции и безработицы. Какой курс должны мы выбрать в будущем экономическом море, с чем можем столкнуться? Готовых ответов пока нет. Однако, двигаясь вперед, нельзя забывать о том, что перестройка ведется во имя интересов человека. Поэтому любые сколько-нибудь крупные экономические и социальные преобразования неэффективны да и недопустимы, если не учитывают чаяния и ожидания народа. Приведенные результаты — лишь часть оценок городским населением страны ключевых моментов экономической реформы.

ВОПРОС. Какое влияние, на ваш взгляд, оказывают процессы демократизации в политической сфере на экономическое положение страны?

Положительное	— 18,9 %
Скорее положительное, чем отрицательное	— 27,2 %
Скорее отрицательное, чем положительное	— 19,5 %

Безусловно отрицательное	— 5,0 %
Затрудняюсь ответить	— 29,5 %

ВОПРОС. Как вы считаете, удастся ли в ближайшие год-два остановить быстрый рост цен?

Думаю, что удастся	— 15,0 %
Думаю, что не удастся	— 57,2 %
Я считаю, что цены практически не растут	— 1,0 %
Затрудняюсь ответить	— 26,9 %

ВОПРОС. Что бы вы могли сказать о доходе вашей семьи?

Живем за гранью бедности	— 2,6 %
Едва сводим концы с концами	— 31,1 %
Экономим и живем более или менее прилично	— 52,7 %
Живем без особых материальных забот	— 10,1 %
Затрудняюсь ответить	— 3,5 %

ВОПРОС. Что следовало бы сделать прежде всего, чтобы поднять заинтересованность людей в результатах труда?

Передать предприятия в коллективную собственность тех, кто на них работает	— 23,6 %
Наладить справедливое распределение доходов, ликвидировать неоправданные привилегии в снабжении товарами	— 34,6 %
Резко увеличить разницу в оплате труда между теми, кто хорошо и плохо работает	— 30,6 %
Усилить дисциплину труда, контроль за порядком	— 31,7 %
Затрудняюсь ответить	— 6,8 %

(Некоторые отвечавшие называли две позиции, поэтому сумма больше 100 %).

ВЦИОМ проводит изучение общественного мнения по заказам государственных, общественных, кооперативных организаций по любым интересующим их проблемам. Наш адрес: Москва, Ленинский проспект, 146, телефон 438-51-77.

Перепечатка информации только с разрешения ВЦИОМ.

«ЗА и ПРОТИВ»

В 72-ю годовщину Октябрьской революции члены рязанского городского клуба избирателей вышли на праздничную демонстрацию своей колонной для того, чтобы заявить о поддержке курса демократизации, гласности, обновления всех сторон нашей жизни. Демонстранты вышли с лозунгами «Вся власть демократически избранным Советам!», «Нет выборов без выбора!», «Новое здание обкома — народу!», «Бюрократия — враг перестройки и природы». К центру Рязани — площади имени В. И. Ленина — колонна двигалась в плотном окружении милицеевских и воинских подразделений. За пятьсот метров до площади членов клуба отрезали от остальных демонстрантов тройной цепью, а затем взяли в каре с четырех сторон. Несмотря на то, что в первых рядах нашей колонны были народный депутат СССР Н. В. Молотков, ветераны войны и труда, ветераны партии, женщины, дети, на площадь нас не пропустили.

Считаем, что подобные действия являются прямым нарушением наших конституционных прав и оскорблением человеческого достоинства.

Активизация общественной жизни — следствие перестроечных процессов, и, несмотря на желание иных чиновников, сознательных граждан уже не превратить в бессловесных исполнителей чужой воли.

ИЛЬЧЕВ, ДЕМЧЕВ,
всего 33 подписи членов
рязанского клуба избирателей

Мы, жители поселка Канчалан, категорически не согласны с решением сессии Канчаланского сельского Совета от 18 сентября 1989 года по поводу освобождения председателя исполкома сельского Совета тов. Маловой Н. Г. от занимаемой должности. С 1986 года она, имея троих детей, работала на общественных началах внештатным инспектором окружного комитета народного контроля. Помогала людям в решении социально-бытовых проблем, неоднократно печаталась на страницах окружной газеты «Советская Чукотка» с критическими материалами, выступала на радио. Мы, жители, увидели, что в сельском Совете появился наконец-то заинтересованный человек, пекущийся не о своем благе, а о благе народа.

Нина Георгиевна работала в должности председателя сельского Совета с 29 мая по 18 сентября. За это время снялись острые вопросы по торговле, наладили поступление свежих овощей, фруктов, мяса, отрегулировали распределение остродефицитных товаров, открыли полки для новорожденных, новобранцев. Решили вопросы с вывозом пассажиров на встречных самолетах. Провели два аукциона, часть выручки от которых пошла на погашение бюджетного дефицита. Стали проводиться еженедельные совещания по вводной котельной и интернату на 120 мест. Наладили вопросы питания жителей в местной сельской столовой. В поселке стала улучшаться трудовая дисциплина. Председатель старалась вникнуть

во все проблемы жизни поселка и решить их. Но поддержки от депутатов (а у нас их 25 человек) председателю не было, так как большинство депутатов в это время было в отпусках на материке или в тундре. В поселке оставалось только 8 депутатов и из 7 членов исполкома лишь одна Н. Г. Малова.

Однако депутаты, все лето спокойно отдыхавшие в отпусках, не разобравшись и не выслушав Малову, решили снять ее с руководящей должности. 11 сентября она ушла на больничный по уходу за двумя больными детьми, а 18 сентября, когда был кворум членов исполкома, ее освободили от занимаемой должности.

Обвинения, выдвинутые в адрес тов. Маловой, мы считаем необоснованными, а сессию исполкома необъективной, так как не были учтены мнения избирателей Маловой. Предварительное собрание по проведению сессии было проведено тайно 13 сентября, причем Малова Н. Г. даже не была поставлена в известность.

Мы выражаем протест против принятия этого решения. Как можно было освободить человека, работавшего всего 3,5 месяца? И кому виднее — жителям п. Канчалан или работникам райсовета, быть или не быть председателем сельского Совета Н. Г. Маловой?

Жители п. Канчалан
Магаданской области,
всего 60 подписей

Через два года — 50-летие разгрома немецко-фашистских войск под Москвой — первого крупного поражения гитлеровского вермахта во второй мировой войне. На всех военных картах начала октября 1941 года видно, как одна из синих немецких стрел, нацеленных на Москву, круто поворачивает снова на запад: в тылу рванувшихся было к Москве гитлеровских полчищ остались 19-я, 20-я (в том числе три дивизии 16-й), 24-я, 32-я армии Западного и Резервного фронтов во главе с командармом-19, героем Смоленского сражения генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным (в их числе пять, а не 12, как сообщала 20.10.89 г. «Советская Россия», дивизий народного ополчения, а именно: 2-я, 7-я, 8-я, 9-я, 13-я). Обескровленные в предшествующих боях окруженные части насчитывали всего 1/4 — 1/5 штатного состава, не хватало вооружения, боеприпасов, медикаментов, продовольствия. А им противостояли 28 немецких дивизий, из них 7 танковых и моторизованных, в том числе дивизии Функа, бравшего Париж, Варшаву. Истекающие кровью войска упорно и настойчиво рвались на помощь Москве: «Москву защищать нечем и нечем» — гласила радиogramма, полученная М. Ф. Лукиным от Верховного Главнокомандующего.

Маршал Г. К. Жуков, 10 октября вступивший в командование вновь формируемым Западным фронтом, многократно и страстно подчеркивал решающее значение для обороны Москвы боев, которые вели окруженные под Вязьмой войска, отмечая, что в эти «самые опасные» для Москвы дни войска вяземской группировки сжали «основные силы» немцев и дали командованию возмож-

ность выиграть драгоценное время для создания Можайской линии обороны. Кровь и жертвы, понесенные окруженными войсками, подчеркивал Г. К. Жуков, не пропали даром, их подвиг ждет должной оценки.

Но не спешат выполнить заветные маршала. По обе стороны Минского шоссе у города Вязьмы лежат десятки тысяч защитников Родины, зарытые местными жителями под дулами фашистских автоматов, в окопах, воронках, без братских могил. По весне река Вязьма и ее притоки вымывают их останки, болотная жижа растворяет остатки документов, а по всей стране живут сотни тысяч людей, получивших горькое известие, что их отец, дед, брат «пропал без вести».

Генералы М. Ф. Лукин и В. Р. Вашкевич до своей смерти пытались хлопотать об увековечении памяти своих солдат. С 70-х годов о том же хлопотут ветераны 2-й дивизии народного ополчения Москвы и коллектив 434-й московской школы.

Один только коллектив завода МЭЛЗ откликнулся на решение МК КПСС увековечить память ополченцев, выделив 15 тысяч рублей из своих фондов и собрав более тысячи рублей добровольных взносов. Он же заказал «Моспроекту-1» проектно-сметную документацию для сооружения памятного знака в с. Богородицкое, созданного на обществ. начал проф. Соловьевым и И. Г. Кадиной. А время идет...

Еще безнадежней дело с сооружением мемориала воинам всех четырех армий на Минском шоссе. Письмо группы ветеранов и военных историков председателю СКВВ маршалу авиации А. П. Силантьеву ушло отсюда в Смоленский обком КПСС, и на том дело замерло. Почему уже почти 25 лет мы не можем добиться увековечения памяти сотен тысяч воинов разных национальностей, с трепетнейшими и гранатами в руках преградивших путь к Москве бронированным полчищам гитлеровцев?

И. ФИЛАТОВА,
председатель совета ветеранов
2-й дивизии народного
ополчения Москвы

Избиратели Ногинского территориального избирательного округа № 36 протестуют против грубого нарушения руководством Ногинского ГК КПСС действующей Конституции СССР, предусматривающей безусловное право народных депутатов СССР беспрепятственно осуществлять свои права и обязанности.

Бюро Ногинского ГК КПСС наложило запрет на публикацию статьи народного депутата СССР Ю. Н. Афанасьева в газете «Знамя коммунизма».

Редакция газеты объявила политическую забастовку с 3 ноября. В поддержку этой акции редакцией получено более 8 тысяч подписей избирателей нашего округа.

10 ноября в здании горкома партии начался пленум ГК КПСС, на котором шел суд: судили редактора газеты «Знамя коммунизма» Владимира Пучкова. Абсолютное большинство участников пленума проголосовали против В. Пучкова и газеты.

В. Пучков выведен из состава бюро ГК КПСС. Пленум проходил под охраной милиции.

Такие действия местного партийного руководства, по нашему мнению, наносят в явном противоречии с лозунгами построения правового государства.

Если мы стерпим сегодня этот плевок в лицо всем нам, то завтра мы опять будем бояться, даже наедине с собой, говорить правду. Поэтому мы требуем свободы слова для нашего народного депутата — мы требуем незамедлительного восстановления в должности редактора газеты «Знамя коммунизма» В. В. Пучкова и создания условий для нормальной работы редакции.

Члены совета избирателей:
Г. ЧИРКОВ, Н. КОЛГАНИХИНА,
В. ЛОМЕЙКО,
всего 30 подписей
Ногинск

Не многие задаются вопросом: почему мы все являемся членами профсоюза?

Неужели все хотят учиться в «школе коммунизма»? Да потому, что государство отдало профсоюзам право управлять социальным страхованием, а профсоюзы в уплату за это придумали, как заставить всех быть его членами. Ведь людьми, объединенными в такую массовую организацию, легче управлять при том социализме, который у нас существует. Не мудрствуя лукаво, Президиум ВЦСПС от 12.11.84 года утверждает положение, в пункте 30 которого говорится: «...рабочим и служащим, не состоящим членами профсоюза, пособие по временной нетрудоспособности выдается в половинном размере...» Хочешь не хочешь, а пойдешь учиться в «школу коммунизма». Почему же не член профсоюза должен ущемляться в своих правах на лечение, на отдых, ведь средства на эти цели зарабатываются и вносятся одинаково? Так, в статье 100 Основ законодательства СССР и союзных республик говорится: «Все рабочие и служащие подлежат обязательному государственному социальному страхованию. Государственное социальное страхование осуществляется за счет государства. Взносы на социальное страхование уплачиваются предприятиями... без каких-либо вычетов из заработной платы рабочих и служащих». Все вроде бы хорошо и правильно. А профсоюз добавляет: все-то все, но не все одинаково.

Много и других моментов, обесценивающих «добровольность» членства. Это и распределение жилья, дефицита, путевок и т. д.

Из сказанного один вывод: недопустимо позволять управлять социальным страхованием никому, кроме закона, а закона такого у нас нет.

Второй вопрос касается размера пособия по временной нетрудоспособности. Сейчас установлено, что 100 процентов заработка с премией и надбавкой за выслугу лет по больничному листу выплачивается лишь после 8-летнего непрерывного трудового стажа. Почему для этого необходимо 8, а не 5 лет, выяснять пока не будем. А вот почему, если у меня стаж прервется, а я снова

работую, я получаю, как начинающий, только половину этой суммы? Получается, что заработанные мной деньги кто-то может у меня отнять. Все это сделано из соображений принудительного привлечения к труду, чего нет больше нигде в мире.

Читал в прессе, что новое советское законодательство будет приведено в соответствие с хельсинкскими соглашениями. Но может получиться так, что в закон мы внесем изменения, а постановления ВЦСПС не позволят этого сделать в полной мере.

Это только часть социальных несправедливостей, созданных нашими замечательными профсоюзами.

В печати опубликован проект Закона СССР «О правах профессиональных союзов СССР». В нем опять в статье 13 говорится о том, что профсоюзы СССР управляют государственным социальным страхованием. Нам же нужны боевые профсоюзы, борющиеся за социальную справедливость. А пока они создают видимость активности, стараясь реабилитировать себя за потерянный престиж во время забастовок горняков.

В. ДУНАЕВ
Москва

Главным звеном перестройки мне видится не способ налогообложения, не сам по себе хозрасчет, а которым у нас тоже напустили порядочно «туману», и не рыночная экономика, а прежде всего кадровая политика. Я имею в виду порядок найма и увольнения с работы рабочих и служащих. Надо переходить на контрактную систему, то есть при найме и в конце года руководитель предприятия подписывает или продлевает контракт с каждым работником. Увольнение работника контролируется, как и сейчас, общественными организациями. Но и предприятия в целом в лице совета трудового коллектива подписывает контракт с руководителем предприятия. Предприятие с увеличением стажа работы своего работника постоянно наращивает количество льгот. Вот здесь-то огромную роль должен сыграть фонд социального развития. Чтобы повысить ответственность предприятия при увольнении работника, предприятие обязуется выплачивать ему пособие в размере прожиточного минимума в течение года при условии, что уволенный нигде не работает (следить за всякого рода нарушениями — дело финансовых органов). Предприятия же производят отчисления в местные Советы, а уже из фондов местных Советов осуществляется «помощь нуждающимся потребителям»: инвалидам, пенсионерам, сиротам, студентам, многодетным.

Естественно, контрактный способ найма на работу должен опираться на хозрасчет, а еще лучше, когда предприятие берет ответственность коллектива, на правильно продуманную систему налогообложения и, безусловно, на рыночный способ экономики (для предприятий) при отсутствии монополизма в сфере производства товаров и услуг.

Я прекрасно понимаю, что «контрактный способ» повлечет за собой армию безработных. Но давайте задумаемся в смысл этого слова: безработный — тот, кто не работает. Я думаю, что таких у нас больше, чем во всех западных странах. Сохранение этой армии, как и армии военнослужащих, как раз и должно стать заботой государства.

А. СУХОВ,
председатель СТК
гостиницы «Космос»

Сегодня я вынул из почтового ящика повестку о призыве на службу моего сына. Это не яркое, в патристических тонах выдержанное «приглашение», соответствующее имиджу телепередач «Служу Советскому Союзу», а отвратительная казенная бумага, снабженная устрашающим штампом «за неявку будите привлечены к ответственности по закону». Этот маленький штамп перевешивает все рекламные фильмы и брошюры о Советской Армии, заранее дает понять призывнику, что в хваленной «школе мужества и патриотизма» все основано на принуждении. И если маленького мальчика, а затем юношу недостаточно обезличил издерганный дамский педагог средней школы, то, будучи уверен, армия закончит его формирование.

Далее, созвучно повестке, военная присяга не раскрывает смысла слов «преданность Родине», а лишь указывает на неотвратимость кары за предательство. Предательство кого и чего? В свете нового мышления, приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, в масштабах планетарного мышления бездумная и безоговорочная преданность сугубо интересам Родины становится узкокопленным подходом к идее выживания рода человеческого.

За годы перестройки радикально изменена советская военная доктрина, а формулировка военной присяги осталась той же. Она не позволяет воину своим умом и сердцем компенсировать моральную неполноценность вышестоящего командира. Вернее, позволяет, но только ценой своей собственной жизни по приговору военного трибунала за невыполнение приказа.

Военная присяга должна быть сформулирована заново. Она должна стать созвучной клятве Гипократа: не повреди мирному человеку!

Только новая военная присяга, соответствующая новому мышлению, может быть гарантией неиспользования армией против мирных людей.

Я воспитал своего сына на гуманистических принципах. Он впитал идеи и дух перестройки. Он не удалил саперной лопаткой безоружного человека, как это было в Тбилиси 9 апреля 1989 года. Стало быть, испытает на себе всю «неотвратимость кары» закона, противоречащего совести.

Я не хочу вытащить из почтового ящика следующую казенную бумагу с известием о гибели сына, расстрелянного по приговору трибунала за невыполнение приказа при чрезвычайной обстановке. Поэтому я обращаюсь к министру обороны с просьбой разрешить мне отслужить срочную службу вместо моего сына. Я танкист, старший лейтенант запаса. Мне 42 года, я вполне сформированный, зрелый человек и защитить Родину от врагов смогу не хуже любого юноши. А может быть, и лучше. Уверю вас, что я не замараю офицерской чести, и, если будет приказ давить мирных людей, мой танк не двинется ни на один трамвай с чувством выполненного долга пойду под трибунал.

А. ЛЕОНОВ,
отец единственного сына,
преподаватель
Ленинград

Читаю и вновь перечитываю статью «Сломали родительский дом».

В моей памяти сохранилась картина лежавшего в руинах, залитого весенним солнцем Чернигова, когда мы после войны возвращались из эвакуации. Помню руки родных и нас,

детей, в кровавых водянках после разборки завалов и очистки от старого раствора кирпича для строительства своего дома. Строили все, ведь жилья не было и тисались буквально «друг на друга». Но что важно: люди вокруг были добры.

Сейчас же события по сноску добротных домов в Киеве, как в зеркале, находят свое отражение в городе Чернигове. 28 сентября 1989 года жители Чернигова послали письмо в Совет Министров СССР и Госстрой СССР о том, что постановления и распоряжения о недопустимости сноса пригодных для проживания жилищ в этом городе грубо нарушаются местными властями.

Для председателя Черниговского исполкома тов. Литвинова Н. И., первого секретаря горкома партии тов. Федоренко Г. А., главного архитектора города Павлюкова В. Н., зам. начальника областного управления архитектуры тов. Тимошенко А. К. призыв партии к «повышению партийной и административной ответственности на местах» является пустым звуком.

Вот цифры по «переселенцам» за 1 год и 9 месяцев по Чернигову. Сумма ущерба от уничтоженной площади и ликвидации садов составила 88 миллионов 678 тысяч рублей!

При очереди в 20 тысяч ожидающих квартир съемщиков в Чернигове идет уничтожение средств на более чем крупную сумму, а очередь почти не движется. Иначе как саботаж перестройки на местах это не назовешь!

Сегодня такой бесхозяйственности мы обрекаем себя на самоуничтожение.

А. КЛЯРЦЕВИЧ
Чернигов

«Ленинградская правда» 4 октября 1989 года сообщила, что начала работу комиссия обкома КПСС в Ленинградском комитете по телевидению и радиовещанию. Задача комиссии — выяснить, как выполняется партийной организацией комитета по телевидению и радиовещанию постановление бюро обкома КПСС «О работе комитета по телевидению и радиовещанию исполкомов областного и Ленинградского городского Советов народных депутатов в условиях перестройки социально-экономической и духовной жизни».

Меня и многих товарищей эта проверка удивила. Ленинградское телевидение очень популярно не только в Ленинграде, а во всех городах, имеющих возможность смотреть наши программы. Пользуются успехом программы Ленинградского телевидения даже в Москве. Я не ошибусь, если скажу, что наше телевидение одно из лучших в стране, если не самое лучшее.

Каждая проверка имеет свою цель. Как правило, проверяется отсталое хозяйство для выяснения причин отставания и принятия мер по выведению этого хозяйства из прорыва. А зачем проверять передовое хозяйство?

Я опасаясь результатов, подобных печальным и стыдным мерам, некогда примененным к журналу «Звезда» и «Ленинград». Странно и то, что решение о проверке принято 2 года тому назад.

Надо ли выполнять старые решения и тратить такие силы: «члены комиссии — депутаты местных Советов народных депутатов, ученые-обществоведы, деятели культуры, журналисты, партийные работники...»

Может быть, лучше использовать эти силы для проверки торговли, транспорта, правоохранительных органов?

Ю. АЛЕКСАНДРОВ,
капитан I ранга запаса,
член КПСС

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В последнее время редакция и другие организации получили ряд писем, в которых некоторые из ветеранов Великой Отечественной, в особенности те из них, кто пребывает в руководстве ветеранских организаций, возмущаются обложкой № 41 «Огонька» и стремятся увидеть в изображенном на ней человеке в офицерской форме воплощение всех ветеранов, а поэтому возмущаются от имени всех. Настоящим мы хотим подчеркнуть, что наше уважение к людям, ценой своих жизней, подвигом этих жизней спасших страну, безгранично. Но мы присоединяемся к мнению тех ветеранов, кто из разных городов СССР писал и звонил в редакцию, заявляя, что не хотят они отождествлять себя с человеком в армейском мундире, стоящим под российским имперским флагом (этим же флагом пользовались и власовцы в годы прошлой войны) с томиком Сталина, прижатом к груди. Уважение к ветеранскому званию и защита его достоинства — всенародное дело. Тем более мы не соглашались с теми, кто спешит использовать высокое и чистое ветеранское имя в защите идеалов, не имеющих ничего общего с жизнью обновляющейся страны.

РЕДАКЦИЯ

В редакцию поступают письма от читателей, спрашивающих, почему так и не вышла в эфир на ЦТ принятая и неоднократно анонсированная передача — мое интервью с эстонским журналистом Урмасом Оттом. Самый четкий ответ, полученный в редакциях ЦТ: «Пробиваем. Невозможно пробить». Не хочу, чтобы меня пробивали. Для внесения полной ясности в ситуацию предлагаю вашему вниманию телеграмму, отправленную 20 ноября:

Москва
Гостелерадио СССР

Председателю

Ненашеву Михаилу Федоровичу
Уважаемый Михаил Федорович! Записанное начало августа неоднократно обещанное зрителям ЦТ интервью Урмаса Отта со мной эфир не вышло. Думаю ЦТ достигло желанной цели интервью устарело. Прошу вас прекратить издевательство анонсированием передачи. Согласованию авторами передачи распорядился записать своему усмотрению. Считаю ситуацию унижительной для гласности для себя для читателей и зрителей.

Виталий КОРОТИЧ,
народный депутат СССР,
главный редактор журнала «Огонек»

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

К сожалению, рамки «тонкого» журнала не позволяют нам опубликовать материалы пленума полностью.

Мы предлагаем фрагменты состоявшегося разговора, отражающие его ход и тональность, по магнитофонной записи, сделанной Владимиром ЧЕРНОВЫМ во время заседаний.

ВСЕ ЗАЕДИНО!

СЦЕНЫ VI ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР 13—14 НОЯБРЯ 1989 ГОДА.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Настоящее и будущее книгоиздательского дела в России.
 2. Состояние литературно-художественных журналов Союза писателей РСФСР.
- Председательствующие: С. МИХАЛКОВ, Ю. БОНДАРЕВ.

Действие I. ОТСТУПНИК

Станислав КУНЯЕВ: Дорогие друзья! Роль наших российских журналов — это роль объединяющая. И, вопреки расхожему мнению прессы о «Нашем современнике», где я сейчас работаю, о каком-то якобы шовинизме нашего журнала, я просто хочу сказать, что в последнее время мы опубликовали целый ряд произведений из Российской Федерации.

Для сравнения скажу вам, что журнал «Октябрь», тоже российский журнал, и выходящий большим тиражом, в 1988 году не опубликовал ни одной строчки из писателей и поэтов нашей Российской Федерации. Я их понимаю. Место журнальное дорогое, и отдано оно было под произведения деятелей третьей эмиграции: Синявского, Саши Соколова, Довлатова. Вот так вот выполняет объединительную роль для писателей Российской Федерации наш богатый традициями журнал «Октябрь». Лично я, как автор, претензий к нему не имею, печатался там два года тому назад, и, как автор, не уязвлен, но уязвлен, как русский писатель, болеющий за всю российскую литературу. И после публикации Синявского больше печататься в таком нынешнем «Октябре» просто не могу. (*Аплодисменты.*)

«Прогулки с Пушкиным» Синявского — русофобия и надругательство над Пушкиным. Совершенно ясно, что это хулиганство, причем не мелкое, а крупное. С последствиями. Начинается с Синявского, а продолжается, как вот на днях было сообщено в прессе, надругательством над памятником Пушкину в Кишиневе. Цепная реакция идет. Если в Москве, в российском журнале можно, то почему нам, молдавским националистам, нельзя? Все очень логично. Дантесу простительно, он не знал, «на что он руку подымал». Синявский и «Октябрь» знают. Дантес приехал сюда «на ловлю счастья и чинов», Синявский, видимо, на ловлю популярности и гонораров. Вот разница-то. Одно сходство, что оба — из Франции. (*Смех, аплодисменты.*)

Что же касается письма тридцати депутатов в защиту Ананьева в «Книжном обозрении», то хотелось бы вот что им сказать: если они так заинтересованы, чтоб Ананьев руководил таким вот журналом, пусть образуют ассоциацию, скинутся, люди они не бедные, организуют новый журнал, назовут его «Европеец» или «Европейский дом», и пусть там домоуправом будет Ананьев, или Синявский, или оба вместе. Вот это выход из положения очень демократический. А это наш журнал, который, конечно, ни в какие руки мы не отдадим! (*Аплодисменты.*)

Николай САМЕЕВ: Это мы знаем хорошо обстановку в нашей литературной среде, но люди-то не знают, они читают самые массовые журналы, читают «Огонек», а что делает «Огонек»? И так мы взвинчены, а он держит, знает, как этого, обреченного на повеше-

ние, на скамейке в таком состоянии, в подвешенном, с петлей на шее: вот-вот, думает, опять выбьют подставку! То есть не дает возможности людям как-то зацепиться ногами за опору, за землю, понимаете? Вот что страшно, так сказать. Какие надежды мы возлагали на рязанское вот это выездное заседание секретариата! Мы увидели — это действительно была надежда, вот, говорит интеллигенция России, вот они, требования: дайте нам вместо желтого «Огонька» наш «Огонек», конкретно было изложено: дайте нам журналы, дайте нам журнал дружбы народов, дайте нам свой, этот самый... академично. Ну и что же мы получили? Мы ждали: откликнутся? Ну, откликнулся «Огонек», вот тебе «Рязанские посылки»! Да это же такая была пощечина! Я еще, грешным делом, надеялся: думаю, ну, ведь за всем этим процессом следят же, наверное, в Кремле! Ну не хе-христи ж там сидят, думаю! Ну, должны они... (*Бурные аплодисменты.*) И отсюда нет поддержки.

Юван ШЕСТАЛОВ: Духовность кто-то пытается поломать. И я сегодня хочу повторить слова: «Отечество в опасности!» Но, может быть, не то социалистическое отечество, которое само не хочет быть социалистическим почему-то, а то отечество, наше российское отечество, в котором мы тысячи лет вместе живем? (*Аплодисменты.*) Если там, в Молдавии, где, к сожалению, пролилась кровь, зреет желание отделиться, уйти: пусть уходит, пусть живут своими помидорами! (*Смех в зале.*)

Исчезают малые народности Севера. Но сегодня хочется говорить о главном. О России, потому что здесь — главный нерв. Я прошел по России от Кольского полуострова до Курильских островов и видел: люди читают Александра Сергеевича Пушкина, а не Абрама Терца! (*Смех, бурные аплодисменты.*) Почему же так много в печати Терца? Только что в Ленинграде вышел первый номер газеты «Ленинградский литератор», там: Терц, Терц, Терц!

Алексей МАРКОВ: Когда я волею перестройки поехал в Турцию, я удивился: там двадцать видов рыб, которых мы не знаем. Оказывается, рыба эмигрировала с наших берегов туда. Потому что у нас загрязнено все, дышать нечем. Не мигрировала, а эмигрировала! В Каспийском море так же, почти вся ценная рыба эмигрировала. И только мы, терпеливые большевики, не эмигрируем! Понимаете? Мы живем, невзирая ни на что! Как вы понимаете: душа прилипла к земле, и уж ее никак не оторвешь. Вот я невольно подумал. Когда мы в душегубке живем, когда надо броситься всем, всему парламенту — спасать землю, подумалось: до литературы ли, когда мы все обречены?! Нация погибает! Но раз мы заговорили о литературе, я тоже подключаюсь. Почему литература терпит такие страдания? Не мытьем, так катаньем — запретить литературу, большую литературу запретить! Средняя — пожалуйста, се-

рая — пожалуйста, заумь — пожалуйста, тут даже периферийные журналы начали заумь печатать, потому что это уже в моду входит. И ведь назначают редактора такого, который очень удобен. Тут много уже говорили об «Октябре», топтались, по-моему, уже неприлично даже, Пушкин бы этого не перенес. Боже мой! Слон идет, шавка лает. Он сам написал: «О муза, будь послушна!», там... «не оспаривай глупца». Ну зачем глупцам мы уделяем столько внимания? Это действительно дурачье какое-то! Недоразвитое! Но другое страшно. Как Ананьев мог стать редактором, будучи заведомо националистом, групповщиком?! Я мог бы привести вам десятки примеров, что он не на своем месте.

Андрей ТУРКОВ: Мне не понравился тот отрывок из книги Синявского «Прогулки с Пушкиным», который опубликовал «Октябрь», я полностью не читал этой книги. Мне это кажется легкомысленным, кажется вкусовым и моральным фрондерством, я это прочитал с чувством раздражения. Но, вероятно, потому, что россияне — отходчивый народ, я все-таки с некоторым удивлением и сопротивлением слушал многое, что в этом зале прозвучало. Я думаю, как бы отнесся сам Пушкин к напечатанному, и вспоминаю эпизод из «Мощарта и Сальери», когда Мощарт, смеясь, приводит скрипача, который, чудовищно перевирая, играет отрывок из его произведения. (*Крики возмущения в зале.*) Можно, я кончу, я не займу долго вашего внимания? А безумно по этому поводу негодует Сальери. Который через некоторое время отравит Мощарта. (*Возмущенные выкрики.*) А можно, я закончу? Поэтому я думаю, что мы здесь, может быть, все-таки немножко, что называется, «перебираем». «Перебираем» потому, что если мы просто подумаем слегка, мы почувствуем: в моменты великого горя, раздражения, горечи самые разные люди допускали сильные выражения по адресу очень любимых ими вещей. «Черт догадал меня с умом и талантом родиться в России!» — вы помните эту фразу и помните, какое было бурное негодование в Ленинграде, когда она была помещена как плакат над постановкой товстеноговского «Горя от ума», причем негодующие люди, о культуре весьма мало заботившиеся. «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ!» — сказано все-таки одним из великих наших поэтов и великих патриотов. (*Возмущение в зале.*) Дайте же мне сказать, что я думаю. В минуту страшной горечи предсмертной Блок написал Чуковскому: «Слопала-таки поганая, гнившая матушка-Россия, как чушка, своего поросенка». Я призываю вас просто, если хотите, к определенному спокойствию. Тот же Блок, прочитав очень задиристые, очень несправедливые выпады футуристов по поводу Пушкина, вдруг задался парадоксальным вопросом: а что, если по-новому заставят нас любить Пушкина не

пушкинисты, а вот эти футуристы со своим задором? Может быть, иногда это бывает и небесполезно, хотя бы чтоб мы освежили свое отношение к Пушкину, которого иногда слишком официально любим, слишком официально. Меня огорчает то, как мы сейчас производим здесь вселенскую смазь покойному Василию Гроссману, прошедшему очень трудный путь, безумно трудно переживавшему то, что происходит с нашей страной, переживавшему тогда, когда мы еще сами многого не понимали, он мучительно пробивался к истине, вероятно, не без ошибок, но и не без горечи. Твардовский со многими не был согласен в этом романе, но для него это было потрясение, побуждение к мысли, почему же мы так это все стремительно зачеркиваем?

Юрий БОРОДКИН: В опасности социализм и отечество. (*Аплодисменты.*) Пока я вопрос о социализме перенесу на другой разговор, а на отечество остановлюсь, потому что наше отечество в данном контексте — это Пушкин. Если бы можно было как-то вызвать этих людей на дуэль (*аплодисменты*), то, наверное, было бы гораздо проще для меня, но поскольку мы имеем дело сейчас с дуэлянтами пасквильного типа, которые растиражировали свою отравленную пулю такими могучими тиражами, мы от этого не можем уйти. По России идет волна отравленной болтовни! Среди вас, я знаю, немалое число, которые не сумели прочитать ЭТО. Значит, мы должны это обнажить, мы должны вызвать мощную волну, иначе как же мы остановим ту волну, которая идет и множится недобросовестными людьми, русофобами по всей стране? Мы должны возбудить ну, что ли, волну специалистов. Ведь в предисловии говорится, что они это печатают в порядке борьбы с замшелой пушкинистикой. А где же эта пушкинистика? Кто эти замшелые люди? Может быть, в суд надо подать пушкинской комиссии на это (*аплодисменты*) оскорбление? (*Голос из зала: «Там нет слов о замшелой пушкинистике. Вы откуда это взяли?» Ю. Бондарев: «Не перебивайте, пожалуйста!» Голос из зала: «Не перебивайте! Давай продолжай!»*) Давайте же проявим наше достоинство. По большому, по настоящему, по российскому, по писательскому, по публицистическому, по мужскому счету, черт возьми, у нас же в основном мужики здесь сидят! Так давайте ж проявим это мужество! (*Аплодисменты.*) У меня так много слов. Мысли, к сожалению, чуть-чуть поменьше.

Владимир АРРО: Когда все кровотоцит и саднит на теле российской литературы, как люди могут позволить себе сегодня организовывать и проводить такие кампании? Разве не ясно, что рано или поздно, кроме конфуза, это ни к чему не приведет? Проработка на писательских заседаниях в прежние годы, как правило, носила вынужденный характер, проводилась под сильным давлением, часто под партбилеты.

И хотя это не снимает ответственности с проработчиков за все содеянное ими, здравый смысл и великодушие позволяют нам сегодня войти в их тогдашнее положение. Но сегодня-то российский секретариат никто не неволит. Он готовит экзекуцию над журналом по собственной инициативе. **(Возмущенные выкрики и шум в зале.)** Когда-то **(шум)** некрасовская редакция **(выкрики: «О Пушкине надо говорить! По делу! Хватит демагогии!»)** Ленинградская писательская организация несет свою долю ответственности за литературные и идеологические расправы прошлых лет. На нашей совести Зощенко и Ахматова, Бродский **(шум, крики из зала: «Позор!»)**. Это позорное наследие! Именно поэтому меня просили заявить пленуму, что ленинградские писатели отныне ни в одной проработочной кампании над писателями или печатным органом принимать участия не будут. По чьей команде и с какими благами целями они бы ни проводились. Мы призываем, при всей резкости оценок публикаций «Октября», не возвращаться к административным методам решения литературных споров. Ленинградцы за единство союза, но на новых демократических основах. Мы за такой союз, который как зеницу ока бережет профессиональное, гражданское и личное достоинство писателя, его права и именно в этом видит смысл и цель нашего добровольного объединения. **(Выкрики: «Хватит!» «Надоело!»)** Ленинград — город, понесший самые большие потери в годы войны и репрессий, испытавший неисчислимые страдания и унижения: особенно большой и невосполнимый урон русской культуре был нанесен именно в нашем городе. Между тем и сегодня ленинградская литература, по количеству и уровню дарований, по известности в стране и за рубежом, могла бы составить честь любому европейскому государству. **(Шум, выкрики.)** А потому да позволяю нам иметь свое понимание достоинства и чести русской литературы. **(Из зала: «Вы за честь русской литературы не опасайтесь! Опасайтесь за свою!» Бурные аплодисменты.)** Спасибо.

ОДИНЦОВ: «Мы глубоко возмущены развязанной средствами массовой информации кампанией. На страницах газет «Советская культура», «Московские новости», «Комсомольская правда», журналов «Огонек», «Знамя», «Октябрь», «Нева» систематически публикуются материалы, извращающие русскую историю, опоясывающие наш народ и культуру. В ряду этих публикаций находятся и напечатанные в журнале «Октябрь» клеветнические описи откровенного русофоба Синявского «Прогнул с Пушкиным». Никогда еще за полтора века на страницах русской печати не появлялось столь озлобленного выпада против русского гения. И никакими фигурными листочками демократии и гласности нельзя прикрыть эту позорную публикацию, как это пытаются сделать единомышленники Синявского в лице членов Пен-клуба, «Мемориала», секретариата правления ленинградской писательской организации и им подобных. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Члены редколлегии журнала «Октябрь» и прежде всего его главный редактор Ананьев навсегда запятнали свое имя перед русским народом. **(Аплодисменты.)** Мы считаем их поведение несовместимым со званием писателей России и требуем смены руководства журнала». **(Аплодисменты.)** Письмо подписано: Комитет спасения Онеги, Невы и Ладоги; ленинградское русское патриотическое движение «Отечество», ассоциация ленинградских писателей «Содружество», клуб Есенина и другие организации, всего 18 тысяч подписей.

И от себя хочу добавить два слова. Для вот этих товарищей за ленинградской писательской организацией, которые сейчас слезливо просят нас не прибегать к репрессиям: мы слышали эти

слезы уже! Но больше мы вам на поругание ни одного русского писателя не отдадим! **(Аплодисменты.)** Ни ушедших, ни тем более живущих сейчас. Хватит! Ваше время ушло! **(Бурные аплодисменты, крики: «Браво!»)**

Председательствующий Юрий БОНДАРЕВ: Учтем! **(Одобрительный смех в зале, аплодисменты.)** Думаю, что сегодня нужно поставить вопрос о доверии к Ананьеву, ведь большинство выступающих говорит, что его дальнейшее пребывание немислимо. Я думаю, мы сегодня поставим вопрос, потому что завтра настроение наше немислимо изменится, немислимо тонус опустится, голосовать неизвестно когда будут... **(Возгласы: «Правильно!». Аплодисменты.)**

Действие II. РАСКОЛ

Сергей ВОРОНИН: Я выслушал обращение якобы от ленинградских писателей в защиту Ананьева и руководимого им журнала «Октябрь». Ну, должен вам сказать, что я никаких согласий Арро на это не давал. **(Аплодисменты.)** Знаю прекрасно, что и наша ассоциация «Содружество» тоже не давала таких согласий. Надо в таких случаях быть аккуратней, товарищ Арро, надо быть точным. Мы дали телеграмму, которая опубликована в «Московском литераторе» 27 октября. Там ясно сказано наше отношение и к журналу «Октябрь», и к Ананьеву. Там сказано о том, что это несовместимо, его такое руководство российским журналом...

Нет ничего позорней для человечества, чем уничтожение одного народа другим.

Я имею в виду существующую чрезвычайно сложную обстановку в нашей ленинградской писательской организации. Только по меньшей мере отсутствием элементарного уважительного отношения к нам, русским писателям, со стороны русскоязычной группы писателей, в которой подавляющее большинство литераторов — еврейской национальности, можно объяснить то, что нас, русских писателей, в Ленинграде всего 20 процентов. Не более восьмидесяти человек из 430. Как же такое могло случиться? Причины этому есть. И одна из них — это то, что на протяжении всех послевоенных десятилетий в нашей организации шла планомерная борьба групповщиков за захват всех ключевых позиций. Чему потворствовало руководство и большого, и малого союзов писателей. Не был в стороне и Ленинградский обком партии.

В итоге сегодня можно констатировать, что групповой клан достиг своей кульминационной цифры. Ленинградские журналы «Звезда», «Нева», «Аврора», «Искусство Ленинграда», «Костер», «Искорка» захвачены групповщиной. Мы, русские писатели, нашли выход только в одном: выйти из состава ленинградской писательской организации и создать ассоциацию «Содружество». **(Продолжительные аплодисменты.)**

Нам, русским писателям, нужен надежный подспор. И потому членом ассоциации могут быть не только писатели с членским билетом, но и те, кто имеет хотя бы одну публикацию в периодике.

Я обращаюсь к пленуму, чтобы вы своим решением, признали нашу ассоциацию «Содружество» как официальную и юридическую организацию, пользующуюся всеми правами. **(Бурные аплодисменты.)** В свое время, в 1946 году, был закрыт журнал «Ленинград». Ныне журнал воссоздается. Из всего сказанного о чрезвычайно сложной, болезненной обстановке в отношении к русским писателям будет справедливо передать журнал «Ленинград» нашей ассоциации «Содружество». **(Бурные аплодисменты.)**

Анатолий БУЙЛОВ: Мы докатились до чего! Прекрасный русский писатель Личутин сказал: вот абсурдисты, вот они, абсурдисты! Какой огромный наброд, и вдруг он говорит: вы дайте хоть

нам нашему богу молиться! Да до чего мы докатились?! Мы уже просим абсурдистов: дайте нам нашему богу молиться?! Не посягайте на Пушкина, на наше святое. Обмусоливаем это! Это надо все делать решительно и просто, даже никаких не может быть слов о том, чтобы там либеральничать или что! **(Аплодисменты.)** Вот тут товарищ говорил о первопричине. Вот слушайте, вот существует ЭВМ, и в них проникают вирусы, в ЭВМ этот. Давайте-ка посмотрим, ведь в нашу-то систему проник вирус. И вирус-то был заложен, и он разрастался. Почва была благодатная, и все пошло не так, а сейчас этот вирус пустил такие метастазы! И мы видим уже в Верховном Совете вот эту вот борьбу за власть. А почва-то уже еще более благоприятная. Вот тихо-тихо так: раз! — и он нас повернул туда, куда ему нужно. И смотрите, что творится! Евреев тут называли, так давайте и будем говорить о них!

Вот евреи, единственная национальность, видимо, которая заинтересована в том, чтобы был этот раздор у нас. Наверно, так, да? **(Голос из зала: «Какая чушь! Стыдно слушать вас!»)** Хорошо. Послушайте дальше. Теперь, значит, мы смотрим, как наша пресса реагирует. Вот появилось общество «Память». Я не член этого общества. Я читал их материалы, мне многое нравится. Конечно, они допустили, как сказал Распутин, крен влево, и немудрено было допустить. Смотрите, как организовано было на них. Все газеты ведь! Теперь, 10 августа появилась статья в «Правде»: сионистский комитет организовался, и посмотрите, какое молчание! А ведь это страшное явление! Я не о евреях говорю, есть еще хуже евреев, понимаете! Космополиты! Этот вирус смог воспитать массу этих космополитов. Так вот никто не поднял тревогу по этому сионистскому комитету. Вот убрал редактора «Правды». А я, вы знаете, я в смятении. Я не знаю, за что убрали. Может быть, за то, что опубликовали информацию, маленькую такую, о том, что сионизм у нас есть? Понимаете?

Я не знал этой темы еврейской, я оленей пас, я так, своим умом дошел: почему они везде? Я так и спрашивал. А мне говорили: а потому, что они умные. Так, хорошо, ладно, я согласен с этим. Они умные. Но почему же тогда они завели нас в тупик? **(Общий смех, аплодисменты.)** Надо об этом думать. Ведь где мы ни находимся — везде этот вопрос висит. И в конце-то концов надо же его решить. Теперь Горбачеву говорят: почему вы притесняете евреев? Он говорит, да полюбите, двадцать процентов их на самых руководящих постах. Так давайте еще приплюсуем в три раза больше, которые имеют другую фамилию и скрываются под другой национальностью...

Валентин РАСПУТИН: Конкретных предложений, очевидно, будет много, но самое конкретное предложение и то, в чем необходимо помочь, мне кажется, «Содружеству», это все-таки предоставить права самостоятельности, о которых просят и Сергей Воронин, и это «Содружество». Ну нельзя же действительно оставлять на заклание то национальное меньшинство, которое осталось в Ленинграде! **(Бурные аплодисменты.)** Хватит нам уже отступать, хватит!.. Что же делать! Наверное, ленинградской писательской организации придется потесниться — и в финансовом, и в других отношениях. **(Возгласы одобрения, аплодисменты.)** ...Отделится «Содружество» — ясно совершенно, что будут отделяться, будут разделяться и другие писательские организации... Когда бы это ни началось, на нынешнем пленуме или на будущем, мы должны приготовиться к расколу, это неизбежно уже. Неизбежно, потому что вместе существовать и искать какого-то согласия в вещах, в которых мы не можем найти согласия, уже хватит! Я предлагаю помочь ленинградцам.

Юрий БОНДАРЕВ: Дорогие друзья, вот сейчас возникла мысль. А что, если нам утвердить в Ленинграде вторую пи-

сательскую организацию, как областную? **(Аплодисменты.)**

Юрий СБИТНЕВ: Товарищи! Давайте пойдем на любые потери.

Я стою за российский Союз писателей! И если ленинградская писательская организация не хочет быть в Союзе писателей РСФСР — пускай они ради Бога и уходят! Почему вы, простите, товарищи ленинградцы, почему вы, 400 человек, все время делаете ультиматум? Существуют — и об этом надо смело сказать и прямо — существуют две культуры! Покопаемся — найдем три культуры, так сказать... Мы должны смело и прямо посмотреть друг другу в глаза и сказать, что мы имеем две культуры, в частности, так сказать, — культуры национальные и культуры наднациональные. **(Аплодисменты.)** Почему мы должны идти на поводу у людей, которые не признают нашу культуру?

Владимир АРРО: Члены «Содружества» жалуются на дискриминацию. Мы попросили в публичной библиотеке библиографию за последние десять лет. Издания Пикуля насчитывают общий тираж пять миллионов, издания Сергея Алексеевича Воронина — четыре с половиной миллиона, издания Козлова — три с половиной миллиона — это не такие уж малые тиражи, не надо так уж жаловаться...

Существует группа писателей, находящихся в конфронтации со всей писательской организацией Ленинграда. Но я думаю, что никто здесь всерьез не будет все-таки считать, что 400 ленинградских писателей — это групповщина, а 20 человек, входящих в «Содружество», — не групповщина. Я не против создания ассоциации. Но, товарищи, давайте задумаемся. Не будем делить по национальному признаку писателей, это нехорошо, товарищи, делить на чистых и нечистых. Мы опозорим себя на весь мир. Товарищи, не надо, потому что мы на этом пути запутаемся. Как мы будем отделять чистых от нечистых? Вы подумайте, ведь это надо генеалогию изучать, это надо в конце концов пробу крови брать, заниматься антропологическими измерениями. Вы что, не понимаете, куда мы придем? Нельзя, товарищи, делить на чистых и нечистых писателей, нельзя — на русских и русскоязычных. Русская культура не заслужила этого...

Юрий БОНДАРЕВ: Здесь вопрос идет о нравственной, о духовной атмосфере в вашей организации. Она — больна. Понимаете, в чем дело? Понимаете, какой микроб, что за эпидемия у вас? Понимаете, какой вирус? Вот в чем дело...

Александр РЕКЕМЧУК: С трибуны пленума не была заявлена позиция московской писательской организации. В этих условиях совет движения московских писателей в поддержку перестройки «Апрель» считает необходимым сформулировать свою позицию. Я прошу вашего разрешения зачитать текст, с которым недавно совет «Апреля» обратился к руководству ленинградской писательской организации:

«Буквально на глазах литературной общественности произошел и продолжается групповой захват, насильственная переориентация ряда печатных органов: так, после изгнания из «Литературной России» ее главного редактора М. Колосова этот еженедельник был в короткий срок низведен до роли рупора самой черной экстремизации **(возмущение в зале); появление на посту главного редактора журнала «Наш современник» С. Куняева, его публичные декларации не предвещают благих перемен в устоявшейся репутации этого органа **(крики: «Долой!», свист)**; встревоженное внимание писателей и широких читательских кругов привлекла шумная кампания травли журнала «Октябрь», имеющая конкретной целью смещение его главного редактора А. Ананьева и резкую переориентацию одного из старейших литературных журналов.**

С учетом перспективы создания в Российской Федерации новых газет и журналов, выделения специальных каналов телевидения нетрудно представить себе, к каким результатам — если иметь в виду воздействие на души отдельных людей, на умонастроение народа и народов — может привести тотальное владение средствами массовой информации, если они окажутся (свист, крики) во власти определенных сил, среди которых задает тон секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Нельзя оставить без внимания и ту область национальных отношений, в которой руководство Союза писателей РСФСР давно и прочно стяжало себе позорную известность: речь идет об антисемитизме, все более захлестывающем дебаты на пленумах, стационарных и выездных заседаниях секретариата правления СП РСФСР, на других организуемых им публичных мероприятиях; речь идет о разнузданной юдофобии, брызжущей едва ли не с каждой страницы «Нашего современника», «Кубани», «Литературной России» и некоторых других печатных органов, — ведь это стало программной основой всей деятельности руководства Союза писателей РСФСР!

Демонстративно блокируясь в обстановке плюрализма позиций и мнений с наиболее реакционными формированиями вплоть до «Памяти», изобретая все новые подразделения пресловутой «заединщины», идеологи и руководители Союза писателей РСФСР встали на путь прямого вызова перестройке, шельмования ее активных сил, нагнетания социальной напряженности».

Под этим письмом подписались: Анатолий Приставкин, Алесь Адамович, Юрий Черниченко, Анатолий Стреляный, Алла Латынина, Анатолий Рыбаков, Владимир Дудинцев, Анатолий Злобин, Сергей Каледин, Вячеслав Кондратьев, Владимир Корнилов, Булат Окуджава, Юнна Мориц, Эдвард Радзинский, Марк Розовский, Николай Панченко, Вадим Соколов, Александр Юдахин, всего 25 человек. Я присоединюсь к этим подписям.

Юрий БОНДАРЕВ: Уже всем абсолютно понятно, что происходит не групповая борьба, а борьба политическая. И кажется мне, что «Апрель» не ошибается в том, что Союз писателей РСФСР является той прогрессивной организацией, которая, как шлюз, стоит на их пути, и всеми средствами клеветы, навета, оговора они хотят, так сказать, одурманить, оболванить нашего читателя и наш народ. **(Возгласы в зале: «Правильно!» Бурные аплодисменты.)** Наш союз всегда призывал к консолидации. Вот то, что мы сейчас услышали, — этот меморандум, который призывает нас встать по разные стороны баррикад, — это уже страшно. Почему? Потому что идеологически уже ставится абсолютно точно стальная стена между нами и ими. Я очень четко понимаю подоплеку всего этого документа. Это документ с очень далеко идущими последствиями. Этот документ очень пахнет двадцатым, тридцатым четвертым и тридцатым седьмым годом. **(Аплодисменты, возгласы «Правильно!»)** Не дай бог этим друзьям дать власть в руки! **(Аплодисменты.)** Мы должны соблюдать полное спокойствие. И еще больше и больше объединяться. **(Аплодисменты.)** Я не думал до сих пор, что так далеко зайдет. Вот сейчас один товарищ ко мне подошел, корреспондент из Томска, и возмущился выступлением Буйлова, которое мне тоже не понравилось. Потому что мы должны в каких-то вещах соблюдать тот предел и ту норму, которая допустима в дискуссии. Вот сейчас он аплодировал этому письму: так, товарищ корреспондент? Не понимая, что за этим письмом кроется нечто такое, что отдает красным цветом. Не либеральным цветом, а другим.

Неужели думают так, что если одна сторона перешла в танковую атаку, то другая сторона будет сидеть в кустах и ждать, когда тебя раздавят? Почему журналы «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и прочие, и прочие, «Литературная Россия» не должны давать отпор? Интересно! Как складывается интересно! Мы пройдем по вашим головам, а вы что? Жалко пишете, как мыши? Этого не будет! **(Бурные, продолжительные аплодисменты.)** Этого не будет! Я думаю, что наши оппоненты должны понять, что мы слишком твердо занимаем свою позицию сейчас. Как всегда: долго запрягали в сани, но в сани сели. Потому что дальше уже невозможно. Поэтому я хочу сейчас обратиться к «Апрелю»: дорогие друзья, не нужно обладать таким самомнением и такой самонадеянностью, которую я чувствую по выступлениям ваших представителей, которые подписались здесь и которые для меня не очень уж так много значат. Я не говорю сейчас о степени их способностей и прочее, нет: о степени их нравственного поведения в нашей истории. Я знаю, как они себя вели при Брежнев, при Хрущеве и как они себя ведут сейчас. **(«Правильно!», «Верно!». Аплодисменты.)**

Ходить все время по тротуару, понимаете, и предлагать себя то за три рубля, то за пять рублей, эти у меня люди не вызывают никакого уважения. **(Продолжительные аплодисменты.)** Сейчас стало интересно так: выдавать талантливых за бездарь, а бездарь — за талантливых. Это уже стало ясно по нашей печати. По всей печати. Что бы ни писали о тех или иных книгах, что они написаны в годы застоя, а, кстати, то, что написано в годы застоя, сейчас не написано и не будет написано сейчас! **(Аплодисменты.)** Потому что в годы застоя писалось то, что преодолевалось сопротивление. Сегодня — пожалуйста, дорогие мои друзья из «Апреля», вам свобода, пишите! Что вы пишете? **(Голоса из зала: «Кляузы!», «Доносы!»)** Вот записка из зала: «Почему товарищи Бондарев, Зимин и Михалков допускают антисемитизм?» **(Смех в зале.)** Не нужно. Потому что есть слово «антисемитизм», есть слово «русифобия», есть слово «социал-шовинизм», есть слово «шовинизм», есть слова «националист», «фашист». Понимаете? Когда мы бросаемся этими терминами, то нужно всегда, чтоб была какая-то основа. И мысль должна одержать оборот. Где доказательства этого самого антисемитизма? Потому что я сидел, между прочим, сидел вот на этом пленуме и радовался за своих собратьев, которые так изящно говорили. Как шла дискуссия у нас, это могли позавидовать на Пен-клубе, на котором я бывал! Дискуссия шла прекрасно, так сказать! И все! Но кому-то обязательно нужно было скандала. Хотели ли мы скандала? Не хотели. Мы не хотели скандала, вы сами чувствуете. И никакой гильотины здесь построено не было. И никаких якобинцев здесь не присутствовало. Мы хотели отстоять честность, справедливость, милосердие, истину. И защитить себя. Ну, ладно, я, видимо, слишком эмоционально говорю. **(Голоса из зала: «Давай, давай, продолжай, все правильно!»)** Просто нашим оппонентам удалось перевести нашу дискуссию, наш разговор в несколько другую плоскость.

Сергей МИХАЛКОВ: Я считаю, что антисемитизм — это явление позорное, так же, как позорно и обратное. Дело в том, что мы сами иногда в пламя подбрасываем уголек, или керосин, или бензин, как это сделал сегодня Буйлов. Его выступление не интеллектуальное. И я слушал и подумал о том, что не всякий талантливый человек — умный и не всякий образованный человек — интеллигентный. Что касается документа «Памяти», то есть, простите, я забыл... «Апреля», я очень доволен, что это произошло.

И я не завидую Рекемчуку, которого я, безусловно, уважаю, что они его ис-

пользовали для того, чтобы он произнес то, что другой бы не стал бы из-за того, что, ну, некрасиво. Нас обвиняют в том, что мы расправились с Колосовым? Что за бред! Колосов сказал, что он давно хотел уйти на пенсию. Я, между прочим, очень люблю его, он прекрасный человек. Он сказал: вот я получу дачу и я уйду. **(Аплодисменты.)** Это нормально. Но писатели нам давно говорили: нам нужна газета, которую бы мы читали. И наш секретариат, как его назначал, так его и освободил на пенсию. Но газета-то стала другой. Газету-то сейчас русские писатели, и башкиры, и татары читают с удовольствием. **(Аплодисменты.)** А то, что он написал в «Огоньке» письмо, то это его поймали на этом. Они купили его на том, что вот, мы напечатаем. Если бы он сообразил, что печатать это не стоит, потому что этим он себя еще только больше компрометирует! Пленум предложил ему пойти в отставку. Если вы предложите мне, я пойду. **(Голоса из зала: «Предлагаем!», «Давно предлагаем!».)**

Я хотел сказать теперь по поводу Анянэва. Нас теперь все средства массовой информации обвиняют в том, что мы его травим. Да мы ж его не обсуждали, как же мы его травим? Напечатали в «Литературной России» письмо Шафаревича, в котором он обвиняет меня в том, что я уподобился Анянэву и поэтому он печатает такие вещи. Из-за дружеских отношений со мной. Ну, этого нет, конечно. Никаких особых дружеских отношений нету, у меня хорошие отношения с хорошим писателем, общественным деятелем, фронтовиком, и я уважаю его, и люблю его. И мы не собирались его травить.

В стране происходит очень много тревожного. Партия старается на очень трудном участке сейчас, экономическом, политическом, навести какой-то порядок, открыть какие-то перспективы перед народом. Но где русский писатель? Какова точка зрения русских писателей на то, что происходит в стране? Мы как-то заикнулись, понимаем, на Пушкине. Никто так и не высказался, что же нам, писателям, делать в это время. Ведь с нас спросит народ. Тот же самый народ, который, может, выходит на улицы сегодня. И я призываю вас, товарищи, задуматься над тем, что происходит, и приложить свои силы к тому, чтобы нам не было стыдно перед тем же народом и перед нашей партией.

Действие III. ОДОЛЕНИЕ

Татьяна ГЛУШКОВА: По моему убеждению, Сергей Владимирович оскорбил целый ряд русских писателей. Он позволил себе высказывание о том, что Анатолий Буйлов человек глупый, он позволил себе дать рекомендацию товарищам из «Содружества» Воронину, Выходцеву и другим, чтобы, когда их утвердят, они, при приеме в союз новых писателей, не смотрели, кто у кого мать и отец. Я считаю это хамством. **(Оживление в зале.)**

...Споры, которые идут в Москве, вовсе не групповые, как, впрочем, и в Ленинграде. Кто-то... назвал их спором между русскими и евреями. Это далеко не точно. Это споры национально-идеологические. Я бы не разрывала эти определения: это спор между сионизмом, худшей формой всемирного фашизма, и человечеством. И это не спор, а героическое, смертельно опасное противостояние. Оно транснационально по своему значению. Какой же это спор, если газета «Правда» сообщает о легализованных группах сионистских боевиков, если в Москве учрежден союз сионистов, то есть снова-таки легальный (плюрализм) союз оголтелых расистов. Какдый, кто выступает сейчас, как я, рискует — что скрывать — головой, рискует, как... палестинец, как тот,

ПАЛИТРА

АНДРЕЯ

БЫЛИНСКОГО

ЦВЕТЫ

ТРИ

тот день, когда мы с Андреем Былинским условились встретиться, было на редкость сыро, сыро, сыро... И мне подумалось, что, если бы живописец захотел изобразить это, ему бы не понадобилось много красок: серое небо, серые дома, серые лужи.

А. Н. БЫЛИНСКИЙ.
Род. 1929.

ПОРТРЕТ ОЛИ.
1983.

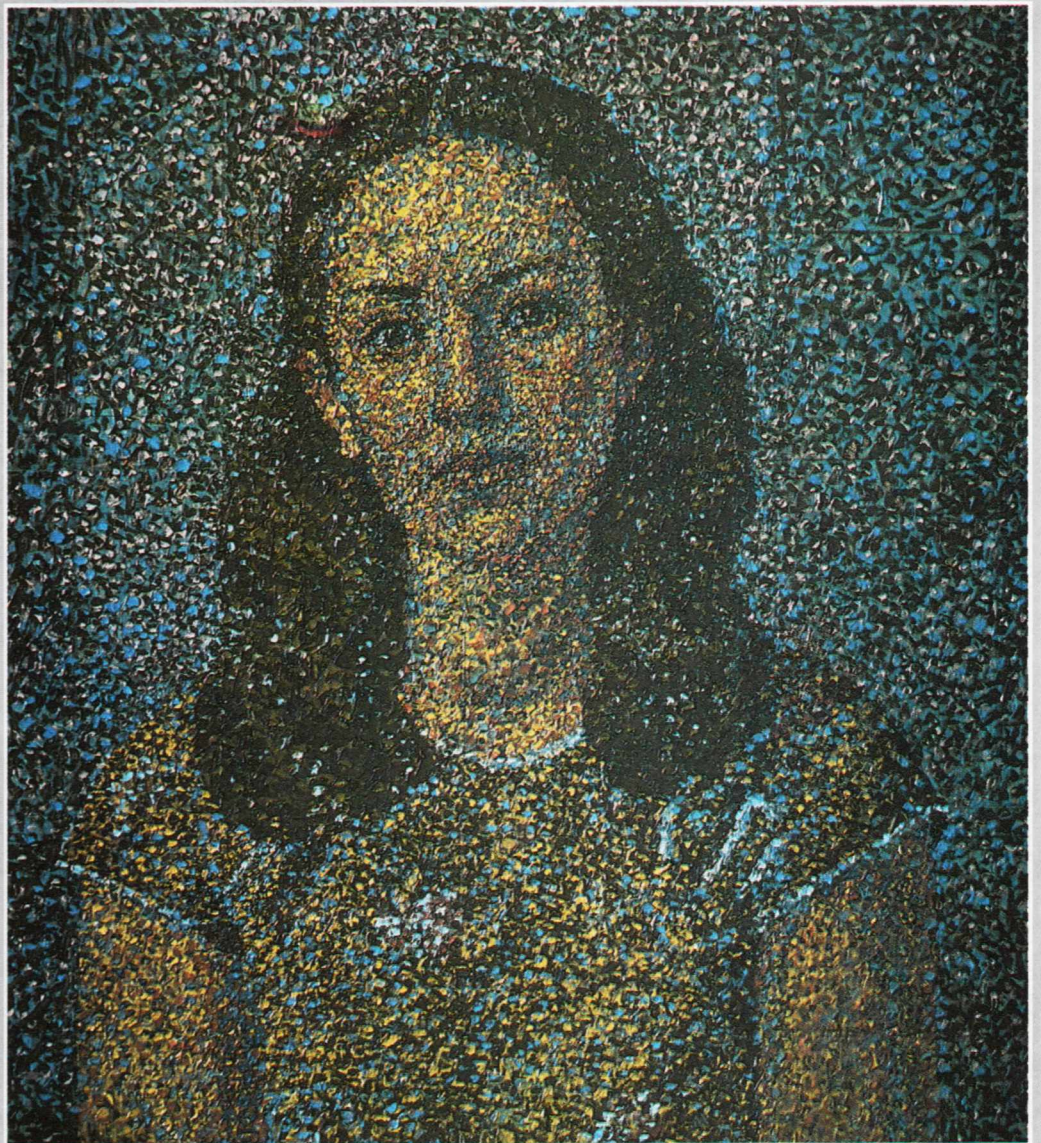
Но чего я не обнаружила в просторной мастерской Былинского, так это серой краски. На стенах синее море плескалось у золотистой горы, под жарким солнцем шагал маленький ослик, на нежнейшей голубой скатерти лежали будто сотканые из света фрукты...

У зрителя почти всегда возникает желание отнести работу художника к какому-либо определенному стилю или течению. Сегодня это сделать не просто: последователи Брейгеля живут на одной улице с учениками Сезанна и выставляются вместе с примитивистами. Каждый художник волен найти себе учителя в прошлом и, следуя его дорогой, найти свою, неповторимую.

Былинский много лет искал свой путь в искусстве. И начался он для юноши с удивительных полотен мирискусников. Это на всю жизнь потрясшее Андрея знакомство состоялось благодаря преподавателю изостудии Дмитрию Соболеву — человеку, самозабвенно любившему живопись. После школы Былинский поступает в Суриковский институт, в мастерскую Ефанова, художника мастеровитого, но чуждого по духу и творческой манере. Учитель писал картины «У больного Горького», «Незабываемая встреча», а ученики потихоньку любовались работами Кончаловского, открывали для себя импрессионистов. Но в институте бдительно следили за тем, чтобы студенты не «отклонялись от социалистического реализма», инакомыслящих быстро снимали со стипендии. Время не благоприятствовало поиску: из института был изгнан Фаворский, а картины Малевича предписывалось истребить. Защитить диплом Андрею не удалось. Среди «настоящих» пейзажей, «настоящих» натюрмортов и прочего «как в жизни» он выделялся другой манерой, другой правдой, а она была не в чести.

Чем же привлекают полотна художника? Былинский изобрел свою особую колористическую систему. Художник многому учился у пуантилистов. Изображение, полученное точками, позволяло в чем-то приблизиться к темперной технике икон: их писали минеральными красками, растертыми до мельчайших частиц и оставляющими ощущение необычайной воздушности, легкого сияния.

Палитра Былинского состоит из трех основных цветов — красного, синего и зеленого — и трех тонов:

ЛЕТОМ НА МОРЕ. 1979.

А. Н. БЫЛИНСКИЙ. НАТЮРМОРТ. 1984.

темного, среднего и светлого. Свои произведения он выстраивает с почти математической точностью, выверенностью, подчеркивая минорную или мажорную тональность того или иного полотна. В его картинах не почувствуешь ничего раздражающего, дисгармоничного, чему способствует и удивительная уравновешенность, стройность композиции, также подсканная Былинскому искусством иконописи. Каждая точка на древних досках была наполнена смыслом, Человек и Космос составляли единое целое...

И еще: картины Андрея Былинского очень музыкальны. В мастерской художника стоит редкий по нынешним временам инструмент — фисгармония. Его звук близок звучанию развешанных по стенам холстов, от которых веет покоем и гармонией. Именно эти качества присущи и натуре самого художника — потомственного московского интеллигента.

«Те чувства, размышления, переживания, которые живописец вложил в свои полотна, обязательно вызовут отклик, если зритель настроен на долгое, неспешное созерцание картины», — считает мастер.

Давайте же остановимся, взглянемся в работы Былинского. Лишь тогда и может возникнуть столь желанный для художника молчаливый его диалог со зрителем...

А. КОПЫЛОВА

ГУРЗУФ. 1979.

СОТРУДНИЧЕСТВО

Невероятные приключения итальянцев в России... Несколько лет назад режиссер Эльдар Рязанов именно так назвал свой знаменитый фильм, видимо, не подозревая, что придуманный им образ в эпоху перестройки приобретет новый смысл. Сегодня итальянцы приезжают в Советский Союз все за тем же кладом, но клад этот не зарыт в землю, он — в совместной работе, которая приносит удовлетворение, успех, прибыль и им, и нам.

Мне захотелось познакомиться с итальянцами поближе. Нет ничего проще! Покупаю билет и лечу в Италию.

Группа Ферруцци. В течение недели я был гостем этого важного концерна, вобравшего в себя крупные, знаменитые и уважаемые в деловом мире фирмы. Ну, и кроме того, именно этот концерн ведет сейчас наиболее активную работу и по углублению прошлых контактов, и по разработке новых широкомасштабных, неординарных, иногда даже рискованных проектов в Советском Союзе.

В результате этой поездки я привез домой десяток кассет с диктофонными записями бесед, целую пачку визиток, портфель с диаграммами, проспектами, анализами производственной, финансовой и прочей деятельности концерна, и главное, я привез с собой твердое ощущение, что нам протягивает руку сильный, доброжелательный и надежный партнер.

Концерн Ферруцци — это сельское хозяйство, промышленность, химия и научно-исследовательский поиск: интегрированная промышленная система мирового масштаба. 500 установок во всем мире, общая численность работающих — свыше 85 000 человек, общая сумма заключаемых сделок — свыше 40 000 миллиардов итальянских лир. Концерн Ферруцци является одним из важнейших агропромышленных объединений и одной из наиболее крупных химических фирм мира.

Из представления концерна Ферруцци.

История взлета концерна Ферруцци — это классический образец реализованной притчи о тернистом пути маленькой фирмы, достигшей феноменального успеха и значительного экономического состояния благодаря уму, расчету, трудолюбию создателя компании. У истоков фирмы, в самом начале пути стоял синьор Ферруцци. Именно он при каждой новой ситуации, постоянно возникающей в деловой жизни бизнесмена, выбирал наиболее точное решение, и никакие финансовые катастрофы, экономические кризисы, потрясавшие итальянский и мировой капитал, не смогли сбить с выверенного курса корабль, ведомый синьором Ферруцци.

Впрочем, в 1948 году это был не корабль, а скорее кораблик, небольшая фирма, занимавшаяся торговлей сельскохозяйственными продуктами и строительными материалами. И в этом тоже был точный расчет. После второй мировой войны, когда Европа стояла в руинах, именно строительный бизнес переживал свой бум и мог принести ощутимые и достаточно быстрые результаты. Правда, людей, понимающих это, кроме Ферруцци, было немало, конкуренция в строительной индустрии сложилась острая, и все же фирма выстояла, окрепла. И настал момент, когда можно было делать сле-

запог

УСПЕХА

КОНЦЕРН ФЕРРУЦЦИ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

дующий шаг, расширяя сферы деятельности и влияния.

Было принято еще одно, хоть и рискованное, но стратегически точное решение: взяться за поставку пищевых продуктов. Что бы в мире ни случилось, какие бы катастрофы, победы, стабильность, упадок ни потрясали человечество, люди всегда будут есть хлеб, пить молоко, жарить мясо и варить спагетти, и это в самую первую очередь касается итальянцев. Хоть раз в день, но всем нам хочется обязательно поесть.

Основательность, с которой синьор Ферруцци поставил дело в этой области, принесла и другие плоды. На сегодняшний день концерну принадлежит первое место в Европе по производству сахара, крахмала и их производных, растительных масел и риса.

В 60-е годы в лабораториях фирмы «Монтэдисон», принадлежащей сегодня концерну Ферруцци, было сделано фундаментальное открытие. Профессор Дж. Натта стал отцом нового полимера, получившего название полипропилен, и именно за это в 1963 году он был удостоен Нобелевской премии в области химии. Успех полипропилена стал безоговорочным фактом. Если в 1962 году мировое производство полипропилена составило 300 тысяч тонн, то в настоящее время оно достигло 9 миллионов тонн, это самый высокий прирост по сравнению с другими термопластами. И свыше 20 процентов потребностей рынка полипропилена производит концерн Ферруцци, ставший мировым лидером в этой области.

Полипропилен — это вся наша с вами жизнь. Он используется в автомобилестроении, электронной, строительной, аэрокосмической промышленности, в создании средств связи, производстве электробытовых приборов и упаковок. Кстати говоря, прекрасные качества упаковочных материалов — долговечность, прочность — в скором времени стали причиной неразрешимой проблемы, вставшей перед всеми западными странами, — проблемой отходов. Что делать с использованными упаковочными материалами, которые могут храниться десятилетиями? Целые научные институты бились и бьются над этой задачей.

И вот совсем недавно телеграфные агентства мира передали сенсацию — ученым концерна Ферруцци удалось создать упаковочный материал, который обладает всеми качествами обыкновенного полипропилена, но в молекулярный ряд нового материала «вставлены» молекулы крахмала. Новый материал через некоторое время разлагается. После соответствующих лабораторных исследований может начаться промышленное производство нового материала.

Еще один аспект деятельности концерна Ферруцци — это разработки в области фармакологии. И здесь успех оказался более чем значительным. Фирма «Эрбамонт», входящая в концерн, известна всему медицинскому миру. Фармацевтические препараты, производимые «Эрбамонт», охватывают пять больших классов: противоопухолевые, противомикробные, сердечно-сосудистые, иммунологические препараты и лекарства, корректирующие нервные расстройства. И здесь удалось добиться результатов мирового уровня: создание в лабораториях фирмы противораковых молекул адриамицина и эпирубицина стало мощным рывком в борьбе против этой страшной болезни. Лекарства фирмы «Эрбамонт» покупают сегодня в 120 странах мира.

Я назвал уже немало цифр. Цифры громкие, впечатляющие... Да и вообще такое словосочетание, как «мировой лидер», я употребил уже не один раз, сам себя поймал на этом. А все-таки что стоит за этими словами и цифрами, как даются эти победы и это лидерство?

Вот только один пример. Я предлагаю вернуться из области химии и фармакологии в область сельского хозяйства.

Этот пример будет понятен и показателен. Не так давно Италия почти не подозревала, что такое соя. Точнее, подозревала, и даже, более того, промышленное сельское хозяйство все настойчивее требовало увеличения производства соевой муки, ставшей одним из основных белковых элементов животных кормов, необходимых для животноводства, но... Но итальянские

фермеры были консервативны... Вообще этот консерватизм по сути своей хорош. Он заставляет фермера чувствовать землю, передавать из поколения в поколение крестьянские традиции, не дает ему кидаться от одного модного увлечения к другому. Но иногда этот консерватизм становится тормозом, как и в этом случае.

Связываться с неизвестной соей, хоть и сулившей мифические прибыли, но требовавшей новых навыков, смены психологии, определенного риска, — на такие жертвы идти никто не хотел. Итальянцам приходилось импортировать сою из Латинской Америки, Соединенных Штатов, других стран. И если бы не концерн Ферруцци, все бы так и продолжалось, фермеры производили бы только им хорошо известные, родные, прекрасно знакомые продукты, а соя продолжала бы расти за океаном.

Концерн начал важную инициативу: убедить фермеров взяться за выращивание сои. Специалисты концерна Ферруцци изучили, сделали выводы, разработали тактику и стратегию грандиозного плана, еще раз прикинули все возможные варианты и приступили к действиям.

Смысл идеи был предельно прост. Фермеру должно быть крайне выгодно выращивать сою. Если схему представить совсем условно, то выглядит она так: фермер может прекратить возделывать пшеницу, картофель, горох, все что угодно, но за соей он будет следить день и ночь, потому что именно она принесет ему обязательную прибыль. Именно для сои не надо будет искать покупателя, идти с нею на рынок — все гарантированно купит концерн Ферруцци. Он же поставит сорта сои, наиболее пригодных для итальянских условий.

Повторяю, я рассказываю все сейчас достаточно схематично. На самом деле, когда проект стартовал, естественно стали возникать десятки, сотни нюансов, новых ситуаций, но специалисты концерна преодолели все сложности, предвидя их заранее.

И вот он — результат. Я опять привожу цифры. Они лучше любых слов говорят о том, что сделано и чего удалось добиться. Если до 1980 года Италия производила 330 тонн сои и под эту культуру было занято 125 гектаров земли, то к 1988 году производство сои составляло уже 1,35 миллиона тонн, а площадь земли возросла до 450 000 гектаров. Это всего за восемь лет! Ну, и последний итог: Италия вышла на пятое место в мире по производству сои.

В активе у концерна Ферруцци почти такие же грандиозные проекты, но реализованные на других континентах: в Бразилии, в США. Один из этих проектов привлек всеобщее внимание, когда в 1974 году концерн приобрел сельскохозяйственную ферму с 18 000 гектаров земли на побережье штата Северная Каролина. Купленная земля никакому отношению к сельскохозяйственному производству не имела: ни выращивать что-то на ней, ни использовать под животноводство возможности не было, она состояла из непреодолимых зарослей, болот и огромных затопленных водой участков. Многие посчитали предприятие обреченным на провал, а деньги, вложенные Ферруцци в работу, вылетевшими в трубу.

Но прошло совсем немного времени, и эту землю не смогли узнать даже ничему не удивляющиеся американцы. Вот строки отчета о проделанной фирмой работе:

«Процесс обновления земель проводился в четыре этапа: дренаж зе-

мель, крайне обогащенных органическими веществами, водонепроницаемых и не поддающихся механическому воздействию, ликвидация зарослей кустарника, известкование земель и их культивация. Были построены отстойники для сточных вод. Кроме того, земли были обработаны для придания им необходимого рельефа для предотвращения водной и ветровой эрозии. Достигнутым результатом являются 15 500 га земли, 2000 километров дорог, каналов и стоков, 110 га, занятых под здания и площадки. Культурными аграрного комплекса являются кукуруза и соя в севообороте и пшеница как монокультура. В этом комплексе выстроены элеватор для зерновых на 300 000 центнеров, завод по производству удобрений, механическая мастерская, дома для обслуживающего персонала, взлетно-посадочная полоса для сельскохозяйственной авиации».

Служба США по охране земель очень высоко оценила работу концерна Ферруцци с точки зрения защиты окружающей среды и вручила ей специальный приз.

Я чувствую все более возрастающее недоумение читателей «Огонька» и уже слышу раздраженный вопрос: а мы-то тут при чем? Ну, понятно, что в США стало еще на одну образцовую ферму больше, но так их там и так немало было. В Италии все в порядке с соей, и, значит, там мяса стало еще больше, но вроде и до этого у них с ним было не так уж и плохо. А что касается разговоров про полипропилен и упаковки, от которых не знает куда деваться потребитель, так это вообще издевательство. Какая для нас здесь может быть проблема, когда в магазинах полки пусты и нет там ничего ни в упаковках, ни без упаковок! Зачем писать все это, неужели хочется потравить душу и так уже уставшего и измученного читателя?

Сразу говорю: все мои рассказы о прошлых и нынешних успехах концерна Ферруцци только ради одного. Как раз хочу обрадовать и поддержать уставшую душу читателя. Концерн Ферруцци предлагает свершить не менее грандиозные эксперименты в нашей стране: и в области химии, и в области сельского хозяйства.

Один из главных проектов связан с производством зерновых, свеклы и сои в Ставропольском крае, где появятся также животноводческие фермы. По поводу адреса проекта я слышал немало намеков на высокое покровительство, особенно в связи с предстоящим визитом М. С. Горбачева в Италию. Но специалисты фирмы «Технимонт», которые от концерна Ферруцци будут осуществлять эту идею, говорят, что дело тут совсем в другом. Ставропольский край — наиболее подходящее по своим климатическим условиям место для выращивания в таких масштабах сои. Сейчас уже практически завершена доработка деталей, нюансов сложного, многофункционального проекта. И в скором времени итальянцы появятся в Советском Союзе, чтобы начать создание образцового сельскохозяйственного комплекса не где-то там в США, Бразилии или Италии, а у нас дома.

Я беседую с президентом фирмы «Технимонт» синьором Розарио Алессандрелло, в скором времени ему предстоит столкнуться с нашим отечественным сельским хозяйством. Я хочу понять: знает ли он, что это такое, понимает, с чем ему придется иметь дело? И поэтому я задаю ему вопросы, которые не имеют отношения к технической стороне дела, тут, я уверен, итальянцы все продумали до мелочей, а имеют скорее отношение к абстрактным понятиям, как душа, привычки, образ жизни и т.д. Но без ответов на эти вопросы даже концерн Ферруцци может столкнуться с непреодолимыми трудностями. И поэтому я спрашиваю:

— Синьор Алессандрелло, вы по-

строите свой замечательный комплекс, но в одно утро в местный деревенский магазин привезут водку и механизаторы не выйдут на работу, строгий ваш расчет, выверенный по часам и минутам, рухнет, отработанная цепочка порвется. Вы возведете прекрасный элеватор и не менее прекрасную мельницу с высочайшей производительностью труда, но дядя Вася или тетя Маша, которые будут служить на этом элеваторе, этого не оценят. Им все равно, высокая производительность труда или низкая, в любом случае они получают одинаковую зарплату, как бы хорошо или плохо они ни работали. И поэтому дядя Вася в одно прекрасное утро в отлично работающий элеватор может засунуть железку, чтобы он никогда не работал так быстро и здорово. И вся ваша до мелочей продуманная система рухнет. Вы понимаете, куда вы приходите? Что это отнюдь не Америка и даже не Бразилия?

Синьор Алессандрелло улыбнулся, кивнул и заговорил:

— Конечно, понимаю. И я бы мог вам назвать еще десяток подобных не вписывающихся в логику ситуаций, которые могут, да, видимо, и произойдут, когда мы будем реализовывать наш проект. Но вы не учитываете и то, что сам процесс реализации будет менять старые отношения и старые привычки. Новое производство будет постепенно задавать новый тон. В московском метро чисто, люди не сорят, хотя, выйдя на улицу, могут бросить бумагу где угодно. Точно так же и здесь: когда все увидят отлично отлаженное производство, почувствуют, что труд их не бесмыслен, а высокопроизводителен, они начнут работать совсем по-другому. А когда все до последнего грамма выращенное будет убрано, обработано, упаковано, отправлено потребителям, в общем, когда люди увидят конкретные результаты своего труда, я уверен, многие даже сами себя не узнают. Вредные привычки куда-то пропадут. Ну и, конечно, у нас почти нет сомнений, что ваша перестройка внесет революционные изменения и в экономические отношения в сельском хозяйстве. У вас должен появиться свободный, сильный, независимый крестьянин, заинтересованный в результатах своего труда. Так что я смело смотрю в будущее и уверен, что реализация проекта в Ставрополье принесет значительную пользу и нам, и вам. Хотя, конечно же, впереди у нас масса трудностей, и неизвестно даже, откуда я черпаю свою твердую уверенность в успехе... Кто-то сказал, что Россию нельзя понять, ее можно только любить. Это в полной мере относится и ко мне. Видимо, эта любовь заставляет меня верить в прекрасное будущее вашей страны. Ну и, естественно, в успех нашего предприятия.

Вот таких же прекрасных специалистов, знающих, любящих нашу страну, я встретил за эту неделю немало. Одна из фирм концерна — «Монтэдисон», которую Ферруцци купил не так давно, сотрудничает с Советским Союзом более пятидесяти лет. Первый проект, подписанный в 1931 году нашей страной с итальянцами на передачу технологии для получения аммиака, стал стартом многолетнего взаимовыгодного сотрудничества в области химической промышленности. И в результате совместной работы построены десятки заводов, промышленных установок, давших возможность нам отказаться от импорта крайне необходимых народному хозяйству материалов.

У фирмы сегодня в планах есть несколько очень больших, дорогостоящих проектов, связанных с дальнейшим вкладом в развитие нашей химической и нефтехимической промышленности. Разработка этих проектов идет сейчас полным ходом.

Итальянцы в России, мы приветствуем вас!

В. БОРИСОВ
Милан — Москва

был опальным вот уже шестой год. В издательстве «Советский писатель» мне шепнули, что в черном списке, присланном «сверху», моя фамилия — на первой странице.

Это была большая честь.

Но есть было нечего. Рукописи возвращались, как перелетные птицы. Погостят и вернутся. Когда мне позвонили из Средней Азии, из журнала, о существовании которого никто, за редчайшим исключением, и понятия не имел, и сказали: «К сожалению...» — я понял, что меня обложили, как волка.

Я протестовал. Писал «наверх»... Мне казалось, что я пишу на кладбище. Ни ответа, ни привета.

Приговор обжалованию не подлежал.

— Осталось одно, — сказал друг нашей семьи, мудрый и печальный Александр Бек, — заняться сапожным ремеслом... как Короленко, Короленко вырезал стельки. А модельными туфлями даже прославился... Что, если повторить опыт?

То ли эти разговоры дошли до инстанций, то ли мне были предначертаны лишь пять лет строгой изоляции от читателя, но меня вдруг вызвали в секретариат Союза писателей, усадили, как в лучшие годы, в кожаное кресло и предложили поехать на Крайний Север. В творческую командировку. На месяц — три — шесть — год, сколько потребуется, чтобы «создать новую жизнеутверждающую книгу».

... Ни в коем... кашка, случае! — прокричал Бек, встретив меня возле дома. Когда он был расстроен или испуган, он почти после каждой фразы добавлял эту свою «кашку». Вместо брани, что ли? Или чтоб задержаться на пустом слове и подумать?.. В последние годы Александра Бека уже иначе и не называли: «Кашка» сказал, «Кашка» не советует...

— Не уезжай из Москвы... Кашка, — убьют!... Что? Затем и посылают... Подкараулят и — по голове водопроводной трубой... Тихо!

На аэродроме он шептал со страстью приговоренного:

— Гриша, ты их не знаешь! Они способны на все. Я их боюсь! Честно говорю, смертельно боюсь!..

Я глядел на морщинистое, доброе детски-губастое лицо Александра Бека и думал о проклятом времени, которое могло довести до такого состояния мудрого и бесстрашного когда-то человека, писателя милостью Божьей.

...И вот я сижу перед узкоглазым, с оплывшим желтым лицом первым секретарем, хозяином самого северного полуострова на земле, где издавна жили целых три народности: эвенки, венки¹ и эеки². И тот читает письмо Союза писателей, где сообщается, что я командирован писать жизнеутверждающий роман. Он подымает на меня глаза. В них — тусклое безразличие.

— Жизнеутверждающий, — басит он. — Это крайне важно сейчас! Спасибо, что приехали. К нам писатели попадают редко. Очень актуально — жизнеутверждающий.

— Да! — восклицаю я.

Мне и в самом деле хочется написать жизнеутверждающий. Надоело быть опальным и нищим. Хватит! У Первого отвисает в улыбке губа, и он советует мне поехать на химический комбинат, затем к геологам, открывшим столько газа, что хватит всей Европе. Первый подымает телефонную трубку и вяло роняет:

— Сойферта!

Сойферта?! Странно!... Я ни разу не слышал другого имени здесь, выше семидесятой параллели, где кривые полярные березы прижаты к мерзлым камням, где даже олений ягель прячется в расщелины скал, искрошенных морским ураганом. Возле газопровода, миевшего по болотистой тундре, рабочий размахивал шапкой: «Насос встал! Беги к Лева Сойферту!» В холодном, как амбар, магазине старушка

грозила отнести заплесневелый каравай «на зубок» Лева Сойферту: «Он вас прикусит, шалавы!» ... — Сойферт! — забасил Первый. — К нам прибыл из Москвы писатель Свирский.

— Свирский умер! — слышится в трубке категорический ответ.

— Да нет, вроде жив, — роняет Первый растерянно.

— Не может быть! — гудит трубка. — Наверное, это проходимец какой-то!..

— Товарищ Сойферт! — обрывает его Первый, становясь серьезным и косясь на мои документы (он снова берет в руки письмо Союза писателей на официальном бланке, пишущая, деловито, профессионально оглядывает подписи, штамп, дату). И басит в трубку тяжело и непререкаемо:

— Значит, так! Принять! Создать настроение!.. Стать писателем, как говорится в литературе, надеждой и опорой!.. О дальнейшем сообщу!..

«Надежда и опора» оказалась старым прихвостом евреем с обвисшими штанами из синей парусины, которые он то и дело подтягивал машинальным жестом. Плохо выбритый, задерганный, с вдавленной, как у боксера, переносицей, растрепанно-белоголовый, он походил на сибирскую лайку, впряженную в нарты. Нарты не по силам, и лайка дергается, напрягается, пытаясь сдвинуть с места тяжесть... Меня попросили подождать.

То и дело звонил телефон. Лева Сойферт бросался к нему, роняя в зависимости от сообщения: «Угу», «Не вылетит на повороте!» или «Дело — говно! Будем разгребать!» И снова возвращался к бумагам, не присаживаясь, кидая их худому кашляющему человеку в пенсне и черном прожженном халате; тот брал их медлительно-царственными жестами пухлых, породистых рук.

Чтобы не мешать, я отступил к приоткрытым дверям, на которых было начертано почти славянской вязью под синеватым стеклом: «Заместитель управляющего комбинатом Л. А. Сойферт».

Мимо меня прошелестел высокий обрюзгший человек с буденновскими холеными усами почти до ушей, и в мягких, как комнатные туфли, ботинках на опухших ногах. На него не обратили внимания. Он нетерпеливо шаркнул по дощатому полу ботинком-тапочкой.

Сойферт оглянулся, и вошедший просипел, что начальника поисковой партии он на должности не утвердит. Не тот человек...

Сойферт нервно поерошил ладонью мохнатые белые щеки и, глядя снизу вверх на буденновские усы, сказал невесело и спокойно:

— А ты как стоял пятнадцать лет за нашей дверью, у воночной параша, там и стой! И не подсматривай в глазок!..

Лицо вошедшего не изменилось. Только красный кулак его, державший бумагу, напрягся, как для удара, да шаркнул нервно ботинок-тапочка.

Тогда второй, в пенсне и прожженном в ключья халате, повернулся и сказал неторопливо-добродушно, грассируя:

— Догой Пилипенко! Совсем нецелесообразно так болезненно реагировать на...

Вошедший повернулся, как в строю, — кругом! — и неслышно удалился.

Я заинтересовался странными, во всяком случае необычными, отношениями руководителей...

— Необычными? — удивленно протянул Сойферт, когда мы вышли с ним из управления. Он мотался при ходьбе, как полярные деревья в ураган, почти до земли припадал, передвижение стоило ему столько усилий, что я почувствовал неловкость и остановился. Однако остановить Лева Сойферта оказалось невозможным. — Необычными. Хо! — Он был уже далеко впереди. — В нашем городе необычно только кладбище. Известняк третичного периода. Последнего бродягу замуровываем, как фараона. А что подлаешь? Кому хочется лежать в болоте?.. Куда я вас веду? На химкомбинат — гордость второй пятилетки... Вы писатель Свирский? Таки-да?.. Слушайте, мне вы можете сказать... Я беспартийный большевик!.. Я был Штоком и Куперштоком. Теперь я Сой-

ферт! Ох-хо-хо! — Он показал рукой на серебристые газгольдеры и начал забрасывать меня победными цифрами. Я остановил его. Спросил, сколько здесь погибло людей. На его глазах. Начиная с тридцати седьмого... И почему рабочие бегут отсюда? Больше трети в год. Как на Братской ГЭС.

Он умолк и, поглядев на меня пристально и качнувшись из стороны в сторону, спросил недоуменно:

— Вам что... таки-да, как есть? Без туфты?.. Без туфты и аммонала не построишь канала... Вы, может, бездетный? Растет сын, да?.. — У него как-то опустились плечи, словно я его нокаутировал и он сейчас рухнет на землю. Но это продолжалось секунду, не более. Вот он уже толкнул задом проржавелые заводские ворота, показав рукой вохровцу³, выглянувшему из проходной, что тот может спать дальше, — и заколыхался вдоль огромных трубопроводов в грязно-желтых кожных из шлаковаты. Потрогал на изгибе трубу, заглянул под нее, посмотрел в сторону дальних колонн, похожих на сверкающие паровые трубы.

— Как вам наш паровоз? А?.. Если без туфты, разве б это у меня стояло? — Он мотнулся всем корпусом в сторону паровозного пейзажа. — Будь я хозяином, я направил бы сюда тот факел. И получил бы сжиженный газ. И продавал бы его племени аку-аку, которое ходит голым. В виде нейлоновых набедренных повязок... Их-таки подключат, эти колонны. Что за разговор! Через пять лет. А пока, видите ли, нет денег. Нет в СССР десяти тысяч, чтобы получить сто миллионов! А?.. Ну, как хотите! — разгорался он. — Без туфты, так без туфты!..

— Вы давно работаете вместе? — перебил я его откровения, о которых читал в московских журналах. — Вы — трое. Вы, тот — в пенсне, с дворянскими руками, — и... буденновец?

— Тридцать лет, — выдавил он нехотя, словно это его порочило. — Тридцать лет вместе. Работаем в одном учреждении. Таки-да!.. Сперва в одном, теперь в другом... Как работаем? Душа в душу. Вы же слышали?..

Слышать-то слышал, но...

Чего только не увидишь в неохраемой болотистой тюрьме, из которой бегут и бегут! Какими узлами не вязала людей бывшая каторга! Но чтоб так?!

Когда еще был пятьдесят шестой год! XX съезд... «Эпоха позднего реабилитанса», как горьковато шутили в Москве. Сколько времени прошло с того дня, как сняли охрану?

А этих... словно черт веревочкой связал. С собственным надзирателем? В одном городе. В одном управлении. Вокруг одних и тех же дел, бумаг, спор... Какой-то психологический парадокс! Неужели свыклись с тюрьмой настолько, что она для них... не тюрьма? Благо ворота открыли... Пятнадцать лет под замком и еще пятнадцать... на сверхсрочной?.. Бред! Извращение психики! Ведь здесь все, любой камень, напоминает о страшных днях. О сыром карцере. О том, как давили танками восставших заключенных. Да ведь здесь вся земля пропитана кровью. Под каждым газгольдером — братская могила...

Я попросил Сойферта рассказать мне о каждом из их «троицы».

— Зачем это вам? — встрепетнулся он. — Вы же приехали за положительными эмоциями?.. Положительными, не дурите мне голову. Я читаю журналы. Вижу, что надо и как это делается... А, поговорим об этом за пивком!.. — Он остановил грузовую машину, притиснул меня в кабине между шофером и собой и привез к дощатому ресторану. Ресторан был заперт на железный засов, над которым трудилось несколько благодушных парней в высоких геологических сапогах, смазанных тавотом. Пронзительный женский голос прокричал откуда-то сверху, что милиция уже выехала.

— Счас им, брандахлыстам, покажут жигулевского, товарищ Сойферт! Счас вам открою! Идите со стороны служебного...

Дверь трещала теперь, как от тарана.

— Кореша, это бессмысленная операция! — Лева

³ ВОХП — вооруженная охрана.

¹ Военнополные. (Здесь и далее — примечания автора.)

² Заключенные.

Лева ДРУГ

Сойферт, НАРОДА...

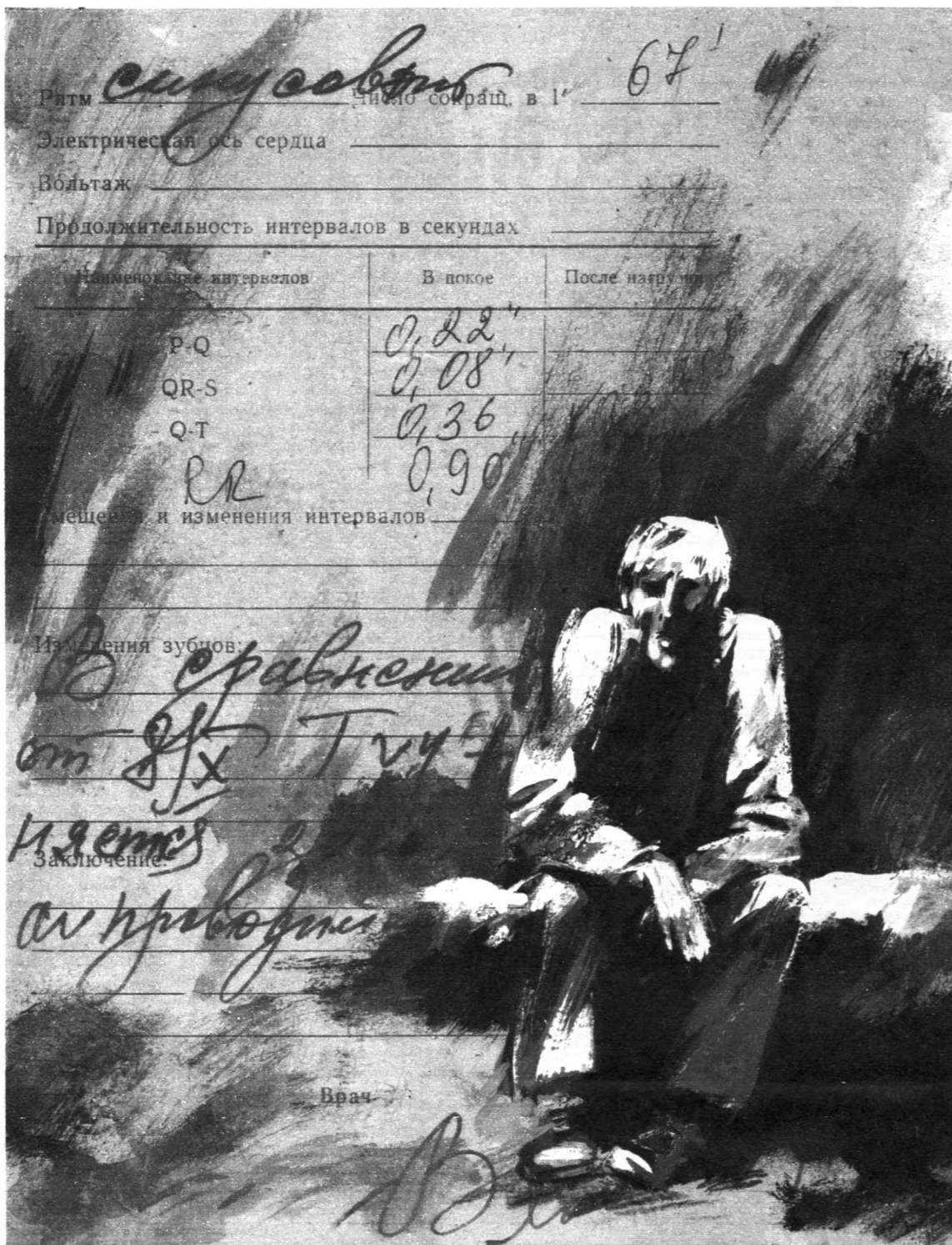

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Сойферт пожал острыми плечами.— Удивляюсь на вас! Пиво сегодня во всех точках. Чтоб я так жил!.. Пошли!..

И он двинулся вдоль городка, спасая от дежурной камеры покачивающихся, как шторм, парней, за которыми гусынями потянулись несколько девчат с одинаковыми сумочками из крокодиловой кожи.

Далеко не ушли. Она была за поворотом, круглая, как шатер завоевателя, брезентовая палатка с надписью на фанерке: «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ».

Интересно, и в Воркуте сто грамм «с прицепом» называются «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ». И в Ухте, и в Норильске, и в Нарьян-Маре. Занесло меня в богомольный Енисейск — и там, возле монастыря, «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ».

Приглянулся, значит, северянам «ГОЛУБОЙ ДУНАЙ»!

Мы глубокомысленно и коллективно исследовали эту тему, стоя в очереди за пивом, которое разливали в длинные, как колбасы, пластиковые мешки. Кто брал по два мешка, кто — по пять. Унесли и мы свое, расположились в углу, приладив раздутые мешки где-то у плеча, похожие на шотландцев, играющих на волынках.

Лева Сойферт оглядел меня внимательно:

— Я терпеть не могу теорий. Но можно одну каплю? Здесь театров нет. Кино — говорить не хочется. Остается что? Читать! Возьмем для примера моего любимого поэта Евтушенко. В уважаемом «Новом мире» — уже без Твардовского — напечатана его поэма «Казанский Университет», — Лева Сойферт принялся вдруг размахивать мешком, из которого

плескалось пиво, и декламировать хрипловато-то-ненько, под брызги:

Даже дворничиха Парашка
армянину кричит: «Эй, армяшка!»
Даже драная шлюха визжит
на седого еврея: «Жид!..» — Таки-да!.. —
Даже швишенький мужичишка
на поляка бурчит: «Полячишка!»
Бедняков, доведенных до скотства,
научает и власть, и кабак
чувству собственного превосходства:
«Я босяк, ну а все же русак!..»

— Ну? — сказал Лева Сойферт, обедая взглядом соседей в кепочках, переставших заглядывать пиво, притихших. И вполголоса, теперь уж только для меня:

— Такие строчки пронести на люди? Сквозь охрану?.. Так ведь это только в параше можно! В куче дерьма! Не станут рыться... Спихватятся, да поздно... Ну что? Удалось Евтушенко?.. Как я понимаю, это и есть метод социалистического реализма. Жемчужное зерно в параше!.. Параша?

Доверху параша!.. Но... «навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно». Так вам, коль вы действительно писатель из Москвы и хотите через год-два подарить нам свою книгу, так вам же надо тоже наворотить кучу благородного навоза, чтобы зарыть в нем свое жемчужное зерно...

Я молчал, удрученный, и Сойферт вдруг заговорил гладко-вдохновенно — так, наверное, ораторствовал на митингах, от которых не мог отвертеться. На ораторствовал на добрый очерк для софроневского «Огонька», настоял, чтобы я правильно записал все

цифры и фамилии, закончил печально и устало:

— Ну вот, теперь у вас есть куда зарыть свое жемчужное зерно...

В эту минуту на меня повалился какой-то костистый мужчина в свитере, продранном на локтях. Похоже, он хотел поздороваться с Сойфертом, да не удержался на ногах.

— Никифор! — вскричал огорченный Сойферт, помогая и ему, и мне подняться с пола. — Зачем так пьешь? Все до нитки спустил!..

Никифор вскинул на него мутные глаза и произнес неторопливо, с беспредельным изумлением:

— Начальник! Зачем же я тогда работаю...

Лева Сойферт взял меня за локоть и вывел на воздух.

Красное солнце повисло над сопкой. С моря Лаптевых тянуло холодом. Поежась, Сойферт сказал удрученно:

— Сам виноват... Нашел где искать положительные эмоции. Он вас не зашиб?.. Знаете что! — снова начал он вдохновенно; казалось, несвойственный ему удрученный тон сам по себе включал в нем какой-то генератор, немедля дававший искру. — Вам нельзя уезжать отсюда в таком настроении!

Вдали появился Пилипенко с буденновскими усами, держа огромный чайник. Видно, тоже за пивом. Увидел Сойферта и тут же пропал. Точно под землю провалился... Я подумал, что это, наверное, не по-человечески — столько лет спынять его. Ведь он мог уехать. Забиться в медвежий угол, где о нем никто бы не знал, не ведал... А этот остался, значит, осойбой вины за ним нет...

— Не по-человечески, — согласился Сойферт, выслушав меня. — Разве мы люди?! Каждый — геологическая катастрофа... — Он долго раскачивался впереди и вдруг круто обернулся:

— Слушайте, я заинтересован в том, чтобы о нас, забытых Богом и людьми, вышла в Москве книжка. Поверьте мне, вам недостает рабочего настроения.

— Правды недостает! — ответил я и помедлил... которую вы скрываете, как будто вам за это платят.

— Правды?! — вскричал уязвленный Сойферт. — Нате вам правду!.. Я одесский вор. В лагерях говорили «друг народа». Мой сокамерник Сидор Петрович, «Сейдер», тот, что в пенсе, — «враг народа». А буденновец Пилипенко — наш бывший начальник режима, убийца! Зверь! Ныне за кадрами... На что вам эта правда?! Ее в Москве собаками затравят... Что? Почему не развезаемся? Сцепились с убийцей, как в припадке?.. Что такое?! — перебил он самого себя. — Опять мы... не туда!.. Знаете что? Полетели... в баню!.. Через час вертолеты уйдут по партиям. С фруктами. Вагон пришел. Половина яблок погнила. Если за ночь их по тундре вертолетами не разбросать, прости-прощай, утром придурки разберут... У буровиков, вот где положительные эмоции! Ведрами черпай! А утром назад. Не вздумайте отказываться. Нынче банный день.

В баню мы летели на крошечном целлулоидно-стрекозином вертолете МИ-1, который летчики называют «двухместным унитазом». Под скамеечкой стояли яблоки — антоновка и золотой ранет, — наполняя кабину пряным, с гнильцой, ароматом южных садов.

А внизу зеленела тундра в слепых блестях озер, от которых резало глаза. Земля остывала, как металл, вынутый из горна. В цветах побежалости.

За спиной бился мотор, увлекая нас вдоль просеки, прямой, как стрела указующая...

Если бы на воздушном шаре! Тишина. Воля...

«Тишина, лучшее, что слышал...» — мелькнуло пастернаковское... Он раньше многих понял, чего недостает людям.

Наконец, зачернел вдали дым, притянувший наш вертолет, как лассо... Сойферт притих. Я взглянул на него. Он сидел, вяло откинувшись на спинку, белый, держась за сердце.

— А? — ответил он на мой вопрос. — Давно пора на свалку. Тридцать лет на аврале... Врач?.. Врач считает: надо бежать в Одессу... Дурак врач!..

Мы опустились возле палатки с антенной, долго висели над кочкой, наконец, приткнулись кое-как, летчик выскочил, не выключая мотора, поглядел, не увязнет ли машина, не опрокинется ли, затем остановил винт, и в шелесте еще, не в тишине, мы услышали чей-то хриплый голос:

— Водку привезли!?

Взяли и яблоки. Ящики с яблоками несли впереди, как знамена. Без энтузиазма.

Прягая по кочкам, проваливаясь в ржавую воду, мы подходили к бане, возле которой громоздились горы валежника. И в эту минуту прозвучал выстрел. Глухой. Из дробовика. Никто не остановился. Шли как ни в чем не бывало. Хлопнул еще выстрел. И тут же другой, гулкий. Оказывается, стреляли по черному репродуктору, водруженному на столбе посередине лагеря. Он был похож уж не на репродуктор, а скорее на рыбацкую вежу. Палили из нескольких палаток. Как на стрельбище.

Сойферт огляделся и, покачав головой, решил вме-

шатся. Засунул голову в палатку, в которой залег один из стрелков; оттуда донеслось протестующее: — Товарищ Сойферт! Так он жить не дает, репродуктор. Базарит и базарит!..

— Таки-да! — печально сказал Сойферт и повернул к бане.

Под баню приспособили деревенский сруб из «листвяка» — огромных бревен сибирской лиственницы. Такие удержат тепло даже в пургу.

Сруб стоял на санных полозьях, оцинкованных железом. Бревна были старые, полозья — ржавые, видно, баня перешла по наследству от лагерей, как бараки в Воркуте. И точно. Внутри на бревнах вырезано ножом, нацарапано гвоздями столько лагерной матерщины и отчаянных, перед атаками, просьб, угроз, заклинаний, что я зачитался.

Ночь была прозрачно-холодной, как газировка со льда; дверь раздевалки не закрывалась, и я вряд ли стал бы раздеваться, если бы Сойферт не стрекнул меня веником из крапивы:

— Давай-давай!

И тут же ковылянул в сторону, вскричав победно:

— Ага! На ловца и зверь бежит!..

«Зверь» был здоровущим парнем с флотскими наколками на волосатых руках. Сойферт сообщил мне, что это самый знаменитый бурмастер на всем Севере, Вася, — знаток глубинного бурения.

— Под судом и следствием не был... — зачастил Сойферт, — короче, родился для вашей книги. В «Правде» о нем писали.

Вася начал стягивать с себя одежду, поинтересовавшись с усмешкой:

— Писать будете, как мы в землю зарываемся?..

— Ну, вы пообщайтесь, я парку нагоню! — дружелюбно крикнул Сойферт и исчез в бане.

— Из самой Москвы, однако? — переспросил парень. — Ла-ады! Объясните мне в таком случае, как же так, землю продают нашу? Оптом... Мы вот забурились на шесть тысяч, газ нашли, а потом узнаем, что все это заранее продано. И кому? Немцам, которые отца моего убили. Они нам — трубы, мы им — газ... Жизнь-то, оказывается, стерва!.. Все народное достояние продают. На корню. Немцам и потом, говорят, американцам, макаронникам всяким. Получается, отдай жену дяде. Или мы не Россия, а чернокопые какие?.. Жизнь-то, вот, стерва! — повторил он и сплюнул зло; стал выбирать веники. Высмотрел самые большие крапивные листья, протянул мечтательно: — Пихтовых веников бы!.. Э-эх, нету гербовой, поищем на простой...

Дверь из бани распахнулась, оттуда рвануло горячим паром. Выскочил огненно-красный костлявый Лева Сойферт. Присел на корточки, обхватив колени и тяжело дыша.

— Ну, власть. — пробасил Вася покровительственно. — Сварилась вкрутую? Эх, всех бы вас в один котел!..

Сойферт распрямился пружиной, поглядел вслед ему недоуменно и еще раз огрел меня веником из крапивы.

— Коммунисты, вперед!

На железной печке клекотала вода в детской ванночке. Пахло распаренной хвоей и чем-то отвратным. Денатуратом, что ли?

Печка с засыпкой, впервые такую видел. Обычная бочка, из-под бензина, обитая еще раз железными листами. Между листами и бочкой доверху галька, крупный песок. Не иначе, лагерьный патент. Железная бочка, а тепло держит, как русская печь.

Сойферт плеснул на гальку кипятку, шибануло паром так, что я отскочил к противоположному концу бани.

— Ох, пихтовых бы веников! — простонали сверху.

Но пихтовых не было. Мы распарили те, что были. Из крапивы. Колючки стали мягонькими. Не обстрекали тело.

Лева Сойферт хлестнул меня крапивой наотмашь. По спине. По ногам. Задохнулся.

— Жеребцы! — Он едва перевел дух. — А ну, подайте московскому пару. Чтобы помнил буровиков.

«Жеребцы» толпились вокруг детской ванночки, черпая оттуда кипятком и весело матерясь. Рослые, с бугристыми мускулами, в наколках, — возле детской ванночки. Зрелище это было смешное, и сами они смеялись — над ванночкой, друг над другом, по любому поводу. Кто-то поскользнулся на мыле, шмякнулся, тут уж гогот начался такой, казалось, сруб развалится... Чувствовалось, баня для них — и театр, и клуб, и гулянье. Громче всех сипел от хохота, суча ногами, буровик, мой знакомый, словно это не он только что говорил мне безнадежно: «Жизнь-то, получается, стерва!»...

Когда снова плеснули на гальку, я рванулся в холодную пристройку ошалело. Впрочем, не я один. Только Сойферт остался на полке, неостановимо, как заведенный, хлеща себя веником из разбухшей крапивы.

— Хо-о! — протянул он блаженно, выбравшись на ощупь в предбанник. — Банька, таки-да-а!.. Есть морс, рекордсмены?..

Клюквенный морс охлаждался на улице, под лестницей. В огромном чайнике. Запарившиеся огненно-красные парни тянули его из носика, чуть «отходили» и снова ныряли в парилку.

Оттуда слышались взрывы хохота. Сойферт поглядел в сторону парилки, небритое лицо его стало напряженно-несчастливым, он встрепенулся, сказал устало и печально:

— В здоровом теле — здоровый дух! А? Надо им крабов подбросить. Пришли вчера по спецзаявке. Ничего, начальство обойдется...

Он долго тянул из носика чайника клюквенный морс.

— Не верите, не выжил бы, если б сюда не подавался, — произнес он, поставив чайник на пол. — Напариться... неделю живешь. Надо им еще курей выделить... из обкомовского фонда. Ох, воздуху мне не хватает!.. — И вдруг посмотрел на меня отчужденно, словно принял меня за кого-то близкого, поверил, а... что я за птица?.. Что напишу потом?.. — Аммиак, — выдал из себя Лева Сойферт. — Сплошной аммиак... на заводе. Запашок!.. Люблю тундру...

Из парилки выскочили, в клубах пара, ребята, один из них закричал радостно:

— Тута еще!

Тогда повалили один за другим остальные, один, совсем молоденький, беззубый, просил Сойферта написать в их деревню, в сельсовет, чтобы матери крышу покрыли. Одна она, а дожди пошли.

Другой, постарше, не знал, как пристроить в ясли дитя.

Сойферт достал мятый блокнотик, записал.

— Через неделю ответ, — сказал. — С доставкой на дом...

Заулыбались, потянулись к нему — я увидел, нет ничего необычного в том, что здесь, у моря Лаптевых, редко произносятся известные в России имена, допустим, Брежнева, Косыгина, желтолицего хозяина полуострова, наконец! Одно имя чаще всего звучит над болотистой или ледяной тундрой: «Лева Сойферт» — «Товарищ Сойферт!»

— Товарищ Сойферт! — прохрипел вслед нам буровик, когда мы на другой день шли к вертолету. — Пришлите долота! Алмазные!.. — Догнал нас, дышал в лицо перегаром. — Долота, говорю! Алмазные!.. — И вдруг тихо, со спокойной яростью: — Вроемся, что ли, глубже, проданные?!

Я вернулся к буровикам через неделю, был в этих краях все лето, летал в Норильск, в Игарку, на спасение заблудившихся в тундре геологов, трясся на вездеходах, рубил просеки, заполнил все свои черные от раздавленной мошки блокноты, а когда снова попал в городок газобуровиков, меня встретил на аэродроме Лева Сойферт.

— Ну как с положительными эмоциями? — прокричал он снизу.

Я показал рукой где-то выше головы...

— Едем ко мне! Отпразднуем завершение дальнего похода. Только вначале к Сейдеру. Он болен, хочет повидаться.

Нас мчал дребезжащий болотоход на багровых от глины шинах, раздутых, точно от укусов мошки и комарья. И я понял, наконец, в этой тряске, почему я, чем бы здесь ни занимался, нет-нет да и возвращался мыслью к Сойферту и его вечным «сослуживцам»... Надеюсь, видно, распутать этот «тройной узел»... что-то раскрылось бы, не сомневался, значит, интересное. Развязалось бы... Вот почему размышлял об «узле» с тревогой, почти со страхом! Так думают о заминированной дороге. Проскочишь или нет?

Подобных мин, слышал, много раскидано по Сибири!.. От старого, лагерьного. Да разве только по Сибири!.. Заминированная Россия!..

— Лева! — вскричал я, болтаясь на выбоинах, как пилула в коробочке. — Вы давно хотели рассказать мне о Сидоре Петровиче. Хороший человек, как понимаю...

— Святой человек! — воскликнул Сойферт с воодушевлением. — В Иркутске распинали, как Христа. Гвоздем руку пробили. Не выдал, где его семья. Так и не разыскали. У сына его анкета чистая. Сейчас в загранке. В дипломатах...

...В лагерях и то признали — святой. Сейдер. Закон. Вот слушайте... — И он принялся рассказывать, привставая на ухабах, о том, как однажды его дружки, «воры в законе», постановили убить стукача. Но чтоб все было чисто, по-лагерному, чтоб никто, ни «суки», ни «бытовики», ни сектанты, ни охрана — никто не посмел сказать, что воры сводят счеты или не поделили поживу, воры постановили отыскать святого. Который на невинного руки не подымет, хоть убей его. Весь лагерь перебрали, остановились на Сидоре Петровиче. Начальник режима рассказывал, что тот хотел всю химию взорвать. Но мало ли какие лапти плетет начальник режима!..

— Святой! Комара не убьет!

Сидор Петрович плакал, просил освободить от убийства, в расстройстве даже очки раздавил. Воры ему другие принесли...

Разъярились вконец. «Чистеньким, — кричали, —

хочешь остаться, пахло?! Незамаранным?! На кой ляд?! Как все, так и ты!..»

Наконец, они представили Сидору Петровичу доказательство, и — некуда деваться — Сидор Петрович ночью на нарах придушил стукача.

А потом год не спал. Все мерещились выкатившиеся из орбит глаза стукача...

— Святой! — прошептал Лева Сойферт. — Христ!..

Через полгода пришла очередь Пилипенко. Воры постановили утопить палача. В это время мост строили. Накинули на Пилипенко мешок, ударили камнем по голове.

— Сейдер увидал, как закричит, забьется... Мы, конечно, врассыпную...

— Пилипенко, выйдя из больницы, узнал, кто его спас, и теперь живет возле Сидора Петровича, как собака у ноги...

— Стой! — закричал Сойферт шоферу. — Не знаешь, где Сидор Петрович живет?! Ваня с Пресни!

Сидор Петрович жил один, в двухкомнатной квартире, уставленной и по стенам и посередине книжными полками. Полки полированные, самодельные, точно по размеру книг. Для «малой библиотеки поэта». Для «большой»... Стекла промыты. Посередине бар из карельской березы. Под замком. В нем, как выяснилось, хранился самиздат.

Такой личной библиотеки я и в Москве не видел.

— Тут поэты, — показал он мне на стеллажи у окна.

Тут были все поэты. От Кантемира и Тредиаковского... На другом стеллаже — весь Достоевский. Академический Толстой.

...Вечные ценности!.. — Он улыбнулся застенчиво. — А вот эти два шкафа — обруганные книги...

Такого я действительно не встречал — библиотека обруганных! Есть и макулатура, но сколько неопеченного, уничтоженного варварством и бережного, возможно, лишь здесь, на краю света, возле моря Лаптевых... Я перелистывал желтоватые пожелтые странички... Пьесы, стихи, романы, не переиздававшиеся с двадцатых годов, изъятые из всех библиотек, книги, за хранение которых давали десять лет со строгой изоляцией... Все заново переплетены. Внесены в каталог.

Сидор Петрович кашлял все сильнее, натужнее; казалось, ему уж не до меня, но как он кинулся ко мне, когда я вырвался на пол истерзанной и тщательно проклеенной сборник «Вехи» и страничку подхватил ветер...

— Ну, хорошо, — сказал, откашлявшись, Сидор Петрович, ставя на пол бутылку коньяка и присев рядом со мной на корточки. — Что же будет?.. Твардовского сняли... Это последний бастион!

Он говорил о культуре, как отец говорит об обреченном ребенке.

— Что будет? Россия без этих вот книг... это все равно, что бросить ребенка в волчью стаю. Чтоб он потерял дар речи. Лишь мычал... Хотят опять Россию кровью умыть? Натравить на мир? Куда денемся с Левушкой?

— Я женюсь на тебе, и мы уедем в Израиль, — весело сказал Лева Сойферт, накрывавший на раскладной столик.

Сидор Петрович захохотал, снова закашлялся от хохота и долго бухал, прикрыв лицо носовым платком. Утихнув, он долго сидел неподвижно, обессиленный, поникший.

— Знаете, — сказал он тихо, когда Лева звенел на кухне тарелками, насвистывая что-то. — Без Левушки я бы давно полез в петлю... Наверное, нужны двадцать веков гонений за плечами, чтоб человек спокойно насвистывал даже во время облавы...

Мы ушли поздно. У Сидора Петровича была лишь одна кровать. Железная солдатская койка, вытесненная книгами в крошечную комнату — кладовку. Сойферт повез меня к себе.

Он жил на краю города, в белом домике, похожем на украинскую мазанку. Показал его издалека. В ту сторону вела прямая, накатанная дорога, перегороженная шлагбаумом и надписью: «Стоп! Запретная зона». Однако и там, в зоне, стояли такие же домики, белые, одноэтажные: мирный городок, по главной улице которого по обыкновению бродят куры, поросята, козы.

Мы пошли в обход, по болотистой тропе, и Лева Сойферт ответил на мой недоуменный взгляд, что тут — лагерь.

— Нововведение, — процедил он сквозь зубы. — Лагерь первой судимости. Тут сидят и те, кому год дали. И кому пятнадцать... Но... по первому разу... Поэтому забора нет. И вышек. Даже «колючки» нет... Стенка только на улице, где принимают передачи... Это чтоб у зеков было ощущение, что они вроде как на свободе... Что?.. А вы зайдите-ка вот за тот колышек, попробуйте... Перепаханная полоска, как на границе. Видите? И электроника. Поставлена на службу прогресса. Таки-да! Без электроники! Хо! Тут есть ребята, которые сидят девятнадцатый год. Когда максимум — по Уголовному кодексу РСФСР — пятнадцать... Они получили срок, когда еще давали двадцать пять. И никто не пересматривает. Электро-

ника на страже!.. Ай, что вы говорите! Кто напечатает об этом? Не будьте ребенком!.. Я, между прочим, тут тоже посидел. И Сейдер! Правда, тогда еще не было этого экспериментаторства. Первая судимость, вторая судимость... Стояли вышки с пулеметами.

Когда мы вошли в его дом, полный кактусов в глиняных горшках, украинских маков и «паучков», он тут же отомкнул книжный шкаф. Книгам была отведена лишь одна полка. Книги были все старые.

Кропоткин. Процесс меньшевиков 1931 года. Гумилев. Книги с синим зайчиком на суперобложке. Все до одной — Сидора Петровича...

— Смешно! — Лева Соиферт пожал острыми плечами и принялся нарезать сало. — Энгельс бился над своей теорией происхождения человека... Какие теории?! Когда есть практика! Только они превращают обезьяну в человека. — Он показал на книги. — Исключительно. По себе знаю. — Поднял назидательным жестом нож, поправился:

— В получеловека. — И развел руками: — А где вы видите людей? В нашем храме на газу. Кроме Сейдера?

Зазвонил телефон. Еще раз. Еще. Соиферт отвечал кратко. Свое обычное «угу!», «не вылетит на повороте!» Или: «Дело — говно. Будем разгребать!» Иногда добавлял еще несколько слов о том, как разгребать... Я спросил, нельзя ли отключить телефон. На ночь. Он восторженно: «Что вы? Производство. Буровые. Газ. А если что?..»

Ближе к утру, когда мы переговорили, казалось, обо всем, я спросил его, словно вскользь, почему он остался здесь, в этом городе, где даже глина на буграх кажется проступившей кровью. И вот поселился у тюрьмы. Что за мазохизм?

Он усмехнулся:

— А где не тюрьма?.. Там хорошо, где нас нет!

Я спал плохо. Заметил сквозь дрему, как Соиферт поднялся, нахлобучил кепочку и стал быстро-быстро собирать сало, хлеб в узелок, закинул узелок в портфель, сунул туда бутылку водки и — выскочил из комнаты.

Его не было долго. Я подошел к окну и вдруг увидел его за стеклом — сгорбленного, небритого, в обвисших штанах из синей парусины, которые он подтягивал машинально и потерянно. Он брел, раскачиваясь, как на молитве, только чуть на сторону, волоча тот же разбухший портфель.

— Другой сегодня, — хрипло, с горечью, сказал он, войдя в комнату. — Ничего не передашь... — И, спохватившись, замолчал. Посмотрел на меня своим изучающе-пристальным взглядом и, поняв, что проговорился, рассказал страшную правду, которая не дает мне покоя и сегодня.

Три года назад у Соиферта был инфаркт, врачи потребовали, чтоб он уехал на юг. И он стал собирать вещи. Всполошились власти. Незаменимых людей нет, но... как без Левы Соиферта? Заполярье. «Ни купить, ни украсть», как говорили старые зеки. То труб нет, то хлеб не завезен. Разбежится народ... Сам Первый вызвал Соиферта, обещал отправить в санаторий ЦК. Любой. Даже в Нижнюю Ореанду. Только чтоб вернулся назад.

Побещали Соиферту квартиру в доме крайкома — он все равно собирается. Удвоили оклад — бросает и оклад. И тогда к восемнадцатилетнему сыну Левы Соиферта Яше, который возвращался домой после выпускного вечера, подошли на улице три молодца и девчонка и завязали драку.

Суд был скор и справедлив. Сына Соиферта обвинили в нападении на девушку и в попытке изнасилования: не изнасиловал-де только потому, что прохожие отбили девушку.

Прохожих было трое, девушка — четвертой. В их показаниях расхождения не было. Яша получил восемь лет лагерей.

...— Далеко не увезли, — прошептал Соиферт, руки его затряслись. — За стеной, рядышком...

— Как смели на это пойти?! — вырвалось у меня. Мне невольно вспомнились мои московские друзья. Мудрый, похожий на морщинистого ребенка Александр Бек, шептавший: «Гриша, я их боюсь! Я их смертельно боюсь!..»

— Кто мог это сделать, Лева?

— Хо! Пилипенко и не такое придумывал. А за что его держат? Лечат в санаториях ЦК? За голубые глаза?

Мы вышли с Соифертом на топкую улицу, приблизились к высокому бревенчатому забору, которым некогда обносили старорусские города от татар. Он был сырым, в плесени, как почти все на берегу ледяного моря в эти августовские осенние дни.

Забор перегородивал улицу, превращая ее в тупик. Он был коротким, но недвусмысленным. Сверху козырек, колючая проволока. Почему-то у ворот не полагались на одну электронику.

У маленькой дверцы стояла очередь с узелками, чемоданчиками. Дверца была с глазком.

Лева Соиферт молитвенно воздел руки и сказал каким-то хрипящим шепотом:

— Вот моя Стена плача! Куда я могу уехать от Стены плача?!

Алла БОССАРТ

Фото

Юрия ФЕКЛИСТОВА

Наша страна, за небольшим исключением, никогда не видела таких передач, как «Монитор», «Поп-антенна», «Теледебаты», «Зебра», «Ступени», «Пятое колесо», а теперь еще и «Альтернатива» — передача, бесспорно, самой живой, творческой, прогрессивной из советских телестудий — ленинградской. Остается надеяться, что со временем появятся над страной какие-нибудь спутники связи, такие, что смогут донести «до самых до окраин» информационные волны не только от берегов Гудзона, но и Невы. Пока же мы хотим познакомиться страну хотя бы с одной передачей из тех, что ей видеть бы надо, но не удастся.

ГЛАСН

С ОБЛАСТНОЙ СУДЬБОЙ?

Романов не любил собак. Дальше, если выдерживать стилистику, следует...

И вот приходит он раз в Смольный и говорит: чтоб не смели мне, говорит, напоминать об этих вредных тварях и чтоб духу их близко не было. Кричит, ногами топает, весь красный, прямо ужас.

Думаете, неизвестный Хармс? Нет, примерно так все оно и было. И еще Григорий Романов запретил тогда показывать по телевидению Юрского и Райкина. Из передачи «Рябяткам о зверятах» исключили напрочь всех собак, а из культурной жизни Ленинграда — двух замечательных артистов, один из которых был, как теперь уже точно известно, великим.

В памяти ленинградцев живо недлинное, но интенсивное правление Романова, которое можно занести особой страничкой в историю отечественной культуры. При Романове прозябали библиотеки, рушились — в буквальном смысле — театры, подвергались арестам экспозиция Русского музея, гнили запасы, гнили исторические памятники, начал гнить (и гниет по сей день) от знаменитой дамбы Финский залив — драгоценная аура Питера сгорала и рвалась в лохотку с лютостью, какой не знала и блокада.

Когда Белла Куркова, работая еще в редакции информации, показала в репортаже с фотовыставки портрет Юрского — молчаливый промельк камеры, — ей вкатили выговор. Потом, правда, сняли, когда строптивая пригрозила начальству судом. И хотя в те годы вообще, а в Ленинграде в частности качать права было не принято, Белла Алексеевна с начала своей карьеры славилась скандальностью. А, с другой стороны, у начальства под рукой не оказалось ни одной документальной инструкции, которую Куркова нарушила бы. У Первого — телефонное право, а у телевизионного начальства — только послушание ему, на которое даже в нашем своеобразном суде не сошлешься.

...Какая пронзительная безнадежность перед лицом этого нашего суда обнажалась вдруг, когда бесстрастный, без комментариев рассказ коллекционера Георгия Михайлова о его мытарствах, о судебном произволе, который лишил его коллекции, свободы, крыши над головой, видеоканал «Пятое колесо» наложил на закадровые цитаты из «Процесса» Кафки, — какая историческая безнадежность... И какой плодотворный монтаж.

Но то — сейчас. И трудно поверить при сегодняшних теледебатах, при свободной камере на митингах, при живом эфире общественного мнения, пресс-конференциях эмигрантов и, главное,

при многодневной трансляции сечи народных депутатов, при таком аудиовизуальном пире гласности, трудно поверить, что еще позавчера — ничего, покорно глотались столь своеобразные высочайшие капризы. Ни одной славной морды на экране. Невзирая на порою. Не говоря уже о лицах.

Вот с лиц-то и началось.

Ткань нашей культуры за семьдесят последних лет до жутких дыр проела вредная порода простейших. Их аппетиту подверглась как память, наследие, так и ныне живущие деятели, если чем не потрафили. А не потрафляли, как выясняется, многие. Многими и многими костями хрустели простейшие.

«Пятое колесо» с первых своих шагов взялось за латание прорех. Диссидент-поэт Евгений Рейн, диссиденты Галич, Сидур, Лен Карпинский, великий диссидент Сахаров, диссидент-коллекционер Михайлов, полной мерой отдавший дань брежневским лагерям; диссиденты Даниэль и Синявский; диссидент-историк Лев Гумилев и диссидент-искусствовед Евгений Ковтун, всю жизнь изучавший строго секретную, как оборонный объект, тему советского авангарда 20—30-х годов; и собственно авангард — съеденная, сожженная, растоптанная и распроданная с молотка кладовая русского диссидентского искусства, великая, неизвестная соотечественникам живопись, собранная реставраторами из «Пятого колеса» в цикл «Смутьяны холста».

Не думаю, что брежневское время было уникальным по тому, какую армию инакомыслящих породила ситуация. Уникальная пора складывается, возможно, именно сейчас. Вряд ли история имела когда-нибудь раньше такую сильную команду «пророков в своем отечестве», получивших признание при жизни. То, что некоторые из них географически оказались в чужом отечестве, — детали. Гласность произвела, на мой взгляд, беспрецедентную революцию в общественном сознании. Закономерно, что кровное дитя перестройки — «Пятое колесо» одним из первых поняло не только нравственный смысл — он оценен мыслящей частью населения давно, — но и продуктивность диссидентства. Закономерно, что именно этот добросовестный ген родители «Колеса» заложили равно в эстетическую и социальную программу своей передачи.

...И был Филонов, и был Малевич, и был Шагал, и были многие. И после многих был еще живописец без имени, а только с инициалами в углу буйных и смутных, как пугачевщина, холстов: А. З. Анатолий Зверев, дитя андеграунда, не сочинитель, но мастер. А. З. АЗ, аз. Без единого закадрового слова поверх инициалов возникает росчерк на экране «Аз есмь»... Несмотря ни на что, аз есмь. Могучий коротконогий Си-

дур, живой в язычестве своих стихов, в косноязычии крике своих скульптур — дьявольская сантехника, гениальная свалка еретического металлолома. Аз есмь. И Мандельштам — золотая кузня строк, звенящих на ледяном ветру, изъеденных пеллагррой, исколотых колымским снегом, по которому бегут, и падают, и гибнут в нем безымянные и бессмертные люди. И непостижимая, как Кижь, постройка духовности Павла Флоренского, высочайшая религия свободного ума и благородной веры, погребенных «властью соловейкой»... В этих столкновениях, в «монтаже» смуты и власти, знания и власти, творчества и власти пролегал режиссерское и журналистское русло новой программы. И впоследствии, когда «Колесо» уже несколько «откатилось» от истории и все более открытым текстом, напрямую стало говорить о НАС, о настоящем, а не о прошлом российского общества, тень Радищева словно бы витала над его извилистой колеей: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала...»

Нас, журналистов, упрекают, что мы неустанно копаемся в грязи, пишем сплошь о несправедливости, преступлениях, проституции, самоубийствах, психушках, наркомании, СПИДе, нищих, бомжах и прочих язвах. Что поделаться. Настало, как видно, и для нашей второй древнейшей профессии время собирать камни. Журналистике давно пора завязывать с лозунгами и осаннами и приниматься за свое прямое дело — ассенизацию. Мне не нравится другое: наш общепринятый чисто количественный подход к злу. Наша охотничья стойка на «жаренку». Такое направление мысли опасно, потому что в погоне за фактом, за сенсацией можно проскочить поворот. И не заметить, как те же факты творятся уже в ином контексте.

Галина Гамзелева, редактор:
— Да, принцип сенсационности лежит в основе нашей программы. Но за сенсацией сейчас только ленивые не гонятся. Для нас важно зарядить сенсацию в тот огромный культурный пласт, из которого мы можем черпать и черпать, без конца. Но когда нет скорби, боли, — нет и не может быть художественного осмысления. Я, например, не стала бы делать передачу про холерную палочку. А если бы стала, то через концерт Чайковского. Вот он выпил стакан воды и ушел в мир иной. От холеры, которая сейчас грозит Ленинграду. Культурная ткань едина, все со всем связано — Собака можно сопрячь с Конституцией Чаадаева... Высший взлет ТВ в его социальной функции — Съезд народных депутатов. По этой линии нам гнаться бесполезно.

Вторую сцену с Сахаровым никто не сыграет и не придумает. И по Эрмитажу ездить, как с пылесосом, тоже бессмысленно. Но можно сделать передачу, как Эрмитаж разграбили. Можно узнать, почему Эрмитаж проголосовал на выборах в народные депутаты против Курковой. Или вспомнить, как выдающийся деятель культуры Пиотровский подписывал письмо против Сахарова. Даже о Сталине нельзя больше говорить. Я хочу показать армянскую церковь, где была мастерская одного скульптора, и там стоят сто маленьких сталинчиков. Эта связь: религия убита, жизнь убита, землетрясение — тоже убийство... Никакую беду, никакую самую горестную судьбу нельзя сегодня констатировать. Нам хотят навязать линию разрешенной левизны, которой так увлечены сегодня средства массовой информации и наша редакция пропаганды в том числе. В голой публицистике легко поддаться этому соблазну.

...А почему, собственно, «Пятое колесо»? Лишнее, что ли? Дизайнерский выверт, излишество по отношению к старой доброй телеге нашего ТВ, да еще и нестандартного диаметра? То-то повело родную телегу, то-то перекосило послушный транспорт — возниц не напасешься.

Задумывая и конструируя новый механизм, Белла Куркова, Клара Фатова, Наталья Серова, Сергей Шолохов, Галина Гамзелева, Виктор Правдюк, Владислав Коновалов и еще кой-какой замечательный народ с Ленинградского ТВ ни о каком феномене не помышляли. Просто придумывали новую передачу. Просто потому, что старые надоели. Потому, что скучно жить стало, что Беллу Куркову перевели из молодежной редакции в художественное вещание, что творческие люди не могут не придумывать нового. Просто потому, что открылись шлязы. А по разным этажам, в разных комнатах телецентра разные люди маялись своей инородностью...

...Напомню передачи цикла «Дом на набережной» (о репрессиях 37-го года в партии и военном командовании) и встречи с ленинградцами — народными депутатами. Это одна из ролей Беллы Курковой — в кадре, с микрофоном. Важная, но не главная. А главная — она и есть главная. Главный редактор художественного вещания Ленинградского телевидения. Главный редактор «Пятого колеса».

Впрочем, я думаю, у Курковой есть и главнейшая роль, которая вбирает в себя все остальные, в том числе и руководящую. Эта роль — журналист. Не пишу это слово с большой буквы только потому, что до смерти боюсь претенциозности. А Белла Алексеевна — та

даже ее не боится. Не боится эта небольшая четкая дама с жестким голосом и сильной близорукостью ни-че-го. Такое вот впечатление.

Выступила в «Теледебатах» с заявлением (прямой эфир), что первый секретарь обкома Юрий Филиппович Соловьев без всякого согласования с телевидением отрезает от программ любое удобное ему время для так называемых «особых передач», иначе говоря, для собственных выступлений. И нахально заметила при этом, что такой произвол мешает нормальной творческой работе. В Смольном потребовали извинений. Куркова в извинениях отказала. Ее стали снимать с работы. А Белла за свое: только судом! А тут еще общественность зашумела. Смольный отступился. Отступился ли?

Галина Ивановна Барина, заведующая идеологическим отделом Ленинградского обкома КПСС:

— Вот сложился стереотип: передачу арестовали, «Пятое колесо» разогнано, Куркову увольняют. После «Теледебатов» все знают, что «Пятое колесо» закрыто. Товарищ Сокуров телеграмму бьет Соловьеву, Горбачеву — не разгоняйте «Пятое колесо»! Письма пошли. Я задала вопрос: Белла Алексеевна, что наступает на вашу гласность? Вот какой парадокс: все знают, что Ленинградское телевидение — самое прогрессивное, как же можно говорить, что именно в Ленинграде мы наступаем на гласность? Думаю, жалуюсь постоянно на зажим гласности, ребята подстраховываются: вот меня хотят убрать, а я выступлю, критикую, и попробуйте меня убрать.

Чем отличается наша лукавая гласность от свободы слова? Полагаю, тем, что гласность можно разрешить и можно запретить, на нее можно наступать или не наступать. А свобода слова — она есть, и все. Она часть демократии и не может быть, как гласность, «вашей» или «нашей». Галина Ивановна проговорилась:

— Сегодня самыми моими надежными соратниками и единомышленниками стали те, кто в застойные годы были самыми грозными оппонентами. Те, кто спорил, не сдавал позиций, именно они сегодня самые надежные союзники в перестройке, плечом к плечу стоят.

Если, не приведи господи, перестройку объявят закрытой, кому же Галина Ивановна Барина как дисциплинированный работник аппарата подставит свое плечо?

...Первый раз запретили «Колесо», посвященное минскому документалисту Аркадию Рудерману, его фильмам «Театр времен перестройки и гласности» и «Встречный иск». В событийном центре «Встречного иска» — минская «вандея», разгон демонстрации, посвященной памяти жертв сталинских репрессий. Силы, учинившие побоище в Курпатах, силы, предъявившие иск в защиту Сталина, силы, гробящие людей и землю вокруг Чернобыля, силы, вычеркивающие из энциклопедии Шагала, встают и на пути фильмов с ножницами и арестными ксивами.

В начале этого года Зоя Беляева отсняла материал о резиденциях на Каменном острове — «Остров глухих заборов». Передача была скандальная. Уже аннотированную в газете, ее тоже вначале «зарубили».

Зоя Беляева, редактор:

— Когда я начинала делать передачу о заборах, я столкнулась со стеной более глухой, чем на Каменном острове. По телефону я час сорок разговаривала с представителем Ленгорисполкома. Я ему: приглашаем вас на передачу, ответьте хоть на один вопрос. Он: не могу. Я: так, значит, можно сказать, что горисполком отказывается от интервью? Он: нет, мы не отказываемся, но прийти не можем. Час сорок длился этот Версаль!

У меня у первой нервы не выдержали, я сказала, что больше не буду продолжать с ним разговор, потому что я не Шехерезада. Я хотела сказать об этом с экрана, но мне не разрешили. А перед самым эфиром устроили такую вещь: в «Вечернем Ленинграде» появилась заметка «Терма гостеприимства» — о тех же самых особняках на Каменном острове. О том, что это чуть ли не наша национальная гордость. А когда передача все-таки вышла, в «Ленправде» появилась статья Волкова (начальника сектора по связи со средствами массовой информации исполкома Ленсовета. — А. Б.) «Под сенью развесистой клюквы». С тех пор у меня такая кличка — «Клюковочка»... Нам долго не давали отвечать, хотя статья вызвала шквал почты. Но наш главный редактор все-таки вырвалась с комментарием и взяла нас под защиту. И мы стали готовить вторую передачу. Тут уж мы развернулись по поводу гостеприимства, как у нас люди живут в развалах и т. д. Не нужно быть искусным оператором: вот роскошная дача — я залезла на детскую горку поглядеть: боже, красота неопишущая, лужайка, как в Англии... А через дорогу — онкологический диспансер. Слезами можно облиться. Заплата на заплате. И больной: я, говорит, в морге еще не бывал, но, думаю, там лучше...

Г. И. Барина:

— Запретных тем нет. Другое дело — говорить все, что они захотят, — вот это меня смущает. Где мерило: что нужно, а что не нужно? Все, что захотят, — да, но в соответствии с желаниями и надобностями общества. Не должно быть навязывания своей линии. Мне бы хотелось побольше конструктивных выступлений, введенных до конца тем, конкретного выхода. Конечно, возрождение культуры Ленинграда — это нас очень волнует. Но показывать: вот это запущено, а это захламлено... А выход?! Я противница того, чтобы мы вселили в человека безысходность. Я — за созидание. Нет зовущих — вот зовущих передач! Вы понимаете? Мне хочется, чтобы передача звала.

Вот так, с одной стороны, чтобы не было своей линии, но, с другой стороны, чтобы был конкретный выход. С одной стороны, смущает, когда говорят все, что хочется, а с другой стороны, хочется, чтобы передача звала. Чтобы статья, спектакль, фильм, передача, книга, песня звали. Причем в одну, совершенно определенную сторону. Не хотим поступаться принципами!

«Большое вам спасибо за сюжет «Остров глухих заборов». Да, очень долго приходится идти вдоль них. Сынишка с друзьями иногда взбирались или смотрели в щель, разглядывая другой мир. А я боялась и гнала ребят прочь. А ведь этот остров декретом Ленина был отдан рабочим как зона отдыха, и в честь этого события выбита медаль».

Редакционная почта однозначно отвечает на вопрос: ждет ли еще кто-нибудь, кроме профессиональных идеологов, чтобы его «звали»? Дозволил, хватит. В «великом городе с областной судьбой», где не любили собак и до сих пор не любят интеллигенцию, это понимают, возможно, лучше, чем везде.

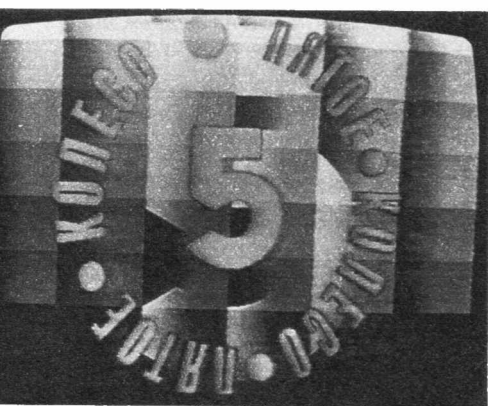
При мне к Курковой пришел ее друг, искусствовед из Москвы, приехал на запись. И обиделся:

— Знаешь, Беллочка, вы, конечно, мудрые все ребята, но ведь и мы не дураки. Нельзя же так некорректно!

— ???

— Я не хуже тебя знаю все возможности камеры. Ну зачем тебе понадобилось эту «Память» снимать в жутком ракурсе? Они такие же люди, как и мы с тобой, а вы из них широкоугольником каких-то монстров сделали с людоедскими ухмылками. Ты бы их еще «рыбым глазом» сняла.

— Савва, ты в своем уме? — Белла Алексеевна притливо взглянула поверх

очков.— Тут тебе не Феллини. Тут техника родная, дремучая.

— Да не бывает таких морд, ей-богу! Не специально же вы упырей выискивали?!

Вот что, товарищи, Гоголь со зрителями делает. Митинг как митинг, уже привыкли, знаем в лицо этих ораторов, которые пугают нас вырождением русского народа, плачут над гибнущим русским языком, терзают гусли и шлют проклятия инородцам, сионистам, масонам, что раскинули сети по всему миру и грызут, как червь, изнутри нашу обреченную Родину. Но вот словно злое марево поползло над толпой, искажая лица гримасами безумных улыбок. И спокойный, задумчивый голос за кадром: «Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай».

Тянутся руки, зияют улыбки поприщичных, маленьких участников Безумия, захлестнувшего нашу историю.

...До сих пор пробирает озноб, как вспомню. Съёмочная группа ждала, столпившись у подъезда дома на Морской, пока «свои люди» вели переговоры с Андреем Ивановичем, нищим стариком, который согласился рассказать, как он работал на складе боеприпасов «Большого Дома» — Ленинградского НКВД. Как выдавал патроны для расстрелов.

Парламентер, дружелюбный газетчик, спустился, чтобы позвать нас: «Как вы думаете, в какой квартире он живет? В 37-й...» В голой и грязной комнате в коммуналке под страшным номером, за чертой бедности, одинокий шамкающий дед с беззубой улыбкой показывает на парне из съёмочной бригады, как расстреливали. Палец, изображающий дуло, упирается в затылок.

Белла Куркова:

— Ленинград, как никакой другой город, пострадал в духовном плане. Когда уже кончились чистки, репрессии, у нас это продолжалось. И сегодня в Москве, скажем, климат куда мягче, чем в Ленинграде. Поэтому, если говорить о нашей ведущей, «генеральной» идее, это восстановление, возвращение всего поруганного, помятого, всего, что исчезло из нашей жизни. Может быть, поэтому нам верят зрители и доверяют наши герои. Накануне открытия выставки авангарда, когда холсты стояли на полу, нас пустили в Русский музей ночью, с огромной нашей техникой! И накануне открытия выставки Филонова мы тоже смогли выйти в десять вечера с живым эфиром. Деятели искусств Ленинграда знают, что вместе с ними мы открываем то, что было закрыто. К этому, между прочим, еще приучать надо... После тех передач стали раздаваться анонимные звонки в ЦК с угрозами, что Русский музей подожгут, что это осквернение русского искусства, жидомасонство — ну, как обычно... Мы, упрекают часто, не знаем меры. Пять часов в неделю люди говорят перед камерой, художественное качество стало снижаться. Это правда, сами чувствуем, но мы

очень спешим. Не перестаем бояться: а вдруг это кончится? Хотим успеть дать всем высказаться.

...Казалось бы, «Пятое колесо» конкретно ничего не угрожает. Галина Ивановна Барина не скупилась на комплименты. Оперативность, доверительная интонация, просветительство... Но я не могла отделаться от ощущения, что у ленинградских идеологов имеется некий счет к тележурналистам, нет-нет да и прорывались раздражение и досада. Но я могла и ошибаться и поэтому, чтоб уж точно, спросила в лоб:

— Галина Ивановна, обкому партии «Пятое колесо» помогает или мешает?

И услышала в ответ:

— С точки зрения дел перестройки, перестройки у нас вот здесь, — Барина постучала по виску, — надо считать, что помогает. На сознание действует очень сильно. Но вот мне

и издатель ни о каком «Пятом колесе» и слышать не желал. Недели две или даже три. До тех пор, пока в «Правде» Нину Андрееву не приложили. Тут ошарашенные власти развели руками, и на этом удивленном выдохе новая передача выскочила в эфир. Аккурат 11 апреля, как прямой ответ с места в поддержку генеральной линии.

Наталья Беляева, редактор:

— Белла Куркова позвала к себе всех сильных журналистов, которые были чем-то недовольны. И с ними подпольно по вечерам начала готовить новую программу. Вначале мы искали форму: город на островах, и мы все робинзоны... Потом поняли, что формы уже никому не нужны. Нужен человек, который говорил бы совершенно иначе. Люди подбирались по принципу белых ворон...

Лично мне очень дорогой принцип.

но рассказывал, как биополе храбреца искривляет траекторию пули. Так что причины, по которым «Колесо» прорвалось, укатилось далеко вперед по дороге авторского, а в будущем, возможно, и альтернативного, независимого от «издателя» телевидения, эти причины, я думаю, вполне законно искать не в области «благодаря», а в области «вопреки» — и издателю в том числе.

Белла Алексеевна Куркова со смехом рассказывала мне, как знакомые астрологи составили общий гороскоп «Пятого колеса». И выяснилось, что даже по расположению звезд налицо полная совместимость. Люди одной крови.

— Хочешь понять, что такое «Пятое колесо»? Могу объяснить, — вызвался знаменитый комментатор и шоу-мен «Колеса», а скорее, «шоу-бой», остроумный и неотразимый задавака Сергей Шолохов. — «Пятое колесо» — это ле-

в столице задали вопрос: «Расскажите, как это вы так распустили свое телевидение?» Журналист сейчас в труднейшей ситуации. Разрешено все, что не запрещено, зон, закрытых для критики, нет. А опыта еще мало. И журналист уподобляется молодому жеребенку: он еще бегать не умеет, задние ноги обгоняют передние, и он падает. Поэтому не может быть партнерских отношений у прессы и партийного комитета. Партнерство хорошо в любви или в деле. А в партийном руководстве такого быть не может. Это наша газета. Наше телевидение. Не надо пытаться работать независимо от издателя.

Я тоже всегда жалуюсь, что журналисту трудно живется. Право слово, скачешь как дурак и все падаешь: бегать-то не умеем, ну никак не научимся. Зато издатель — молодец. Письмо Нины Андреевой появилось в марте,

Один мой хороший товарищ сказал по тому же поводу: «Мы, уроды, должны держаться друг друга». Нам, уродам, ничего другого не остается. И это такое счастье, когда мы друг друга находим. Когда мы друг друга находим, личное уродство, ино-родство каждого переходит в иное качество — РОДСТВО. Рождается уникальный в наших условиях коллектив: коллектив, который счастлив своей работой.

Сейчас говорят об авторском кино, авторской школе и как бы даже авторском сельском хозяйстве. «Пятое колесо» — авторское телевидение в том смысле, что вся рубрика, а не отдельные ее выпуски и сюжеты — это особая струя ярко окрашенного индивидуального творчества, пронизанного общим — замыслом? Стилем? Общей идеей? Биополем — вот!

В одной из передач ленинградский экстрасенс Мартынов очень убедитель-

бедь, рак и щука, где лебедь, конечно, я.

А щука? Уж не Белла ли Алексеевна?

Я все пыталась определить: в чем фокус? И не только в смысле метафизическом, но и строго оптическом: в какой точке сходятся лучи, где пересекаются все эти абсолютно, просто феерически разные люди? В какой момент эта разлюли-палитра выстраивается в гармоническую картину? Ведь дисциплины — ноль. Вкусы и пристрастия? От трюков Клары Фатовой до аскетической публицистики Натальи Беляевой, от эротического кино Сергея Шолохова до инвалидов Владислава Коновалова, от космизма Натальи Обленовой и Елены Плугатыревой до бюрократов Зои Михайловой... А как совместить Иру Михайлову, которая неизвестно зачем, даже без техники и без оператора лезет в кипящий котел Ферганской доли-

• Предвыборный марафон Беллы Курковой. Фото А. НИКОЛАЕВА.

• Загнанный «Пятым колесом» Юрий Петрович Любимов.

• Одна из «звезд» «Пятого колеса» — Сергей Шолохов.

ны, и Сергея Шолохова, который, организуя собственный кипящий котел перед камерой, трезво просчитывает свою популярность? Или Правдюк и Коновалов?

Виктор Правдюк,
заместитель главного редактора:

— Я люблю форму. Чистая политика — чепуха. Когда-то «Колесо» было явлением культуры. Сейчас — явление политики. Два с половиной часа пусть острых, злободневных, но разговоров. Моя тревога — формально-эстетического свойства. Есть такая разрешающая способность человеческого зрения. Космонавты рассказывают, что вдруг в какую-то долю секунды глаз видит из космоса дом, даже оконный переплет. Для этого нужно редчайшее сочетание воздушной массы, прозрачности, солнечных лучей, их отражения... Вот такая разрешающая способность бывает у телевидения: вдруг на пять минут оно становится искусством. Не знаю только, что нужно для этого. Но знаю, что утилитарность делает нас однодневками. Это тупик. Надо заниматься искусством, а не вести вечный спор: каждому дать по ложке каши или помочь как следует одному человеку.

Владислав Коновалов, редактор:

— Системы экспресс-анализа даже опросного характера не существует. Мы как в бездну кидаем свои материалы, и что дает положительный, что отрицательный результат — неизвестно. Мы занимаемся искусством. Это очень отягивает руки. Телевидение — средство массовой информации, у него задачи другие, оно должно помогать формировать общественное мнение. Нужно, чтобы все происходящие в обществе процессы находили на экране точное

отражение. Стал я заниматься проблемами нищих. 112 тысяч инвалидов. Десятки тысяч людей с пенсией 28—30 рублей. Множество блокадников. Нужно было во всей полноте показать эту картину, растревожить город, власти. Но мне надоело болтать, я пытался оказывать реальную помощь, насколько мне позволяли мои гонорары, — не пойдешь же к инвалиду с пустыми руками... Но моя помощь ничтожна. И я разработал экономическую модель, социальную программу, инфраструктуру фирмы «Человек», готовый взять на себя все заботы по обеспечению нищих и одиноких. Пришло время не кричать, а думать. И делать. Воздействовать на обстоятельства.

Такова траектория.

Не могу согласиться с Виктором Правдюком, что «Колесо» в тупике. Да, витки спирали сливаются в круг, если смотреть сверху. Но, прав он, из космоса можно иногда разглядеть оконный переплет. И я теперь знаю, что для этого нужно: редчайшее сочетание прагматизма и романтики, деловитости и разгильдяйства, знаний и интуиции, страсти, дипломатии и риска, честности и... честности.

Ну и гласность, конечно, гласность...

P. S. «Уважаемая редакция программы «Пятое колесо»! Всегда строю вашу передачу, оставляя все дела, если они есть в это позднее время. Спасибо! А сейчас убедительная просьба: сообщите, пожалуйста, не расчетного счета на приют для животных. Записать не успела при показе сюжета о бездомных, собранных в «Освенциме» на Лиговке. Смотреть в глаза собак невозможно без боли, во взгляде собак и кошек без реченности и тоска. Эх, человек...

С уважением Алла Константиновна Морозова».

ПРАВДОИСКАТЕЛЬ.

ИЛИ ТРИ СТРАНИЦЫ ИЗ ТРУДОВОЙ КНИЖКИ

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

*Чтобы жить честно, надо
рваться, путаться, биться,
ошибаться, начинать и бро-
сать, бросать и снова начинать,
и вечно бороться и лишаться.
А спокойствие — это душев-
ная подлость.*

Л. Н. Толстой

К трудовым книжкам мы относимся без прежнего пиетета. Это документ не из числа любимых: кому приятно маленькое досье на тебя самого? Жутковатый реликт сталинской эпохи, средство тотального контроля за трудящимися (равно как и паспорт с пропиской), и, по-моему, нигде в цивилизованном мире, кроме нашей страны, трудовых книжек не существует; но как документы своего времени они представляют определенный интерес.

Трудовая, со вкладышем, книжка Эдуарда Ильича Сугатова читается как остросюжетный роман. Есть в нем годы учения (Челябинск, Троицк) и годы странствий (Арктика, Антарктика), есть развитие действия и неожиданные, но внутренне закономерные повороты судьбы. А затем кульминация, взлет — и неожиданная концовка «уволен по собственному желанию»; случилось это в июле 1989-го, прервался тридцатилетний трудовой стаж, и возобновится ли — Бог весть.

Свободным фермером стал Сугатов. Я видел, как спрятал он трудовую книжку в самый дальний угол обширной «стенки», несколько странно выглядевшей в деревенском доме:

— Мне трудовая теперь ни к чему, я сам себе и начальство, и отдел кадров!..

Рыжеватый, широкоплечий бородач интеллигентного вида, похожий на художника с Арбата, стал первым советским фермером на юге Бессарабии, в Арцизском районе Одесской области. Тут, в междуречье Днестра и Дуная, исторические судьбы свели представителей более ста национальностей: русских и украинцев, болгар и молдаван, евреев и гагаузов, немцев и греков; в ходе их совместной деятельности сложился своеобразный интернациональный тип местного населения — люди здесь владеют, как правило, несколькими языками, хорошо знают песни, сказания, обычаи многих народов.

О трех страничках трудовой книжки Сугатова мне хочется рассказать; начну с конца.

СОВХОЗНАЯ СТРАНИЦА

«1982, IV — 1987, XII — главный инженер совхоза «Зоряный».

1987, XII — 1988, VII — инженер по эксплуатации ПММ (ремонтно-механических мастерских) совхоза «Зоряный».

1988, VII — 1989, VII — слесарь ПММ».

7 лет продержался Сугатов в совхозе, но у него, как у героя платоновского «Котлована», «без истины тело слабеет»: стал задумываться на работе... От-

кровенно говорил механизаторам, что совхозная форма хозяйства изжила себя.

— Мы прикованы к совхозу, как каторжник к ядру! Работая в городе, ты можешь перейти на другой завод, в другую организацию, в контору, на худой конец. Относительная свобода у тебя есть. Фокус же сельской жизни в том, что совхоз или колхоз — всегда монополист! Если с начальством не поладил, устроиться на работу вне совхоза практически невозможно. Работа же зависит от благосклонности директора совхоза или председателя колхоза...

— Н-да, директорская рука — владыка! — поддакивали механизаторы. Но в головах не укладывалось, что дело уже не в частных улучшениях: пора ломать всю систему, отучившую крестьянина хозяйничать.

Еще вчера Сугатов был главным инженером, правой рукой директора, а после конфликта с начальством стал рядовым слесарем в ремонтных мастерских совхоза. Методично, аккуратно приходил к восьми утра на работу, которой не было; прежние подчиненные бросались со всех ног: «Да вы отдыхайте, Эдуард Ильич, мы сами...»

Сугатов решил расшевелить застойное болото, именуемое совхозом «Зоряный» («Звездный»). С чего начать? Его порывы вязли в застойной тине, как сапоги в осенней грязи. Был у директора Иванова непробиваемый апломб человека, который худо-бедно одиннадцатый год руководит совхозом, знает все ходы-выходы, живет сам припеваючи и дает жить другим, гребет под себя, а там хоть трава не расти.

Каких успехов за время директорства Иванова добился совхоз, который в тресте называли «дном Бессарабии»? Итак, внимание:

— убытки: 1984—1985 гг. — 625 и 359 тысяч рублей соответственно; задолженность по краткосрочным ссудам: 1984 г. — 1 миллион 100 тысяч, 1985—1987 гг. — 800—900 тысяч, в прошлом году — 314 тысяч;

— наличных денег на счетах: 1984—1986 гг. — в кассе пусто, в прошлом году — 79 тысяч; наличие средств на капвложения: за последние два-три года никаких; наличие фонда на укрепление и развитие хозяйства: с 1984 года по нынешний в этой графе пусто;

— текучесть руководящих кадров: за последние 10 лет в совхозе сменилось 23 специалиста, в том числе 7 инженеров и 6 ветврачей.

Несомненно, некая часть вины за подобное ведение хозяйства ложится на бывшего главного инженера Сугатова, куда большая — на директора Иванова, но основная — на всю совхозную систему, которая выбила у людей интерес к труду, лишила предприимчивости, превратила в «винтики» плохо работающего механизма. Надо же, из года в год приносить одни убытки, жить на «безразмерной» дотации государства, которое нищает из-за таких совхозов!

Выход один — свободное фермерство. Тут нелишне напомнить, что в 1948 году из Измаильской области

было выселено 1157 «кулаков» с семьями, немецких колонистов. Сегодня они приезжают сюда туристами из ФРГ — тянут, тянут к себе родные места!.. Естественно, в голове у них не укладывается, как можно было довести до такого разора богатейшую эту землю? Щедро полита она и потом, и кровью...

«Баста!» — сказал себе Эдуард Ильич и 7 июля этого года окончательно уволился из совхоза. Он решил создать нечто невиданное в здешних краях — ассоциацию фермеров. Рванул за свой счет в Москву, в Агропромбанк. Его принял зампред. Просьба у бессарабского ходока — кредит на первое время; ориентировочная стоимость типовой индивидуальной свинофермы — 6680 рублей, а записалось в будущую ассоциацию пока семь совхозных семей.

— Если честно, сам не верил, что это возможно, — рассказывает Сугатов. — Только там, на приеме в этом просторном кабинете на Неглинке, почувствовал, что перестройка не пустой звук. Ко мне еще год назад отнеслись бы как к сумасшедшему, обратись я в банк с просьбой о ста тысячах на мелкие расходы...

Эдуард Ильич развернул перед зампредом смету будущей ассоциации «Ландрас» (это название высокопродуктивной породы свиней); зампред вспомнил, что до десяти лет, мальчишкой, ходил с матерью на свиноферму, и объяснял ему, что такое «ландрас», не понадобилось. Звонок в Киев, председателю правления Агропромбанка Украины, а оттуда — председателю правления одесского Агропромбанка М. И. Корнееву.

— Идем к Корнееву вместе! — предложил я.

Шли мы по Дерибасовской, дошли до песенного места («Как на Дерибасовской, угол Ришельевской...»), заказали пропуск. Вопрос: когда ассоциация фермеров получит кредит?

— Боже мой, сразу по представлении окончательной сметы! — с неподдельным энтузиазмом ответил Михаил Иванович Корнеев. — Ассоциация — это прекрасно!

Таким банкирам, как Корнеев, ясно, что свиноводство в Бессарабии — быстрый путь завалить миллионную Одессу мясом, сбить цены на Привозе. Лишний раз прижать перекупщика: ведь фермеры будут торговать сами. У Сугатова такие предварительные расчеты: каждая фермерская семья берет у заготконторы по 12 свиноматок (получая по рублю в день за каждую свиноматку) и обязуется сдать не менее семи поросят от каждого опороса (по рублю за килограмм живого веса); остальные поросята — а порода «ландрас» дает до 15—16 поросят за один опорос — остаются фермеру, и он реализует мясо на рынке.

К идее ассоциации фермеров Сугатов пришел еще весной, во время 22-дневной голодовки, которую он объявил, требуя внеочередного совхозного собрания. Автор очерка «Отчуждение»

в районной газете, местная журналистка, так расписывала этот неординарный поступок:

«Да правда ли, что кто-то в нашем районе объявил голодовку?» — спрашивают читатели, не веря этим слухам.

Правда. Истая правда. И этот кто-то — Эдуард Ильич Сугатов, в не столь давнем прошлом главный инженер совхоза «Зоряный», председательствует в котором одиннадцатый год Георгий Иванович Иванов.

Местные, вишняковские то есть, подшучивали над столь оригинальной формой протеста и выражения своих претензий: мол, в пост как раз пришлась голодовка — на пользу, значит. А были, что и откровенно сомневались: а кто, мол, видел, ест он или не ест? И тем не менее между днем официально объявленной голодовки — 15 марта и днем проведения общего собрания «Зоряного» — 7 апреля лежит отрезок в 22 дня, и он отчетливо отпечатался на лице Сугатова.

Впрочем, на собрание, затянувшееся на добрых четыре часа, он пришел сам, никто «под белые руки» не вел, сознания тоже не терял; более того, его вполне хватило на то, чтобы выступить с трибуны при полном уме и способности суждения:

— В январе на свиноферме отключили генератор. Погибло триста с лишним голов молодняка, корзинами выносили. Почему в такой ситуации не раздать животных по дворам? Спасли бы весь молодняк!

Тут директор аж взвился: — Это ж государственные поросята, а не личные! Раздашь — потом не соберешь!.. Если Сугатов не работал, а голодал, то пусть предъявит... больничный лист! Жуть какая, мы три часа просидели из-за него, сколько можно было продукции произвести!..

И тут на трибуну поднялся участковый милиционер, сообщил: снова украли свинью, двух бычков, велосипед... И еще что-то. На том и разошлись.

Наблюдения показывают: в совхозе привыкли воровать помаленьку, по принципу «живи и давай жить другим», отмалчиваться на собраниях, — и ничем, кроме аграрной революции, это болото не расшевелишь.

Еще вопрос: а откуда возникла у Сугатова сама идея голодовки? «Северный» опыт помог?.. Ведь прежде чем стать фермером, он был авиатехником полярной авиации, его статья в «Комсомолке» так и была подписана: «Э. Сугатов, авиатехник полярной авиации».

ВОРКУТИНСКАЯ СТРАНИЦА

«1975, IX — 1976, IX — слесарь Воркутинского автотранспортного предприятия.

1976, IX — 1978, III — шофер Воркутинского домостроительного комбината.

1978, III — 1980, I — заведующий курсами ВДОАМ.

1980, I — 1980, VIII — инженер Воркутинского автоэкспертного бюро».

Еще что, при чем тут полярная авиация?

В общем, догадаться нетрудно, в Воркуте Сугатов был не по своей воле. Хорошо еще, что просто в ссылку. Уехал в Воркуту под конвоем. Добродушный конвоир объяснил, что Воркута по-ненецки «Медвежье логово».

Тут есть одна тонкость. Ему назначили наказание в виде ссылки на пять лет. Есть и примечание к приговору: «В срок ссылки Сугатову Э. И. зачесть время предварительного заключения с 29 января 1975 г. по день доставления его к месту ссылки из расчета: один день предварительного заключения за три дня ссылки». В Лефортовской тюрьме он провел четыре месяца. Уважили, зачли как первый год ссылки.

Диссидентом, самым что ни на есть рядовым диссидентом был Эдуард Сугатов.

Юная Альбина Будаева, его сослуживица и свидетельница по его делу, неожиданно бросила Москву, сдала Моссовету свою однокомнатную и тоже явилась жить за Полярный круг, в Медвежье логово (а логово и впрямь было медвежьим: временка, отстроенная — вплоть до ванны с туалетом! — золотыми руками полярника). Сынишку от первого брака с собой привезла...

Воркута обвенчала Альбину и Эдуарда.

Однако с работой тут было похуже, чем в Москве, ибо кадровик не преминул записать в его трудовой книжке:

«Исключен из списков личного состава. Считать уволенным по статье 29 КЗоТ РСФСР в связи с осуждением его Мосгорсудом».

Поди объясни непосвященным, что «осуждение» это не связано с лишением свободы — всего лишь ссылка инакомыслящего! Юристы, подскажите: куда, на какую работу может устроиться человек с такой записью в трудовой книжке? Разве что «потерять» ее. А там хлопот не оберешься...

Заставила жизнь стать учеником слесаря; к августу 1980-го, через 5 лет, уже работал инженером автоэкспертного бюро. Юридические консультации давал пострадавшим: эксперт высшей квалификации, он определял степень повреждения автомашин после дорожно-транспортных происшествий. Уважали многие. Ну что ж, работа как работа, если б не проклятая необходимость отмечаться каждый месяц в «органах» и вести душещипательные беседы с подполковником КГБ.

Но перемены настали и здесь: вместо подполковника, уехавшего из Воркуты, «пасти» ссыльнопоселенца стал майор КГБ Виктор Семенович Момот.

(Как тесен мир! Ведь я тоже знаком с Момотом — встретились в Тынде, столице БАМа, в январе 1986-го, проговорили всю ночь...)

— Он в Воркуте был для нас с Альбиной единственным другом семьи. Теперь переписываемся... — говорит Эдуард. — Ему я обязан многим; первое, что он сказал мне при знакомстве: «Я изучил ваше дело, вы ни в чем не виноваты. Будем друзьями». Он действительно стал другом, несмотря на всю мою вполне понятную настороженность.

Одно из писем Момота, давно уволившегося из КГБ, приведу здесь с разрешения отправителя и получателя. Написано в Тынде 1 мая 1988 года:

«Здравствуйте, дорогие Эдуард Ильич и Альбина! Сердечно благодарен вам за поздравления по случаю моего личного юбилея...

Теперь о затронутых вами проблемах. Нравственный стержень любого человека **совесть** — т. е. способность различать добро и зло в своих поступках и с этой позиции оценивать себя и свое поведение. Среди школьников БАМа (я часто выступаю в школах) не нашлось ни одного, кто мог бы своими словами объяснить, что такое совесть. Бюрократизм, коммунанство, корпоративная мораль, дефицит гражданской совести (отсюда у многих отсутствие понятия долга, чести), торговый дефицит, поро-

дивший потребительскую психологию, — все эти негативные явления сделали свое черное дело за последние десятилетия... Перестройка действительно процесс революционный, но это — долговременная политика. И, если хотите, повсюду борьба — никто добровольно не уступит своих благ.

Теперь о Вашей партийной принадлежности. Вспомните, еще в Воркуте горком партии готов был решить этот вопрос в Вашу пользу. Почему Вы в свое время не обратились по этому поводу в адрес съезда? Многих восстановили. Что касается лично моего мнения, то, несмотря на Ваше прошлое, зная Вас, я не вижу препятствий для восстановления Вас в партии. Можете написать по этому поводу в журнал «Огонек», который печатает письма по всем проблемам перестройки, — и сами убедитесь в реакции на Ваше письмо.

И, пожалуйста, не огорчайтесь отуждению от Вас тех лиц, которые не хотят бросить пить, считают Вас «белой вороной»... Я ведь тоже «идеалист, романтик» — разумеется, в житейском, а не в философском смысле, а иногда выгляжу так же, как и Вы, «белой вороной», тем более за всю жизнь в рот не брал спиртного. Потом, Эдуард Ильич, у Вас и у окружающих разные притязания и ценностные ориентации. У Вас, насколько я Вас изучил, больше признаков родовых, а у большинства — наличие только видовых признаков человечества. С этой позиции Вы ближе к цели, чем остальные.

С уважением — В. С.

Привет Альбине».

МОСКОВСКАЯ СТРАНИЦА

«1966, VIII — 1968, IX — авиатехник Шереметьевского авиаотряда.

1968, IX — 1969, VI — откомандирован в 14-ю Антарктическую экспедицию.

1969, VI — 1973, X — авиатехник Мячковского авиаотряда.

1973, X — 1974, VI — откомандирован в 19-ю Антарктическую экспедицию.

1974, VI — 1975, V — авиатехник Мячковского авиаотряда».

Остается рассказать, за что же осудили авиатехника Сугатова.

Сугатов, полярник с острова Врангеля, был переведен в Шереметьево в благословенном августе 1966-го; он мечтал об Антарктике.

— Едва прилетел в Москву, — рассказывает он, — почувствовал по множеству признаков «что-то непонятное в воздухе»... Изменилась сама атмосфера: вместо новых идей эпохи оттепели, рождавшихся чуть ли не каждый месяц, — стремление к стабильности, боязнь перемен. Синявского и Даниэля клеймят, а остальная литература словно воды в рот набрала... Словом, оттого, может, и не пошел я на факультет журналистики, — объясняет Сугатов, — что уже тогда понял: журналист пишет не то, что он хочет, а то, что от него хотят.

...Оставалась юношеская мечта об Антарктике. Разрыв между идеей фикс и реальностью постепенно сокращался: он был на виду, бородатый крепкошпорный полярник с идеальной анкетой; женился на москвичке, стал отцом двух дочек, получил квартиру на Нагатинской набережной, и вот наконец участие в двух антарктических экспедициях — 14-й и 19-й; после первой из них вступил в партию.

Да, если мерить общепринятыми мерками, то к 28 годам он добился всего, о чем мечтал.

А в душе ощущал себя «белой вороной». Не только потому, что был трезвенником. Убежденным трезвенником среди людей, привыкших к полярному спирту... Жизнь на острове Врангеля приучила его к углубленному самообразованию. И наивный максимализм сменился с годами осозанным поиском правды, чтением самиздата, ходившего по Москве.

Юность его поколения совпала с XX съездом партии. Разве забудется, что 1956-й был не только годом XX съезда, но и годом первой советской антарктической экспедиции? Удивительное время, когда вся страна, казалось, сорвалась с насиженных мест и ринулась в дальние края. Кто на целину, кто на Север, а кто еще дальше. Однажды дизель-электроход «Васи-

лий Федосеев» зашел в Мельбурн. На обратном пути из Антарктики чисто случайно Эдуард познакомился в кафе с молодым русским эмигрантом Мишей. «Авиатехник», — представился один. «Работаю в редакции», — сказал другой. Миша учил в авиатехнике правоискусств и пригласил в редакцию русской эмигрантской газеты «Единение». Увидеть редакцию всегда интересно, тем более человеку, который сам печатался. Сугатов принял приглашение. На прощание Миша распахнул дверь редакционного склада, набитого книгами и журналами: «Этого добра у нас хватает — бери, сколько унесешь!» Набил авиатехник сумку полусотней книг и журналов. А. Сахаров, В. Турчин, Р. Медведев — «...По вопросу, имеющему большое значение» (письма в ЦК КПСС, в которых выдвигалась идея преобразования). В. Гроссман — «Все течет», Ж. и Р. Медведи — «Кто сумасшедший?». Увесистый сборник статей под названием «Ко всем людям доброй воли». Ну и другие книги.

— Естественно, я понимал, на что иду. Щедрость Миши была искренней, он честно предупредил, что меня могут ждать неприятности, если книги обнаружат. Еще у трапа мог засечь вахтенный... Но мне доверяли. Все пронес, сумку спрятал в своем вертолете Ми-8; гляжу, в Шереметьево все на месте!

— Объясните, зачем вы все это сделали?

Сугатов — убежденно:

— Никакой задней мысли не было! Литература — дело святое. Если у меня голова на плечах, сам разберусь, где ложь, где правда. Знаете, просто хотелось прочесть самому, докопаться до истины. Узнать то, что скрывают.

— Ну а что дальше?

— А дальше — над Гроссманом плакал; помните, эти главы о голоде на Украине, о любви пятидесятилетнего мужика и Ганны, родившей ему сына Гришу, о том, как весною уполномоченный увидел в хате три трупа: «Тут двое и малэ»... Скрывать такую книгу от друзей, от близких было выше моих сил. Выше!

...У него щемило сердце от боли, а в собственной семье взаимопонима-

Альбина и Эдуард Сугатовы с будущей фермершей.

ния не было, жена самиздатом не интересовалась. Добрая знакомая, та самая милая сослуживица Альбина Будаева в отличие от нее разделяла многие взгляды Эдуарда, «Все течет» прочла залпом. И тоже была потрясена. Товарищи по работе тоже прочитали кое-что из библиотеки Сугатова.

Книги Сугатов давал и некоему В. В., которого и поныне считает доносчиком.

А затем литературно-политические разговоры оборвались; это случилось 29 января 1975 года, сразу после того, как В. В. назначил Сугатову встречу в ресторане (хоть и знал, что имеет дело с абсолютно непьющим человеком).

Фунт лиха — почему он в эпоху роста цен?

Отвезли Сугатова в тот же день в Лефортовскую тюрьму, возбудили дело по статье 70 УК РСФСР (ныне отмененной).

Теперь у меня перед глазами два текста — обвинительное заключение и приговор, причем приговор дословно, без малейших отклонений, повторяет все формулировки обвинительного заключения. Это-то понятно: зачем судье мучиться над текстом, выдумывать свое, когда следователь КГБ все изложил достаточно «грамотно»? Ему, следователю, и представим слово:

«Предварительным следствием установлено, что под влиянием прослушивания передач зарубежных антисоветских радиостанций Сугатов встал на преступный путь и на протяжении 1974—1975 годов с целью ослабления Советской власти систематически распространял среди сослуживцев и других лиц изданные за границей антисоветские произведения, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, и призывы к свержению в СССР Советской власти; в тех же целях хранил литературу такого же содержания у себя на квартире... Антисоветскую литературу Сугатов в мае 1974 года незаконно, оборудовав тайник в грузовой кабине вертолета Ми-8, ввез в СССР и, осуществляя свой преступный замысел по проведению идеологической обработки советских граждан, систематически распространял ее среди сослуживцев и знакомых, составив при этом список лиц, которых знал с данной литературой, хранил эту литературу, чтобы иметь возможность в любое время использовать в своей преступной деятельности (т. 1, л. д. 87—93, 98—100, 192—201). Так, летом 1974 года Сугатов в Москве познакомил Александрова О. С. и Будаеву А. И. с антисоветским романом В. Гроссмана «Все течет». Летом 1974 года Сугатов в Москве познакомил Будаеву, в ноябре — Розенблиту В. А. и в декабре того же года Фабричнову с книгой Жореса и Роя Медведевых «Кто сумасшедший?», в которой высказывается клевета на советскую действительность и социалистическое правосудие...»¹

Затем цитирую приговор дальше. «Сугатов подтвердил, что он из привезенной им антисоветской литературы давал книги, брошюры, журналы для прочтения (следует 6 фамилий. — Э. И.), при этом предупреждая их, чтобы они при чтении этой литературы проявляли осторожность, никому ее не передавали... Свидетели также показали, что, передавая им эту литературу, Сугатов предупреждал их, чтобы они были осторожны, никому не передавали, ни с кем не делились бы впечатлениями о прочитанном.

Сугатов ранее судим не был, занимался общественно полезным трудом, у него двое маленьких детей — семи и восьми лет. Поведение Сугатова на следствии, его показания способствовали всестороннему, полному и объек-

тивному расследованию дела...

Сугатова Эдуарда Ильича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 70 ч. 1 УК РСФСР, и назначить ему наказание в виде ссылки на 5 (пять) лет».

И все эти документы — законные по форме и незаконные по сути — скрепили своими подписями старший следователь КГБ Каталиков, начальник следственного отдела УКГБ Коньков, начальник управления КГБ по городу Москве и Московской области Алидин, прокурор города Москвы п/л Емельянов (что такое «п/л» — остается юридической загадкой), судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе председателяствующего Богданова, народных заседателей Некрасова и Ганюшкина при секретаре Кутской, с участием прокурора Фунтова и адвоката Бобровой.

Ныне видно, что уголовное дело № 421 шито белыми нитками. «Уроженец г. Ростова-на-Дону, русский, гражданин СССР, член КПСС с 1969 г., исключенный из членов КПСС в связи с настоящим делом...» — говорится в преамбуле. Между прочим, даже слово «исключенный» неточно, правильнее — «отлученный»; исключить коммуниста из партии, согласно Уставу, могут лишь в его присутствии.

Многие часы Сугатов доказывал следователю, что он, Сугатов, не против Советской власти, а против алкогольной политики Брежнева, но тут следователь Каталиков замахал руками: «Нет, нет, только не впутывайте сюда ничего лишнего!» Он явно не хотел осложнять дело посторонними мотивами. Каталиков настаивал лишь на одном — на публичном покаянии, желательном по телевидению. Иначе, мол, прокурор Фунтов потребует наказать на всю катушку (прокурор действительно потребовал семилетнего заключения).

Разумеется, авиатехнику не в чем было каяться, он не считал чтение преступления. Последнее слово подсудимого звучало так: «Я признаю свою вину перед нынешним правительством, но моя совесть чиста, в моих мыслях нет ничего против народа и Советской власти».

Уже в нынешнее, «перестроечное», время Сугатов направил заявление прокурору города Москвы. Он возвращается в нем к событиям 14-летней давности:

«...Всю свою сознательную жизнь я жил, как до суда, так и после, в соответствии с ленинскими и партийными нормами, никогда не отступая ни в большом, ни в малом... Если в моем деле и есть клеветнические измышления, то это те, из которых состоит обвинительное заключение и один к одному из него переписанный приговор. В то время я утверждал и заявлял об этом следователю Каталикову В. В., что Брежнев и его клика сделали пьянство национальным бедствием, разворачивают страну, деморализуют общество... Следователь Каталиков В. В. требовал от меня одного: «Напишите, что вы ошибались, заблуждались, и я отпущу вас на все четыре стороны. В худшем случае получите небольшой срок условно». Я отказался, заявив, что у меня растут дети и мне потом стыдно будет смотреть им в глаза.

Торг не состоялся, и я заплатил за это сломанной жизнью, семьей, профессией и т. д., не считая самой ссылки, суда, лишения партийного билета.

Статьи 70 в УК РСФСР уже нет, а в моей жизни она еще живет и постоянно о себе напоминает. Прошу рассмотреть вопрос о моей реабилитации.

29 мая 1989 г.»

Ровно через месяц новый прокурор города Москвы Геннадий Семенович Пономарев ответил:

«Прокуратурой города Москвы проведена проверка по Вашему заявлению относительно обоснованности привлечения Вас к уголовной ответственности по части 1 статьи 70 УК РСФСР в 1975 году.

Как видно из материалов дела,

в 1975 году Вы были осуждены обоснованно, и мера наказания, назначенная Московским городским судом, соответствует степени тяжести содеянного.

Ваша вина в инкриминируемых деяниях подтверждена показаниями свидетелей, вещественными доказательствами, заключениями экспертов и другими материалами, в связи с чем оснований для внесения протеста на приговор суда не имеется.

Данное решение Вы можете обжаловать в Прокуратуре РСФСР».

И обжаловать, конечно, следует, что Сугатов и сделал немедленно, но в Прокуратуре РСФСР ныне работает тот же самый «п/л» Емельянов, который 14 лет назад работал в прокуратуре города Москвы и осудил Сугатова. Московский прокурор за эти годы сделал карьеру и поднялся на ступеньку выше. Так будет ли он осуждать сам себя за неправедный суд? И на все у юристов один ответ: «Закон обратной силы не имеет», — отмена статьи 70 не означает автоматического пересмотра всех дел по этой статье.

Воркута по-ненецки «Медвежье логово». Авиатехник уехал туда под конвоем — и за чтение Гроссмана, за поиски правды заплатил «сломанной жизнью, семьей, профессией»; первая жена, мать его дочерей, поспешила с ним развестись. Развод оформили без промедления. Потрепаный Ми-8 остался без хозяина, с авиацией пришлось проститься.

Так вот и отрубил Эдуард свою пятилетку в Медвежьем логове. Уехать мог в мае 1979-го, да не вышло: предолжались строгости... Дождаться пришлось августа 1980-го.

...Уже в Москве я разыскал в подшивке «Комсомолки» первую — и единственную в жизни! — публикацию Э. Сугатова (в номере за 5 августа 1965 года); начиналась она с ноты разочарования в том, что по всему необъятному простору Арктики советский человек внес в «дикую красоту» свои поправки, захватил ее ржавыми бочками. Бросились ему в глаза на Севере два вида дилетантов: романтики «белой экзотики» и рационалисты, считавшие, что Север — это край, где «манна с неба сыплется», где деньги лопатой загребать.

«Хочу завербоваться на два года на Север и заработать на «Волгу»... Стоит ехать или нет?» — спросил меня в письме один знакомый из города Арциза Одесской области.

И сегодня, через 24 года, не заработал Сугатов на «Волгу»: у правдоискателей денег не бывает.

Кредит в 100 тысяч рублей, который предоставляет ассоциации фермеров Одесское отделение Агропромбанка, впрочем, открывает некоторые возможности...

Эдуард Ильич считает, что собственная «Волга» — это хорошо, но сейчас нужнее свиноферма.

«Жизнь и судьбу» Гроссмана он еще не прочел. «Октябрь» с повестью «Все течет» на его письменном столе раскрыт на строках о свободе:

«Я раньше думал, что свобода — это свобода слова, печати, совести. Но свобода, она вся жизнь всех людей — она вот: имеешь право сеять, что хочешь, шить ботинки, пальто, печь хлеб, который посеял, хочешь продавай его и не продавай, и слесарь, и сталевар, и художник, живи, работай, как хочешь, а не как велит тебе».

Только вот за осознание этой истины так дорого заплачено.

О ТОМ, ЧЕГО НЕТ В ТРУДОВОЙ КНИЖКЕ

Когда-то в детстве, в селе Теплица под Арцизом, он откопал в сарае железную банку с документами. А было это еще при жизни Сталина... Тронув лопатой грунт в углу сарая, он наткнулся на что-то металлическое. «Наверно, мать упряталась». Он увидел пожелтевшие, расплывшиеся на сгибах бумаги,

из которых явствовало, что мама — не Лидия Андреевна Сугатова, а Фрида Генриховна Гофман, а он сам — не Эдуард Ильич Сугатов, а Эдуард Альфредович Гофман, родился не в Ростове-на-Дону, как записано в метрике, а в селе Быстрый Исток Алтайского края.

Какие-то смутные воспоминания о тайге донесли из младенчества. Всего сильнее поразило, что он не русский, а немец, если верить этим спрятанным документам; кем-кем, а немцем он не ощущал себя никогда!

И узнал Эдуард от матери по секрету, что она родом из села Блюмштейн («Каменный цветок») под Мелитополем. Мама рассказывала, что в 1930 году семью раскулачили и со станции Светлодолинская в телячьем вагоне отправили в Нарым. А в семье было восемь детей. Только двоим удалось вернуться в Ростов-на-Дону. «Эдик, я ведь перед войной поступила в Ростовский пединститут иностранных языков и там встретила Альфреда, твоего настоящего отца... Отец твой был учителем, он погиб в 21 год, а дед по отцу, Вильгельм Гофман, имел звание «народный учитель»... Перед войной, в 40-м, мы с Альфредом по распределению уехали на Алтай».

«Сороковые, роковые» исковеркали судьбы советских немцев. Людей с начала войны стали загонять в «трудармии». Его отец Альфред Вильгельмович Гофман погиб на лесоповале осенью 41-го, где-то на Урале, в Молотовской области. «Шли письма до самого Нового года — из какой-то Лобанихи...»

Отцом четырехлетнему Эдику стал после войны молчаливый фронтовик Илья Гаврилович Сугатов: он умел хранить тайны.

В Быстром Истоке нашлась сердобольная паспортистка Валя. Она безвозмездно, по доброте душевной, выправила матери подложные документы, чтобы смыть с нее перед отъездом с Алтая пятно «жены врага народа», и Фрида Генриховна превратилась в Лидию Андреевну.

Рисковали обе, конечно... И живо вспоминали, как уже здесь, в Бессарабии, худенькая мама пряталась в гардероб, заведя шедших по селу милиционеров (в приграничной зоне часто проверяли документы). Лишний раз рисковать не хотелось. Огорченно разводя руками, Илья Гаврилович объяснял милиции, что жена уехала по делам: милиционеры, потоптавшись, уходили.

Надо же, все так и осталось семейной тайной! Наверно, поэтому, став взрослым, Эдуард понял, что до правды всегда надо «докапываться». Ее никто на блюде не выложит. (Может, и тяга к самиздату отсюда?)

Еще в Лефортовской тюрьме Эдуард решил открыть следователю Каталикову всю правду. Реакция следователя была точно та же, что при словах подследственного о пьянстве как национальном бедствии России. Он замахал руками: «Зачем мне ваши семейные тайны?!» Сугатов остался Сугатовым, а не Гофманом, русским, а не немцем, уроженцем Ростова-на-Дону, а не Быстрого Истока на Алтае...

Сугатов остался самим собой во всех передерягах, а это важнее.

Теперь он увлеченно читает «Март Семнадцатого» Александра Солженицына. И обратил мое внимание на слова бессарабского помещика в Государственной думе, сказанные за восемь дней до начала февральской революции:

«Хотел бы я видеть, как может центральное ведомство заставить многомиллионное крестьянство собрать хлеб, если крестьянство убеждено, что хлеб от него берут недобросовестно, не по той цене, по которой этот хлеб крестьянину стоит».

Жизнь и сегодня ставит те же вопросы, что в год революции. У нас теперь опыта больше. Революционеры Сугатову 48 лет, самые результативные годы жизни еще впереди.

Вишняки, Одесская область

¹ Можно добавить, что повесть — не роман! — Василия Гроссмана «Все течет» опубликована недавно в журнале «Октябрь», а «Кто сумасшедший?» братьев Медведевых — в журнале «Искусство кино».

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СВИДЕТЕЛИ
ОБВИНЕНИЯ

Александр ОРЛОВ

Узнав о сообщениях датских газет об отсутствии в Копенгагене гостиницы «Бристоль», Сталин пришел в бешенство: «На кой черт вам сдалась эта гостиница! Сказали бы, что они встретились на вокзале. Вокзалы всегда стоят на месте!»

Сталин приказал Ягоде произвести детальное расследование и доложить ему фамилии сотрудников НКВД, виновных в такой дискредитации всего судебного процесса. В надежде как-то выправить положение Ягода сразу же отрядил в Копенгаген опытного сотрудника Иностранного управления НКВД, чтобы тот посмотрел на месте, что можно сделать для ликвидации промаха или хотя бы смягчения столь скандального эпизода. Сотрудник вернулся ни с чем. Множество людей, причастных к этому делу, недоумевало: как вообще могло случиться, что НКВД выбрало для столь серьезного дела несуществующий «Бристоль». Ведь в Копенгагене имеется бесчисленное множество реально существующих гостиниц, — казалось бы, есть из чего выбирать! Специальное расследование, проведенное по требованию Сталина, выявило следующее.

Когда Гольцман, не выдержав инквизиторского нажима следователей, согласился наконец подписывать все, что ему будет предъявлено, организаторам процесса потребовалось выбрать место мнимых встреч Гольцмана с Седовым, такое место, чтобы оттуда легко было попасть на квартиру Троцкого.

Ежов решил, что наиболее подходящим местом является гостиница. Название соответствующей копенгагенской гостиницы следовало получить от так называемого Первого управления Наркоминдела, собиравшего информацию обо всех зарубежных странах. Однако начальник Секретного политического управления НКВД Молчанов, обеспечивавший «техническую сторону» подготовки судебного процесса, счел неосторожным прямо обращаться в Наркоминдел за названием гостиницы в Копенгагене. Он знал, что это название вскоре будет фигурировать на открытом процессе и сотрудники Наркоминдела смогут сообразить, что к чему. Но Молчанов перемудрил. Он приказал своему секретарю позвонить в Первое управление Наркоминдела и попросить рекомендовать несколько гостиниц в Осло и Копенгагене — якобы для размещения группы видных сотрудников НКВД, направляемых в скандинавские страны.

Молчановский секретарь так и сделал. Но, перепечатав полученный список гостиниц для своего шефа, он перепутал, какие из названных гостиниц находятся в Осло, а какие в Копенгагене. Так возникла ошибка, сыгравшая столь роковую роль на судебном процессе. Молчанов, как на грех, остановился на названии «Бристоль», действительно для Осло, но не существующем в Копенгагене.

Откуда же было знать об этом Гольцману, подписавшему свое признание о связях с Троцким?

ЗИНОВЬЕВ И КАМЕНЕВ: КРЕМЛЕВСКАЯ СДЕЛКА

Из всех арестованных членов партии, отобранных Сталиным для открытого процесса, наибольшее значение он придавал Зиновьеву и Каменеву. С этими двумя ближайшими соратниками Ленина, способными объединить вокруг себя партийные массы, Сталин вновь сводил свои старые счеты, и на сей раз уже окончательно.

«Обработка» Зиновьева и Каменева была поручена тем сотрудникам НКВД, которых он знал лично: Агранову, Молчанову и Миронову.

Я уже представил Миронова читателю в связи с делом Кирова. Теперь настало время рассказать о нем подробнее. Миронов отвечал за многие важнейшие дела, проходившие через Экономическое управление НКВД, и Ягода, выезжая в Кремль для доклада Сталину, нередко брал с собой и Миронова. Среди следственных дел, которые Миронов вел под личным руководством Сталина, было знаменитое «дело Промпартии» и дело английских инженеров из

фирмы «Метро-Виккерс» — оба эти дела относились к самому началу 30-х годов и произвели немалую сенсацию.

Сталин быстро оценил выдающиеся способности Миронова и начал поручать ему специальные задания, о выполнении которых Миронов отчитывался лично перед ним. На этом он быстро сделал карьеру. В 1934 году по предложению Сталина его назначили начальником Экономического управления НКВД, а еще через год — заместителем Ягоды. Отныне он возглавлял Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В его ведении была вся оперативная работа НКВД. Одно время среди сотрудников НКВД циркулировал слух, будто Сталин предполагает сместить Ягоду и назначить Миронова на его место, но люди, достаточно хорошо информированные, этому не верили. Они знали, что в качестве руководителя НКВД Сталин нуждается в человеке с макиавеллиевым складом ума, который был бы в первую очередь специалистом по части политических интриг. Именно таким был Ягода в отличие от дельного экономиста и контрразведчика Миронова.

Одним из достоинств Миронова была его феноменальная память, в этом отношении Ягоде было до него далеко. Именно поэтому Ягода привык брать Миронова с собой к Сталину даже в тех случаях, когда доклад не относился непосредственно к компетенции Миронова. Важно было запоминать, не пропуская ничего, мельчайшие детали сталинских инструкций и наставлений. После возвращения из Кремля Миронов, как правило, сразу же усаживался за стол и во всех подробностях записывал для Ягоды каждое из сталинских замечаний, притом теми же словами, какими оперировал Сталин. Это было особенно важно для Ягоды в тех случаях, когда Сталин наставлял его, какую псевдомарксистскую терминологию он должен использовать, обращаясь в Политбюро с тем, чтобы оно вынесло именно те решения, которые тайно отвечали намерениям Сталина. Подобные наставления Ягода получал всякий раз, когда Сталин начинал подкапываться под того или иного члена Политбюро либо ЦК для того, чтобы избавиться от него.

Миронов достиг высокого положения. Он обладал властью и пользовался немалым авторитетом. Но это не принесло ему счастья. Дело в том, что от природы он был очень деликатным и совестливым человеком. Его угнетала та роль, какую он вынужден был играть в гонениях на старых большевиков. Чтобы устраниваться от этих неприятных обязанностей, Миронов одно время пытался получить назначение на разведывательную работу за рубежом. Позже он сделал попытку перевестись в Народный комиссариат внешней торговли, на должность заместителя наркома, но когда дело дошло до утверждения этого перевода в ЦК, Сталин запретил Миронову даже думать об этом.

Пессимизм и разочарование в жизни, отличавшие теперь Миронова, все более сказывались на его семейной жизни. Его очень хорошенькая жена Надя, которую он любил без памяти, вечно пребывала в состоянии восторженного увлечения кем-то на стороне: его семейная жизнь рушилась.

Однажды ночью — дело было весной 1936 года — Миронов позвонил мне и спросил, не могу ли я зайти в его кабинет. Он собирался сообщить мне нечто «чрезвычайно интересное». Я пошел.

— У меня только что состоялся разговор с Каменевым, — без всяких предисловий начал Миронов. Он был бледен и выглядел возбужденным. — Вызывая Каменева из внутренней тюрьмы, я составил в уме определенный план: как я познакомлю его с обвинениями, выдвигаемыми против него, и что я ему вообще должен говорить. Но когда я услышал топот сапог охранника и шум в приемной, я так разнервничался, что думал только об одном: как бы не выдать своего волнения.

Дверь открылась, и вошел Каменев в сопровождении охранника. Не глядя на него, я расписался на сопроводительной бумажке и отпустил охранника. Каменев стоял здесь, посередине кабинета и выгля-

дел совсем старым и изможденным. Я указал ему на стул, он сел и вопросительно взглянул на меня. Честно сказать, я был смущен. Как-никак все же это Каменев! Его речи я слушал когда-то с таким благоговением! Залы, где он выступал, дрожали от аплодисментов. Ленин сидел в президиуме и тоже аплодировал. Мне было так странно, что этот сидящий тут заключенный — тот же самый Каменев и я имел полную власть над ним...

— Ну что там опять? — внезапно спросил Каменев.

— Против вас, товарищ Каменев... гражданин Каменев, — поправился я, — имеются показания, сделанные рядом арестованных оппозиционеров. Они показывают, что начиная с 1932 года вы совместно с ними готовили террористические акты в отношении товарища Сталина и других членов Политбюро и что вы и Зиновьев подослали убийцу к Кирову.

— Это ложь, и вам известно, что это ложь! — резко возразил Каменев.

Я открыл папку и прочел ему некоторые из показаний Рейнгольда и еще нескольких арестованных. — Скажите мне, Миронов, вы, несомненно, учили историю партии и знаете отношение большевиков к индивидуальному террору. Вы действительно верите этой чепухе?

Я ответил, что в моем распоряжении имеются свидетельские показания и мое дело — выяснить, правду ли показывают свидетели.

— Прошу вас только об одном, — сказал Каменев. — Я требую, чтобы меня свели лицом к лицу с Рейнгольдом и со всеми теми, кто меня оклеветал. Каменев объяснил, что с осени 1932 года он и Зиновьев почти все время находились в тюрьме или ссылке, а в те недолгие промежутки, что они провели на свободе, за ними постоянно следили агенты НКВД. Секретное политическое управление НКВД даже поселило своего сотрудника в каменевской квартире — под видом телохранителя, и этот сотрудник рылся в его письменном столе и следил, кто его навещает.

— Я спрашиваю вас, — повторил Каменев, — как при таких условиях я мог готовить террористические акты?

Насчет утверждений Рейнгольда, будто он несколько раз присутствовал в квартире Каменева на тайных совещаниях, Каменев предложил мне посмотреть дневник наружных наблюдений НКВД, куда, несомненно, заносились результаты надзора за его квартирой, и лично убедиться, что Рейнгольд никогда не переступал ее порога.

— А вы что скажете на все это? — спросил я Миронова, выслушав его рассказ.

— Что я могу сказать! — ответил Миронов, пожимая плечами. — Я прямо заявил ему, что мои функции как следователя в данном частном случае ограничены, потому что Политбюро полностью уверено в правдивости показаний, направленных против него. Каменев рассердился и заявил мне:

— Можете передать Ягоде, что я никогда больше не приму участия в судебном фарсе, какой он устроил надо мной и Зиновьевым в прошлом году. Передайте Ягоде, что на этот раз ему придется доказывать мою виновность и что ни в какие сделки с ним я больше не вступаю. Я требую, чтобы на суд вызвали Медведя и других сотрудников ленинградского НКВД, и сам задам им вопросы насчет убийства Кирова!

На этом первый разговор Миронова с Каменевым закончился.

— Я чувствую, что дело Каменева мне не по плечу, — сказал Миронов. — Лучше было поручить переговоры с Каменевым какому-нибудь видному члену ЦК, с которым он лично знаком и может разговаривать на равных. Представитель ЦК мог бы изложить это дело Каменеву таким образом: «Вы боролись с ЦК партии и проиграли. Теперь ЦК требует от вас, в интересах партии, дать такие-то показания. Если вы откажетесь, вас ждет то-то и то-то». Но мне-то никто не позволит так с ним разговаривать. Мне приказано получить признание Каменева чисто

следовательским методом, главным образом на основании фальшивых показаний Рейнгольда. Чувствую, что зря я взялся за это дело...

Очная ставка закончилась. Чтобы не выполнять просьбу Каменева, Миронов решил вовсе не составлять протокола. Подследственный даже не спросил, почему очная ставка не протоколируется. Он прекрасно понимал, что так называемое следствие — всего лишь прелюдия к решающему этапу, когда Ягода окончательно сбросит маску законности и цинично потребует, чтобы Каменев сознался во всем, в чем его обвиняют.

Миронов доложил Ягоде, что следствие по делу Каменева зашло в тупик, и предложил, чтобы кто-либо из членов ЦК вступил в переговоры с Каменевым от имени Политбюро. Ягода воспротивился этому. Еще не время, заявил он, сначала надо «как следует вымотать Каменева и сломить его дух».

— Я пришлю к вам в помощь Чертока, — обещал Ягода. — Он ему живо рога обломает!..

Черток, молодой человек лет тридцати, представлял собой типичный продукт сталинского воспитания. Невежественный, самодовольный, бессовестный, он начал свою службу в «органах» в те годы, когда сталинцы уже одержали ряд побед над старыми партияными и слепое повиновение диктатору сделалось главной доблестью члена партии. Благодаря близкому знакомству с семьей Ягоды он достиг видного положения и был назначен заместителем начальника Оперативного управления НКВД, отвечавшего за охрану Кремля. Мне никогда не приходилось видеть таких наглых глаз, какие были у Чертока. На нижестоящих они глядели с невыразимым презрением. Среди следователей Черток слыл садистом; говорили, что он пользуется любой возможностью унижить заключенного. В именах Зиновьева и Каменева, Бухарина и Троцкого для Чертока не заключалось никакой магической силы. Каменева он считал важной персоной только потому, что его делом интересовался Сталин. Во всем остальном Каменев был для Чертока заурядным беззащитным заключенным, на ком он был волен проявлять свою власть с обычной для него садистской изощренностью.

Черток форменным образом мучил Каменева...

Как-то поздним вечером я зашел к Миронову узнать, что слышно нового. Когда я вошел в его слабо освещенный кабинет, Миронов сделал мне знак помолчать и указал на приоткрытую дверь, ведущую в соседнее помещение. Оттуда как раз донесся голос Чертока.

— Вы должны быть нам благодарны, — кричал Черток, — что вас держат в тюрьме! Если мы вас выпустим, первый встречный комсомолец ухлопает вас на месте! После убийства Кирова на комсомольских собраниях то и дело спрашивают: почему Зиновьев и Каменев до сих пор не расстреляны? Вы живете своим прошлым и воображаете, что вы для нас — все еще иконы. Но спросите любого пионера, кто такие Зиновьев и Каменев, и он ответит: враги народа и убийцы Кирова.

Вот так, по мнению Ягоды, и следовало «измывать» Каменева и «обламывать ему рога». Хотя Черток был подчинен Миронову, тот не решался обуздать пыл своего подчиненного. Это было бы слишком опасно. Черток был мастером инсинуаций и интриганом. Как один из заместителей начальника охраны Кремля, он часто сопровождал Сталина, и если б он сказал ему хоть одно слово, что Миронов заступает за Каменева, песенка Миронова была бы спета.

Наглые разглаживания Чертока, разумеется, не продвинули следствие ни на шаг.

Даже верхушка НКВД, знавшая коварство и безжалостность Сталина, была поражена той звериной ненавистью, какую он проявлял в отношении старых большевиков, особенно Каменева, Зиновьева и Смирнова. Его гнев не знал границ, когда он слышал, что тот или иной заключенный «держится твердо» и отказывается подписать требуемые показания. В такие минуты Сталин зеленел от злости и выкрикивал хриплым голосом, в котором прорезался неожиданно сильный грузинский акцент: «Скажите им, — это относилось к Зиновьеву и Каменеву, — что бы они ни делали, они не остановят ход истории. Единственное, что они могут сделать, — это умереть или спасти свою шкуру. Поработайте над ними, пока они не приползут к вам на брюхе с признаниями в зубах!»

На одном из кремлевских совещаний Миронов в присутствии Ягоды, Гая и Слуцкого докладывал Сталину о ходе следствия по делу Рейнгольда, Пикеля и Каменева. Миронов доложил, что Каменев оказывает упорное сопротивление; мало надежды, что удастся его сломить.

— Так вы думаете, Каменев не сознается? — спросил Сталин, хитро прищурившись.

— Не знаю, — ответил Миронов. — Он не поддается уговорам.

— Он знает? — спросил Сталин с подчеркнутым удивлением, пристально глядя на Миронова. — А вы знаете, сколько весит наше государство со всеми его

заводами, машинами, армией, со всем вооружением и флотом?

Миронов и все присутствующие с удивлением смотрели на Сталина, не понимая, куда он клонит.

— Подумайте и ответьте мне, — настаивал Сталин.

Миронов улыбнулся, полагая, что Сталин готовит какую-то шутку. Но Сталин, похоже, шутить не собирался. Он смотрел на Миронова вполне серьезно.

— Я вас спрашиваю, сколько все это весит, — настаивал он.

Миронов смешался. Он ждал, по-прежнему надеясь, что Сталин сейчас обратит все в шутку, но Сталин продолжал смотреть на него в упор, ожидая ответа. Миронов пожал плечами и, подобно школьнику на экзамене, сказал неуверенно:

— Никто не может этого знать, Иосиф Виссарионович. Это из области астрономических величин.

— Ну а может один человек противостоять давлению такого астрономического веса? — строго спросил Сталин.

— Нет, — ответил Миронов.

— Ну так и не говорите мне больше, что Каменев или кто-то другой из арестованных способен выдержать это давление. Не являйтесь ко мне с докладом, — заключил Сталин, — пока у вас в портфеле не будет признания Каменева!

После этого Слуцкий доложил, как продвигается дело со Смирновым. Слуцкий тоже получил соответствующее внушение. Сталин в этот день был определенно не в духе.

Когда совещание уже близилось к концу, Сталин сделал знак Миронову подойти поближе.

— Скажите ему (Каменеву), что, если он откажется явиться на суд, мы найдем ему подходящую замену — его собственного сына, который признается суду, что по заданию своего папаша готовил террористический акт против руководителей партии... Скажите ему: мы имеем сообщение, что его сын вместе с Рейнгольдом выслеживал автомобили Ворошилова и Сталина на Можайском шоссе. Это сразу на него подействует...

Когда Каменев уже был в тисках инквизиции, Зиновьев лежал больной в своей одиночной камере. Допросы Зиновьева были отложены до его выздоровления. Желая наверстать упущенное, Ежов решил не пропускать Зиновьева через ту обработку, которой подвергался Каменев, а открыто потребовать от него именем Политбюро необходимых для дела «признаний».

При разговоре Ежова с Зиновьевым присутствовали Агранов, Молчанов и Миронов. Ежов попросил Миронова вести подробный протокол.

Поздней ночью Зиновьева ввели в кабинет Агранова, где должен был состояться разговор. Он выглядел совершенно больным и едва держался на ногах. Беседуя с ним, Ежов то и дело заглядывал в блокнот, где у него были записаны указания, полученные от Сталина. Разговор занял более двух часов.

На следующий день Ежов прочитал протокол и внес в него несколько поправок. Затем он приказал Миронову сделать только одну машинописную копию и принести ему вместе с первоначальной записью: протокол требовалось доставить Сталину. Миронов позволил себе ослушаться Ежова и заказал еще одну копию, для Ягоды. Тот очень болезненно воспринимал вмешательство Ежова в дела НКВД и следил за каждым его шагом, надеясь его на чем-нибудь подловить и, дискредитировав в глазах Сталина, избавиться от его опеки...

Организаторы процесса, которым удалось припереть Зиновьева и Каменева к стене, сделали все необходимое, чтобы не дать им покончить жизнь самоубийством. В одиночные камеры, где они содержались, под видом арестованных оппозиционеров были подсажены агенты НКВД, неуслышно следившие за обоими и информировавшие руководителей следствия об их настроении и о каждом произнесенном ими слове.

Чтобы их сильнее вымотать, Ягода распорядился включать в их камеры центральное отопление, хотя стояло лето и в камерах без того было нечем дышать. Время от времени подсаженные агенты вызывались якобы на допрос, а в действительности для того, чтобы доложить начальству результаты своих наблюдений, отдохнуть от невыносимой жары и подкрепиться. Едва переступив порог следовательского кабинета, они спешили сбросить мокрые от пота рубашки и набрасывались на приготовленные для них охлаждающие напитки...

Зиновьев страдал астмой и мучился от жары. Вскоре его страдания усугубились: его начали изводить приступы колик в печени. Он катался по полу и умолял, чтобы пришел Кушнер — врач, который мог бы сделать инъекцию и перевести его в тюремную больницу. Но Кушнер неизменно отвечал, что не имеет права сделать ни то, ни другое без специального разрешения Ягоды. Его функции ограничивались тем, что он выписывал Зиновьеву какое-то ле-

карство, от которого тому становилось еще хуже. Было сделано все, чтобы полностью измотать Зиновьева и довести его до такого состояния, когда бы он был готов на все. Конечно, при этом Кушнер был обязан следить, чтобы Зиновьев, чего доброго, не умер.

Даже смерть не должна была избавить Зиновьева от той, еще более горькой судьбы, какую уготовил ему Сталин.

Тем временем Миронов продолжал допрашивать Каменева. Он вслух, в его присутствии, анализировал положение дел и пытался убедить его, что у него нет иного выбора, кроме как принять условия Сталина и тем самым спасти себя и свою семью. Я совершенно уверен, что Миронов был искренен: подобно большинству руководителей НКВД, он поверил, что Сталин не посмеет расстрелять таких людей, как Зиновьев и Каменев, и был убежден, что ему необходимо только публично опозорить бывших лидеров оппозиции.

Однажды вечером, когда у Миронова в кабинете был Каменев, туда зашел Ежов. Он еще раз завел мучительно длинный разговор с Каменевым, стараясь внушить ему, что, как бы он ни сопротивлялся, отвернется от суда ему не удастся и что только подчинение воле Политбюро может спасти его самого и его сына. Каменев молчал. Тогда Ежов снял телефонную трубку и в его присутствии приказал Молчанову доставить во внутреннюю тюрьму сына Каменева и готовить его к суду вместе с другими обвиняемыми по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра».

Все это время Ягода внимательно следил за состоянием Зиновьева и Каменева, но не спускал также глаз с Ежова. Как я уже упоминал, Ягода уязвимо до глубины души то, что Сталин поручил Ежову контролировать подготовку судебного процесса. Он тщательно проанализировал протокол разговора Ежова с Зиновьевым и понял, что Ежов задумал обработать Зиновьева по всем правилам инквизиторского искусства, так что рано или поздно Зиновьев и Каменев придут к выводу о бесплезности сопротивления. Ягода не мог допустить, чтобы слава победителя досталась Ежову. В глазах Сталина он, Ягода, должен был оставаться незаменимым наркомом внутренних дел. Для этого ему лично надлежало принудить Зиновьева и Каменева к капитуляции и обеспечить успешную постановку самого грандиозного в истории судебного процесса.

По существу, на карту была поставлена вся карьера Ягоды. Он знал, что члены Политбюро ненавидят и боятся его. Это под их влиянием в 1931 году Сталин направил в «органы» члена ЦК Акулова, который должен был стать во главе ОГПУ. Правда, Ягоде вскоре удалось добиться дискредитации Акулова и убедить Сталина убрать его из «органов». Но Ежов-то был действительно сталинским фаворитом и поэтому представлял несравненно большую опасность.

Тщательно следя за подготовкой судебного процесса, Ягода приказал своим помощникам немедленно поставить его в известность, как только будут замечены хоть малейшие признаки колебаний Зиновьева и Каменева.

Такой момент наступил в июле 1936 года. Как-то после чрезвычайно бурного объяснения с Ежовым и Молчановым, растянувшегося на целую ночь, Зиновьев, уже вернувшись в камеру, попросил вызвать начальника тюрьмы и сказал тому, что просит доставить его к Молчанову снова. Там он стал настаивать, чтобы ему разрешили поговорить с Каменевым наедине. С такой просьбой он обращался к следствию впервые. По тону Зиновьева и по некоторым другим признакам в его поведении Молчанов сообразил, что Зиновьев намерен капитулировать и хочет обсудить свое решение с Каменевым.

Дали знать Ягоде, который тут же распорядился привести Зиновьева в свой кабинет. Он сказал Зиновьеву, что его просьба предоставить свидание с Каменевым будет удовлетворена. На этот раз Ягода был слащав до приторности. Он обращался к заключенному, как в прежние времена, по имени-отчеству — Григорий Евсеевич — и выразил надежду, что, обсудив положение, оба обвиняемых придут к единственно разумному выводу: нельзя не подчиниться воле Политбюро. Пока Ягода беседовал с Зиновьевым, помощник начальника Оперативного управления НКВД занимался установкой микрофона в камере, где должна была состояться встреча Зиновьева и Каменева.

Их разговор занял около часа. Руководство НКВД не было заинтересовано в ограничении времени их встречи. Располагая микрофоном, оно полагало, что чем дольше они будут беседовать, тем больше удастся разузнать об их действительных намерениях.

Зиновьев высказал мнение, что необходимо явиться на суд, но при условии, что Сталин лично подтвердит обещания, которые от его имени давал Ежов. Несмотря на некоторые колебания и возражения, Каменев в конце концов согласился с ним, выдвинув

Слева направо: председатель Комитета по делам физкультуры и спорта, член ЦК Н. К. Антипов, секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник, председатель ОГПУ Г. Г. Ягода, секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев принимают физкультурный парад (1934 г.).

условие для переговоров: Сталин должен подтвердить свои обещания в присутствии всех членов Политбюро.

После такого разговора «наедине» Зиновьев и Каменев были доставлены в кабинет Ягоды. Каменев объявил, что они согласны дать на суде показания, но при условии, что Сталин подтвердит им свои обещания в присутствии Политбюро в полном составе.

Сталин воспринял известие о капитуляции Зиновьева и Каменева с нескрываемой радостью. Пока Ягода, Молчанов и Миронов подробно докладывали ему, как это произошло, он, не скрывая удовлетворения, самодовольно поглаживал усы. Выслушав доклад, он встал со стула и, возбужденно потирая руки, выразил свое одобрение: «Браво, друзья! Хорошо сработано!»

На следующий день, поздно вечером, проходя мимо здания НКВД, я натолкнулся на Миронова, стоявшего возле подъезда № 1, предназначенного для Ягоды и его ближайших помощников.

— Я тут жду Ягоду, — сказал Миронов. — Он сейчас в Кремле, но должен появиться с минуты на минуту. Мы с Молчановым только что оттуда, возили к Сталину Зиновьева и Каменева. Ох, что там было! Загляни ко мне через часок.

Когда я вошел к нему в кабинет, он ликуя объявил:

— Никакого расстрела не будет! Сегодня это окончательно выяснилось!

Поскольку Миронов рассказал мне об очень важных вещах, я постараюсь передать все, что услышал от него, как можно более точно.

«Сегодня, отбыв в Кремль, — рассказывал Миронов, — Ягода велел, чтобы Молчанов и я не отлучались из своих кабинетов и были готовы доставить в Кремль Зиновьева и Каменева для разговора со Сталиным. Как только Ягода позвонил оттуда, мы забрали их и поехали».

Ягода встретил нас в приемной и проводил в кабинет Сталина. Из членов Политбюро, кроме Сталина, там был только Ворошилов. Он сидел справа от Сталина. Слева сидел Ежов. Зиновьев и Каменев вошли молча и остановились посередине кабинета. Они ни с кем не поздоровались. Сталин показал рукой на ряд стульев. Мы все сели: я — рядом с Каменевым, а Молчанов — с Зиновьевым.

— Ну, что скажете? — спросил Сталин, внезапно посмотрев на Зиновьева и Каменева. Те обменялись взглядами.

— Нам сказали, что наше дело будет рассматриваться на заседании Политбюро, — сказал Каменев.

— Перед вами как раз комиссия Политбюро, уполномоченная выслушать все, что вы скажете, — ответил Сталин. Каменев пожал плечами и окинул Зиновьева вопросительным взглядом. Зиновьев встал и заговорил.

Зиновьев встал и заговорил.

Он начал с того, что за последние несколько лет ему и Каменеву давалось немало обещаний, из которых ни одно не выполнено, и спрашивал, как же после всего этого они могут полагаться на новые обещания. Ведь, когда после смерти Кирова их заставили признать, что они несут моральную ответственность за это убийство, Ягода передал им личное обещание Сталина, что это — последняя их жертва. Тем не менее теперь против них готовится позорнейшее судилище, которое покроет грязью не только их, но и всю партию.

Зиновьев взывал к благоразумию Сталина, заклиная его отменить судебный процесс и доказывая, что он бросит на Советский Союз пятно небывалого позора.

— Подумайте только, — умолял Зиновьев со слезами в голосе, — вы хотите изобразить членов ленинского Политбюро и личных друзей Ленина беспринципными бандитами, а нашу большевистскую партию, партию пролетарской революции, представить змеиным гнездом интриг, предательства и убийств... Если бы Владимир Ильич был жив, если б он видел все это! — воскликнул Зиновьев и разразился рыданиями.

Ему налили воды. Сталин выждал, пока Зиновьев успокоится, и негромко сказал:

— Теперь поздно плакать. О чем вы думали, когда вступали на путь борьбы с ЦК? ЦК не раз предупреждал вас, что ваша фракционная борьба кончится плачевно. Вы не послушали, — а она действительно кончилась плачевно. Даже теперь вам говорят: подчинитесь воле партии — и вам и всем тем, кого вы завели в болото, будет сохранена жизнь. Но вы опять не хотите слушать. Так что вам останется благодарить только самих себя, если дело закончится еще более плачевно, так скверно, что хуже не бывает.

— А где гарантия, что вы нас не расстреляете? — наивно спросил Каменев.

— Гарантия? — переспросил Сталин. — Какая, собственно, тут может быть гарантия? Это просто смешно! Может быть, вы хотите официального соглашения, заверенного Лигой Наций? — Сталин иронически усмехнулся. — Зиновьев и Каменев, очевидно, забывают, что они не на базаре, где идет торг насчет украденной лошади, а на Политбюро коммунистической партии большевиков. Если заверения, данные Политбюро, для них недостаточны, — тогда, товарищи, я не знаю, есть ли смысл продолжать с ними разговор.

— Каменев и Зиновьев ведут себя так, — вмешался Ворошилов, — словно они имеют право диктовать Политбюро свои условия. Это возмутительно! Если

у них осталась хоть капля здравого смысла, они должны стать на колени перед товарищем Сталиным за то, что он сохраняет им жизнь. Если они не желают спасти свою шкуру, пусть подышлют. Черт с ними!

Сталин поднялся со стула и, заложив руки за спину, начал прохаживаться по кабинету.

— Было время, — заговорил он, — когда Каменев и Зиновьев отличались ясностью мышления и способностью подходить к вопросам диалектически. Сейчас они рассуждают, как обыватели. Да, товарищи, как самые отсталые обыватели. Они себе внушили, что мы организуем судебный процесс специально для того, чтобы их расстрелять. Это просто неумно! Как будто мы не можем расстрелять их без всякого суда, если сочтем нужным. Они забывают три вещи: первое — судебный процесс направлен не против них, а против Троцкого, заклятого врага нашей партии;

второе — если мы их не расстреляли, когда они активно боролись против ЦК, то почему мы должны расстрелять их после того, как они помогут ЦК в его борьбе против Троцкого?

третье — товарищи также забывают (Миронов особенно подчеркнул то обстоятельство, что Сталин назвал Зиновьева и Каменева товарищами), что мы, большевики, являемся учениками и последователями Ленина и что мы не хотим проливать кровь старых партийцев, какие бы тяжкие грехи по отношению к партии за ними ни числились.

Последние слова, — добавил Миронов, — были произнесены Сталиным с глубоким чувством и прозвучали искренне и убедительно.

Зиновьев и Каменев, — продолжал Миронов свой рассказ, — обменялись многозначительными взглядами. Затем Каменев встал и от имени их обоих заявил, что они согласны предстать перед судом, если им обещают, что никого из старых большевиков не ждет расстрел, что их семьи не будут подвергаться преследованиям и что впредь за прошлое участие в оппозиции не будут выноситься смертные приговоры.

— Это само собой понятно, — отозвался Сталин.

Физические страдания Зиновьева и Каменева закончились. Их немедленно перевели в большие и прохладные камеры, дали возможность пользоваться душем, выдали чистое белье, разрешили книги (но, однако же, не газеты). Врач, выделенный специально для Зиновьева, всерьез принялся за его лечение. Ягода распорядился перевести обоих на полноценную диету и вообще сделать все возможное, чтобы они на суде выглядели не слишком изнуренными. Тюремные охранники получили указание обращаться с обоими вежливо и предупредительно. Суровая тюрьма обернулась для Зиновьева и Каменева чем-то вроде санатория...

ЮРИЙ ПЯТАКОВ

Второй московский процесс, на котором оказалось семнадцать обвиняемых, состоялся в январе 1937 года. Главными фигурами среди обвиняемых были Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников.

Юрий Пятаков был одним из самых одаренных и самых уважаемых людей в большевистской партии. Когда произошла Октябрьская революция, ему было всего двадцать семь лет. Тем не менее за его плечами было уже двенадцать лет революционной деятельности. В 1918 году его старший брат Леонид, руководивший большевистским подпольем в Киеве, был схвачен гайдамаками и замучен. Именно после этого Юрий Пятаков попросил Ленина освободить его от обязанностей главного комиссара Государственного банка (эту должность он в то время занимал) и направить на Украину для участия в подпольной борьбе с Центральной Радой.

После того как на Украине победила революция, Пятаков сделался первым председателем украинского Совнаркома.

О том, сколь высоко Ленин ценил Пятакова, можно видеть хотя бы по тому, что он упоминается в его знаменитом «завещании», где всего-то перечислено шесть фамилий наиболее крупных партийных деятелей. В этом документе, где Ленин предостерегает против сталинского засилья, он охарактеризовал Пятакова и Бухарина так: «Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)», а в отношении Пятакова добавил: «Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающийся способностей, но слишком увлекающийся администраторством...»

В 1931 году Пятаков был назначен заместителем наркома тяжелой промышленности. Сталин держал его в «замах» лишь потому, что во второй половине 20-х годов Пятаков принимал активное участие в троцкистской оппозиции. В силу этого наркомом тяжелой промышленности чисто формально был Серго Орджоникидзе — человек, не получивший образования и слабо разбирающийся в сложных финансово-экономических вопросах. Среди «командиров социалистической индустрии» и партийных деятелей

было, однако, известно, что фактическим руководителем тяжелой промышленности и душой индустриализации является Пятаков. Орджоникидзе был достаточно умен, чтобы также признавать это. «Чего вы от меня хотите? — спрашивал он Пятакова. — Вы знаете, что я не инженер и не экономист. Если вам данный проект представляется хорошим, я под этим тоже подпишусь обеими руками и вместе с вами буду бороться за него на заседании Политбюро!»

Да и отношение Сталина к Пятакову было, во всяком случае, более дружелюбно, чем к другим бывшим вожакам оппозиции. Сталин нуждался в Пятакове для осуществления программы индустриализации, которая была фундаментом так называемой «генеральной линии партии». А если Сталин в ком-нибудь до зарезу нуждался, он не выказывал своего истинного отношения к такому человеку, а, напротив, старался всячески ублажить его, даже если знал, что, вызвав из него все, кончит тем, что перережет ему горло...

В разговорах с бывшими оппозиционерами Пятаков отвергал их упреки в том, что он переметнулся в сталинский лагерь, он говорил, что просто отошел от политики. «Меня теперь интересует только одна вещь, — сказал он как-то группе видных оппозиционеров, — я должен быть уверен, что в государственной казне достаточно денег!» (дело происходило в 1929 году, когда Пятаков был назначен председателем правления Госбанка). Сталину все это было известно. Из донесения НКВД знал он и о том, что в разговоре с группой друзей Пятаков однажды высказался так: «Я не могу отрицать, что Сталин является посредственностью и что он не тот человек, который должен бы стоять во главе партии; но обстановка такова, что, если мы будем продолжать упорствовать в оппозиции Сталину, нам в конце концов придется оказаться в еще худшем положении: наступит момент, когда мы будем вынуждены повиноваться какому-нибудь Кагановичу. А я лично никогда не соглашусь подчиняться Кагановичу!»

Таких оценок Сталин не прощал. Но он был терпелив и умел ждать. Ему приходилось запастись терпением на довольно длительное время, необходимое для индустриализации страны и подготовки кадров технических специалистов, которые были бы способны продолжать промышленную гонку. Сталин ждал восемь лет. К концу 1936 года он приказал Ягоде арестовать Пятакова.

Я был хорошо знаком с Пятаковым. Начало нашего знакомства относится к 1924 году, когда он возглавлял Главэкономсовет, а я был заместителем начальника Экономического управления ОГПУ и поддерживал постоянный контакт с ведомством Пятакова. Одновременно я являлся прокурором — членом секретной «Юридической комиссии», также возглавляемой Пятаковым. Эта комиссия была образована по решению Политбюро в том же 1924 году и занималась расследованием обвинений, выдвигаемых против руководителей промышленных главков. Комиссия должна была определять, следует ли направить дело того или иного руководителя в суд или же в интересах производства можно ограничиться дисциплинарными мерами.

Наиболее характерная черта Пятакова состояла в том, что у него не было личной жизни, он не принадлежал себе. Приезжая на службу к 11 утра, он покидал свой рабочий кабинет в три часа ночи. Его рабочий день был так заполнен, что и обедал он не чаще двух-трех раз в неделю. Из-за такой интенсивной работы и недостаточного питания Пятаков был худ и болезненно бледен. Долговязый, высокого роста, с редкой рыжеватой бородкой, он представлял собой нечто вроде российского варианта Дон Кихота. Я помню его в неизменно дешевом, плохо сшитом костюме. Он имел обыкновение покупать недорогие костюмы (которые были ему почему-то всегда малы) со слишком короткими рукавами и носить их по многу лет...

Пятаков был женат, но его семейная жизнь не удалась. Его жена, как и он сам, была членом партии, но это была неряшливая женщина, питавшая слабость к выпивке. О семье она почти не заботилась, и нередко случалось, что Пятаков, которому срочно надо было ехать в отдаленный район или за границу, отправлялся к своему секретарю Коле Москалеву, чтобы одолжить у него пару чистых сорочек. К огорчению москалевской супруги, он часто забывал их возвращать. В последние годы Пятаков с женой практически разошлись, хотя и оставались добрыми друзьями. Их связывала любовь к единственному сыну, которому ко времени суда над Пятаковым исполнилось всего десять лет.

Ближайший друг и помощник Пятакова Николай Москалев был человеком исключительного обаяния. В 1937 году ему исполнилось тридцать пять лет, но к тому времени они уже лет пятнадцать проработали вместе. Москалев обожал своего шефа и был к нему привязан настолько, что жена ревновала его к Пятакову и говорила о последнем с нескрываемым раздражением.

В деле Пятакова сотрудники НКВД, действуя

с обычной для них бессовестной жестокостью, использовали против него жену и ближайшего друга. Этот метод вполне соответствовал сталинскому «стилю». Сделавшись после смерти Дзержинского фактическим руководителем НКВД, Сталин неоднократно внушал энкаведистам, что на обвиняемых сильнее всего действуют показания, данные их родными и близкими друзьями. Читатель помнит дело Смирнова — против него выступили его жена (Сафонова) и его ближайший друг — Мрачковский. Особо ценились показания жены против мужа, сына против отца, брата против брата, не только потому, что это деморализовывало арестованного и выбивало у него почву из-под ног. Сталин испытывал особое удовольствие от разрушения семьи политического противника и крушения его дружеских связей. Безусловно, он был непревзойденным мастером любых видов личной мести.

«Органам» удалось очень быстро сломить сопротивление жены Пятакова. Она знала об «исчезновении» детей обвиняемого по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» и была раздавлена страхом за судьбу своего сына. Так вот, чтобы спасти ему жизнь, она согласилась давать любые показания против мужа. У Коли Москалева, секретаря Пятакова, была маленькая дочь. Если бы он продолжал оставаться тем полуграмотным и наивным крестьянином, каким он когда-то переступил порог кабинета Пятакова, он скорее всего отказался бы клеветать на своего начальника и друга. Но теперь у него за плечами был солидный политический опыт. Общаясь с секретарями других членов правительства, он многое узнал о нравах, царящих в Политбюро, и о характере тех, в чьих руках находится ныне судьба народа. Он понимал, что, раз уж Сталин решил участь Пятакова, НКВД будет выжимать из него, Москалева, необходимые показания.

Пятаков был исключительно принципиальным человеком и к тому же обладал проницательным умом и сильной волей, был бесстрашен. Я почти уверен, что если бы среди «второй волны» арестованных большевиков оказался человек, способный противостоять своим тюремщикам, то этим человеком был бы Пятаков. Поэтому меня очень удивило, что он сравнительно легко сдался. Как выяснилось, дело обстояло так.

В течение довольно длительного времени Пятаков вообще отказывался разговаривать со следователями. Однажды вечером в НКВД приехал Серго Орджоникидзе и выразил желание переговорить с Пятаковым. Ежова, к тому времени сменившего Ягоду, не было на месте. Его заместитель Агранов, поколебавшись, позвонил во внутреннюю тюрьму и приказал доставить Пятакова к нему. Орджоникидзе двинулся навстречу вошедшему Пятакову, явно желая обнять его. Пятаков уклонился и отвел его руки.

— Юрий! Я пришел к тебе как друг! — воскликнул Орджоникидзе. — Я выдержал из-за тебя целый бой и не перестану за тебя бороться! Я говорил про тебя ему...

После этого вступления Орджоникидзе попросил Агранова оставить его вдвоем с Пятаковым. Их разговор продолжался с глазу на глаз.

Вел ли Орджоникидзе коварную игру с Пятаковым под давлением Сталина или был искренен? Последующий ход событий должен был дать ответ на этот вопрос.

Спустя несколько дней Орджоникидзе снова появился в здании НКВД и опять был оставлен вдвоем с Пятаковым. На этот раз, перед тем как уйти, Орджоникидзе в присутствии Пятакова сообщил Агранову сталинское распоряжение: исключить из числа участников будущего процесса жену Пятакова и его личного секретаря Москалева. Их не следует вызывать в суд даже в качестве свидетелей. Стало яснее ясного, что самому Пятакову Орджоникидзе посоветовал уступить требованиям Сталина и принять участие в жульническом судебном процессе, разумеется, в качестве подсудимого. Но для меня оставалось несомненным, что Орджоникидзе при этом лично гарантировал Пятакову: смертный приговор ему вынесен не будет.

Поверил ли Пятаков Орджоникидзе? Я убежден, что поверил. Пятаков знал, что Орджоникидзе в отличие от Сталина был верен дружбе, по крайней мере в тех случаях, когда друг не представлял собой соперника в борьбе за власть. Он также знал, что Орджоникидзе, образование которого исчерпывалось фельдшерскими курсами, не мог без его помощи руководить промышленностью. Уже хотя бы из чистого эгоизма Орджоникидзе должен был бороться за сохранение жизни Пятакова, обеспечивая себе советника и помощника на будущее. Едва ли Пятаков догадывался, что Орджоникидзе, быть может, сам того не подозревая, выступал в провокационной роли сталинского ставленника. Он был одним из самых влиятельных членов Политбюро. Сталин мог требовать от него покорности при решении важных государственных вопросов, но едва ли мог принудить его играть презренную роль пешки-provокатора. В общем, Пятаков вполне мог думать, что его поло-

жение лучше, чем у других обвиняемых. Ведь ему протектировал сталинский близкий друг и земляк.

Итак, Пятаков, по-видимому, решил довериться Орджоникидзе. Он подписал ложное признание, в котором подтверждал, что, воспользовавшись поездкой в Берлин в декабре 1935 года, написал оттуда письмо Троцкому, находившемуся тогда в Норвегии. Пятаков якобы испрашивал директив Троцкого об оказании финансовой поддержки заговорщикам внутри СССР. Далее он подтвердил, что получил ответ Троцкого: тот якобы сообщал, что им достигнуто соглашение с германским нацистским правительством. По этому соглашению немцы обязались вступить в войну с Советским Союзом и помочь Троцкому захватить власть в СССР. За это Троцкий обещал отдать немцам территорию Украины и предоставить ряд экономических уступок. В связи с этим соглашением Троцкий якобы требовал в письме к Пятакову, чтобы антисоветское подполье усилило свою вредительскую деятельность в промышленности.

Слушая на совещании в Кремле доклад о признании, сделанных Пятаковым, Сталин спросил: не лучше ли написать в обвинительном заключении, что Пятаков получил директивы Троцкого не по почте, а во время личной встречи с ним? Так родилась легенда о том, как Пятаков летал в Норвегию на свидание с Троцким. Чтобы версия была более убедительной, Сталин распорядился: пусть начальник Иностранного управления НКВД Слуцкий разработает схему путешествия Пятакова из Берлина в Норвегию с учетом расписания поездов Берлин — Осло.

Когда мы со Слуцким встретились в Париже, в санатории профессора Бержера (это произошло в феврале 1937 года), он рассказал мне, что случилось на следующем кремлевском совещании по делу Пятакова.

Слуцкий доложил Сталину, что собранные им данные не позволяют принять версию о личной поездке Пятакова в Норвегию. Дело в том, что по действующему расписанию путешествие Пятакова в Осло, учитывая время, необходимое, чтобы добраться из Осло в Вексаль, где жил Троцкий, и побеседовать с ним, займет минимум двое суток. Было бы очень опасно утверждать, что Пятаков исчезал из Берлина на столь продолжительное время: по данным советского торгпредства в Берлине, он ежедневно проводил там совещания с представителями различных немецких фирм и чуть ли не каждый день подписывал с ними контракты.

Сталин был недоволен докладом Слуцкого и, не дождавшись изложения всех минусов обсуждаемой легенды, возразил: «Может быть, то, что вы говорите насчет расписания поездов, действительно верно. Однако Пятаков мог ведь слетать в Осло и на самолете? Полет туда и обратно, наверное, можно совершить за одну ночь?»

Слуцкий заметил, что самолет (не забудем, что полет должен был относиться к 1935 году) берет очень мало пассажиров и фамилия каждого из них записывается в журнал авиакомпании. Но Сталин уже принял решение: «Надо указать, что Пятаков летал на специальном самолете. Для такого дела германские власти охотно дали бы самолет!»

Показания, подписанные Пятаковым, пришлось соответственно переписать, исключив из них письмо, якобы пришедшее от Троцкого. Версия насчет указаний, полученных от Троцкого, несколько усложнилась. Согласно новой версии, оглашенной на суде, в середине декабря 1935 года Пятаков приземлился на аэродроме под Осло и, пройдя официальную проверку документов, отправился на машине к Троцкому, с которым и вел переговоры. Они обсуждали план свержения сталинского режима и захвата власти с помощью немецких штыков.

Горький опыт предыдущего процесса, когда была упомяната несуществующая гостиница «Бристоль», заставил организаторов нового процесса предостеречь Пятакова от «излишних подробностей». Пятаков не должен был говорить, под каким именем он совершил путешествие в Норвегию и получал ли он въездную визу. В остальном как будто было все в порядке: Пятаков вполне мог слетать за одну ночь в Осло и обратно, и самый придирчивый скептик не имел возможности проверить, действительно ли одиночный самолет появлялся над Норвегией под покровом декабрьской ночи.

И тем не менее Сталина ждал жестокий удар. 25 января 1937 года, всего через два дня после того, как Пятаков изложил суду всю эту историю, в норвежской газете «Афтенпостен» появилась такая заметка:

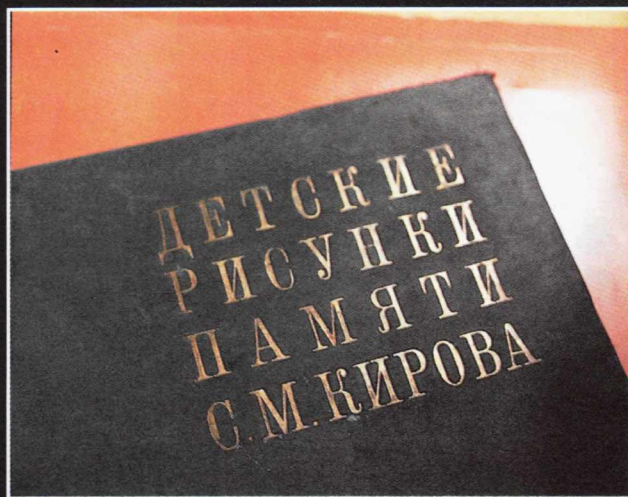
СОВЕЩАНИЕ ПЯТАКОВА С ТРОЦКИМ В ОСЛО ВЫГЛЯДИТ СОВЕРШЕННО НЕПРАВДОПОДОБНЫМ

...Он будто бы прибыл на самолете на аэродром Хеллер. Однако персонал этого аэродрома утверждает, что никакие гражданские самолеты в декабре 1935 года там не приземлялись...

Продолжение следует.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Будет сделана. ...работа адво-
Владимир МАЯКОВСКИЙ

У

этого парадного альбома в громадном пепельно-черном переплете есть и заголовок: «Детские рисунки памяти С. М. Кирова. № 1». Золото типографского тиснения, впрочем, померкло, а от серых страниц исходит дух тлена и пыли. Видимо, последние полвека этот экспонат лежал не в витрине.

Поверх бедных, землистых красок кое-где жирные фиолетовые штампы Дома художественного воспитания. В аббревиатурном просторечии — ДХВД. Документ есть документ: в соответствии с канцелярскими требованиями и паспортным режимом он должен быть проштемпелеван. Разумеется, с лицевой стороны.

Впрочем, часть рисунков чья-то рука пыталась сорвать.

Не вышло. Тот клей слишком прочен.

Альбом пережил и серию великих чисток, и блокаду, и «ленинградское дело». И, видимо, гибель большинства его авторов, учеников 16-й ленинградской трудовой школы. Во всяком случае, если кто после этой публикации откликнется, почту почти за чудо.

В декабре тридцать четвертого им было по восемь, десять, двенадцать.

Они жили в городе, считавшемся пограничным. Когда в 35-м моего деда из Забайкалья перевели в Ленинград, одноклассники позавидовали новичку, моему отцу: «Ты с маньчжурской границы?..» Но, узнав, что от станции Оловянная до границы двести верст, осадили новичка: «А у нас — 35!»

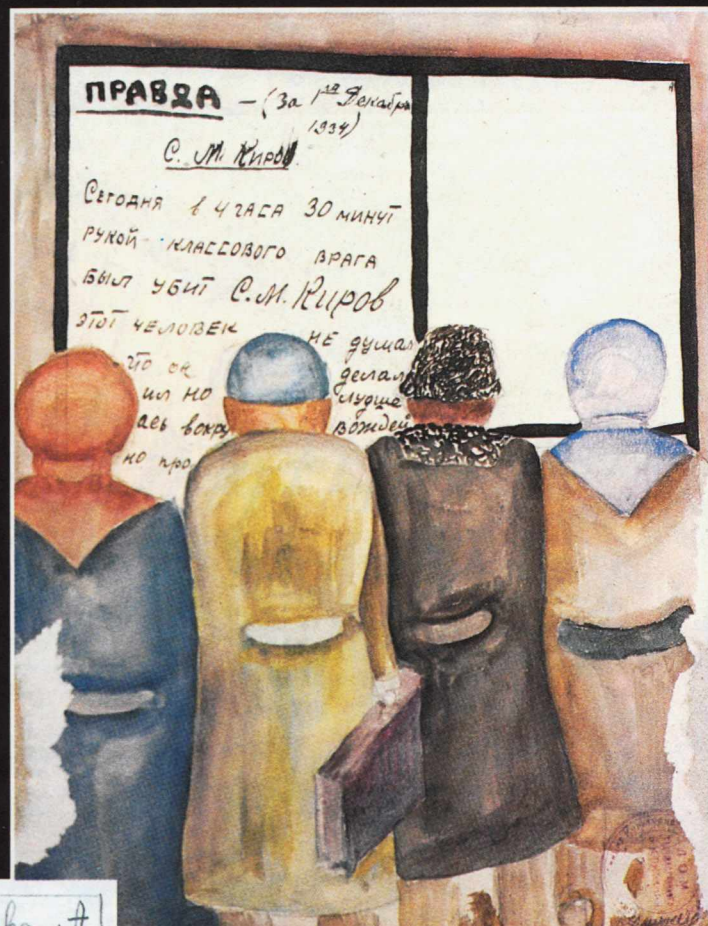
В Оловянной ученики четвертого класса не знали, кто такой Киров. Известие о его гибели дошло лишь через несколько дней, и под истощенный вой паровозов директор распустил школу по домам, объяснив только, что в Ленинграде убит «помощник Сталина».

Ни детям, ни их родителям не было известно, что 1 декабря 1934 года граница прошла по истории, по их жизням и судьбам.

День за днем газеты выходили в неизменно траурных рамках: убит Киров, Киров, Киров...

Так охотник придерживает свору, распаяя песью ненависть многократным «ату!». Так накручивает истерику вор в законе.

Зубрежка ведет к ненависти. «Творческий продолжатель марксизма» с семинаристской скамьи знал об этом. Его паства будет твердить его догматы, и каждый станет ненавидеть и бояться каждого. А любить — только его, непогрешимого и мудрого.

Основатель «Сосо-лизма», низвергнувший Отца Небесного и занявший его место в сознании миллионов, он ведал силу догмы.

Вывернутая наизнанку религиозная догма должна регламентировать поведение масс. Но христианство свободу выбора оставляет человеку и провозглашает любовь. Лишить человека свободы выбора — значит избавить его от «абстрактного гуманизма». Это Сталин понимал.

И регламентация жизни — от паспортного режима и лагерей до ритуалов празднований и школьных линеек — такая, какой не знала ни одна самая фанатичная секта, — все это работало на идею, превращало людей в стадо, годное для кровавых жертвоприношений. «Самые опасные наши враги — кадеты...» — так писал в одной из петроградских газет еще в начале восемнадцатого некий будущий сталинист. Мол, мы ставим на массу, а кадеты — на личность. Пройдут годы, и на одном из партийных форумов сам Вождь и Учитель повторит эти слова, впрочем, заменив кадетов на анархистов. Подтекст подмены понятен: развитие личности, дескать, ведет к анархии.

Как из личности творится масса, об этом и рассказывают рисунки ленинградских детей.

В иконописи есть такое понятие — канон. Это — заданное традицией расположение фигур и предметов, общая схема данного сюжета. Мешает ли канон иконописцу? Сковывает ли он его творческую мысль? Для ответа достаточно взглянуть на иконы Феофана Грека, Рублева и Дионисия. Канон один, но какие разные решения! Ибо для верующего нет свободы вне канона. И Бога. И любви. И человека.

А теперь все это — Бога, любовь

и самого человека — вынесем за скобки. А канон, напротив, ужесточим. Сюжет — убийство Кирова. Канон задан официозом — газетным фото из-под траурной рамки. (Никаких выстрелов Николаева, никакой политической отсебятины!) Известие о событии равно событию.

Это очень важная черта мифологического сознания. Сказанное абсолютно, если оно освящено Высшим Авторитетом.

Психолог Мария Осорина, специалист по детскому творчеству, обратила мое внимание на одну особенность этих рисунков: лишь на самых примитивных из них изображены домашние сценки. Вот отец прочел газету, вот мать, осмыслив услышанное, выронила посуду. «Коллективно развить» дети изображают другое — или людей в «общественном месте» у стенда «Читай газету», или траурную линейку в школе.

Исключительность события, его «общественное звучание» требуют единства формы и содержания.

Итак, три иконографических канона: дом, улица, школа.

В школе все в порядке: за одним-двумя исключениями масса уже обезличена, ровные линейки выстроены и стоят к зрителю спиной, сходя на нет при приближении к алтарю, то есть к школьной сцене. Нет лиц. Нет личностей. Этого семнадцать лет последовательно добивались и, наконец, впервые по-настоящему добились: живая ковровая дорожка тянется к жертвеннику.

Лица лишь у президиума — директора, пионервожатой или предводителя дружины. Это вожаки массы, ее микрожиды.

Чутко схватывая социальную иерархию, дети изображают их по всем законам обратной перспективы: чем дальше вождь, тем он больше и грозней.

На сцене портрет Кирова. Сегодня он в роли божества, а божество, как предписано канонам древних монотеистических религий, изображать нельзя. Можно лишь вырезать фото из газеты или благоговейно оставить пустое место в рамке. (Правило, согласно которому Ленина или членов Политбюро детям рисовать нельзя, негласно сохраняется в наших школах и сегодня. Как, впрочем, и в наших газетах не найдешь даже дружеских шаржей на Первых Лиц.)

На самом деле Киров никакого не божество. Сталинская религия монотеистична. Нет Сталина, кроме Сталина. А это значит, что каждого из окружающих его вождей ждет одно. И все они в конце концов обречены. Все, в ком есть хоть что-то человеческое.

Но об этом не то что дети, почти никто не догадывается.

Президиум скорбит и салютует. Масса внимает и скорбит.

Но то в школе. А на улице иное. Там тоже большинство стоит к нам спинами, но свободы чуть больше. Люди идут с работы все-таки не строем. Они устали и чуть расслабились. Кто-то стоит в профиль, кто-то даже анфас.

Но и тут главное — сам газетный лист с траурным известием. На одном из рисунков слова в газете выписаны рукою взрослого. Газету, конечно, можно изображать. Но ее шрифт должен быть максимально строгим, приближенным к настоящему. И учитель помог ученику справиться с этой задачей.

В ноябре 1982 года я сам был свидетелем, как метался секретариат тогдашней «Комсомольской правды», не зная, как подавать на газетной полосе известие о кончине Л. И. Брежнева. Газету надо было сдавать в цех, а ТАСС, от которого

ждали обстоятельного регламента, почему-то молчал. И тогда ответственный секретарь послал в библиотеку за подшивкой. Март 1953-го! Полосу свертали «по прецеденту». И потом «капитан» подростковой страницы «Алый парус» Павел Гутинтов рассказал, что верстка до пункта совпала с тассовской, пришедшей лишь вечером. Видимо, и там ломали голову, пока не вспомнили о «прецеденте».

Ибо канон есть канон, и его несоблюдение — государственная крамола.

Державный регламент слабеет только дома, в семье. Потому что для ребенка мама — это мама, а отец — все-таки отец, а не Отец Народов.

Дом административное огосударствление дает сбой: здесь личность еще не отчуждена от индивида, а ее душа — от человека. В альбоме лишь два таких рисунка. Сознательно или нет, но составители альбома взяли два, самых примитивных, карандашных. Может быть, других и не было, а может, для районного смотра (альбом формировался вовсе не из любви к «чистому искусству») нужны были именно такие, примитивные. Не станем гадать.

Семья, как известно, — ячейка общества. Но именно она труднее всего поддается огосударствлению. Это подмечено и понято еще утопическими социалистами.

Значит, для торжества административной системы семью надо упразднить вместе с индивидуальной и семейной собственностью, с собственностью человека на собственное мнение. Религия оставляет человеку его собственную душу, шанс на спасение и бессмертие. Сталинизм — религия нового типа. Он конкретен и материалистичен.

Сколько раз мы слышали: не ставь личное выше общественного! Но под общественным понималось именно государственное, вернее — государственно-административное. Коллектив — трудовой, учебный, армейский — сам был «винтиком», и череда «проработок» да «персональных дел» обеспечивала отчуждение личности. Причем именно в пользу государства (хотя, как показал наш опыт, явно не на пользу ему).

Но для полной и окончательной победы утописту необходимо сокрушение семьи, этого последнего прибежища личности.

Сталину не терпелось, он не намерен был ждать обещанного теорией «отмирания». Взятие этой крепости «буржуазного» уклада он решил просто и гениально: лагерями, детдомами, спецпереселениями, наконец, войной.

Семьи раскулачивались, разбивались и распадалась сами. Но в «семье народов» семья все-таки устояла как социальный институт. И личность выжила именно в экологической нише семьи, в единственном месте, где то, что мы сегодня называем эвфемизмом «общечеловеческие ценности», устояло против жестокого излучения тоталитаризма. Где добро все еще было добром, зло — злом, а предательство отнюдь не доблестью.

Отец Народов был дальновиден и действительно последователен в своей утопии. Миф о подвиге юного Павлика Морозова должен был обеспечить разорение семейных устоев. Памятник пионеру-доносчику предполагалось торжественно открыть при въезде на Красную площадь. Дети уже начинали шпионить за родителями, и задуманное почти состоялось, но тень будущей войны заставила свернуть всю эту программу. По крайней мере отложить ее реали-

зацию до полной и окончательной победы мировой утопии.

Семья покуда устояла. Роковой миф о доблести предательства, нужный для утопического переустройства не меньше, чем геополитический передел для сталинской концепции дружбы народов, из военно-стратегических соображений с повестки дня был снят.

Зато расцвел другой миф — метод социалистического реализма, самый передовой метод самого передового искусства. По-иному, он преследовал ту же цель отчуждения личности от индивида, правды и совести от литературы и прочих гуманитарных занятий человека.

Философ и публицист Юрий Карякин однажды заметил, что соцреализм не случайно появляется на политической сцене после коллективизации. На съезде партии Сталин получает три сотни голосов против. А поскольку на съезде отбирались самые из самых проверенных, такое голосование говорило о резком падении сталинской популярности в партийной среде. Съезд, как и всю партию, предстояло уничтожить.

Но до этого обуздать литературу, внушить писателям, что их дело — видеть лишь то, что должно видеть. А совсем не то, что есть. Организационно это достигнуто роспуском всех литературных групп и созданием Союза писателей. Но просто построить писателей по росту — мало. Нужна идеологическая работа «нового типа». Так возникает метод соцреализма, в котором реализма, собственно, и не остается.

Поэт Олег Чухонцев еще в годы брежневщины на одном из своих выступлений перед студентами МГУ попытался дать определение соцреализму: «Это метод решения проблем первой реальности на уровне второй».

Если надо, чтобы в стране (первая реальность) было много тракторов, необходимо построить трактор на сцене (вторая реальность). Если страна должна быть счастливой, надо изобразить счастье в романе. А еще лучше — в кино.

И они действительно должны были чувствовать себя почти богами — эти «железные» наркомы, верные соратники и ученики. Поставили в списке против фамилии три буквы — ВМН (высшая мера наказания), и человека действительно нет. Сказал слово — и переселяются целые народы, растут лагеря и возводятся заводы.

Мы пожинаем и, верно, долго еще будем пожинать плоды мифологического, магического мироощущения. Вероятно, и сегодня мы не совсем еще осознаем, как въелись в плоть и растворились в крови сталинские мифы о непогрешимости и единстве, о морально-политическом и идейном нашем превосходстве над всеми прочими жителями планеты.

А сколько других?

Рисунки из кировского альбома пятидесятилетней давности не устареют. Свидетели обвинения, они напоминают о том, как начинался этот стальной эксперимент по тотальному отчуждению человеческого от человека.

Экспериментатор еще полон творческих замыслов и энергии, а подопытные не знают, что им привита социальная чума. Ставка на массу, стаю и стадо, мечта о «единстве» и прививка самых мрачных структур мифологического мышления человеку XX столетия, «классовые ценности» диктатуры якобы пролетариата, насильственное «равенство» и фанатизм ура-патриотов — это еще не в прошлом.

Пока не изжито — не в прошлом.

Вниманию иностранных читателей

Сообщаем адреса некоторых фирм, через которые можно оформить подписку на журнал «Огонек».

АВСТРАЛИЯ

New Era Book & Records,
64—68 Shepherd St.
Marrickville, N.S.W. 2204

Gordon and Gotch LTD.,
P.O. Box 29
Burwood, Victoria 3125
Australia

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Collet's Holding LTD.,
Denington Estate,
Wellingborough,
Northants (NN 82 QT)

Bailey Subscription
Agents LTD.,
Warner, House,
Folkestone,
Kent CT 19 6 PH

Central Books LTD.,
14, The Leathermarket,
London (SE 1 3 ER)

ИЗРАИЛЬ

222002
Sitriat Roalim
73 Allenby Road
P.O. Box 526
Tel-Aviv, Israel

222004
Oeap LTD
15 Ram Bam Str.
P.O. Box 1136
Tel-Aviv Israel

КАНАДА

Progress Books
71 Bathurst Str.,
3rd Floor
Toronto, Ontario,
Canada
M5V 2P6

Northern Book House
P.O. Box 1000
Iravenhurst, Ontario,
Canada
M6H 1 GO

США

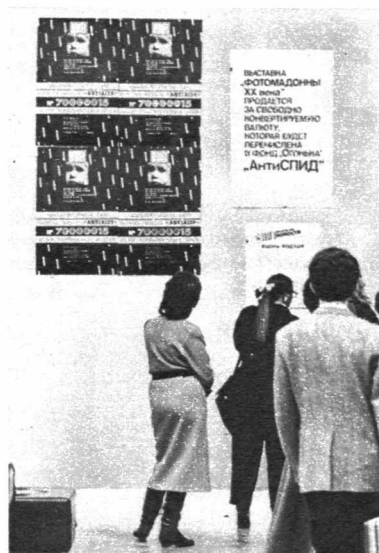
EBSCO Industries, INC.
P.O. Box 1943
Birmingham,
AL 35201—1943, USA

422019
Imported Publications INC.
320 W.Ohio Str.,
Chicago 111. 60610, USA

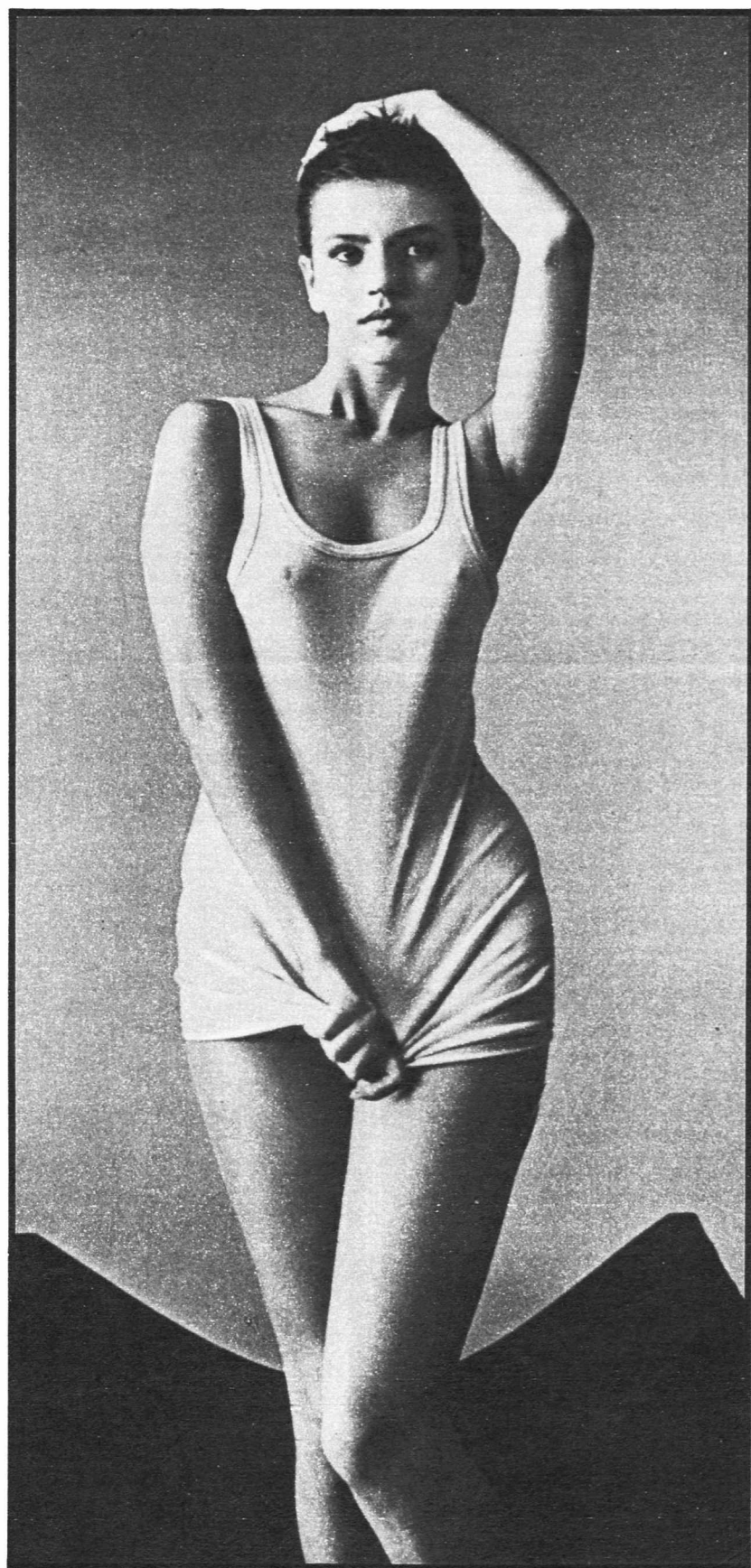
ЯПОНИЯ

260002
Nauka LTD.,
2-30-19Linami-
Ykebukuro
Toshima — ky
Tokyo, Japan

260003
NISSO-TOSHO, LTD.,
1-5-16 Suido
Bunkyo — ky, Tokyo,
Japan

КРАСОТА СПАСАЕТ МИР

ПОДАРКИ КОРОЛЕВАМ И ПРИНЦЕССАМ КОНКУРСА «МИСС ФОТО-89» — С МОЛОТКА. ДАРЕНое НЕ ДАЮТ, НО ПРОДАЮТ. ВАЛЮТНЫЙ АУКЦИОН В ПОЛЬЗУ ФОНДА «АНТИСПИД» — 7 ДЕКАБРЯ В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ ГОСТИНИЦЫ «КОСМОС». ПРИГЛАШАЕМ ИНОСТРАННЫЕ ФИРМЫ И СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, РАСПОЛАГАЮЩИЕ ВАЛЮТОЙ. ИМЕЕТЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ В ЖИЗНИ ШАНС КУПИТЬ «КОРОЛЕВСКИЙ ПОДАРОК».

ВПРОЧЕМ, ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО И САМИМ ПРЕДЛОЖИТЬ ПОДАРОК ДЛЯ ПРОДАЖИ.

ВСЯ ВЫРУЧКА — ДЛЯ СПАСЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ОТ СПИДА.

Они — живые!

Вот, пожалуй, самое яркое ощущение от выставки «Фотомадонны XX века», больше месяца как открывшейся в Центральном Доме художника на Крымской набережной.

Вот, пожалуй, главное отличие конкурса «Мисс Фото СССР» от подобных вроде бы конкурсов нефотографической красоты.

И хотя на них, подобных, девушки гарцуют по разным сценам, имеют походку и даже голос, переодеваются, раздеваются, делают ручкой и прочими привлекательными частями тела, тела эти, и лица, и прически, и наряды сливаются пусть в нечто прекрасное (ожерелье, венок, фонтан «Дружба народов»... — я, извините, не поэт), но не вполне одушевленное.

А фотографии, поди ж ты, цветные и черно-белые, глянцевого и холодного на ощупь (действительно хочется потрогать), каким-то дьявольским манером одушевлены.

И не надо упрекать меня в пристрастии: я сам в нем охотно признаюсь. Если красота (а мы говорим об истинной красоте) сродни искусству, то, честное слово, скучно быть беспристрастным искусствоведом. Если же речь идет о красоте женской, то какой мужчина может быть беспристрастным? Сами знаете, какой. Ну, нравятся мне именно Мисс Фото больше, чем какие-либо другие мисс, — вот я их и «оживляю» для себя.

Впрочем, не я. Это сделали лучшие фотохудожники страны, принимающие в конкурсе участие на равных со своими прекрасными моделями.

Фотомодель — новая профессия. Отличающаяся, скажем, от манекенщицы тем, что манекенщице, хочешь не хочешь, надо подчеркивать облачающий ее наряд (в том-то и профессионализм), тактично уходя на «задний план», а модель саму надо «подчеркивать».

Я помню, как зарождалась эта профессия у нас. Год назад будущий председатель будущего оргкомитета будущего конкурса фотомоделей Григорий Борисович Берхин сидел в подвальном помещении на Остоженке, заваленный тысячами любительских фотографий со всего бела света, и был, кажется, единственным мужчиной, который верил в осуществимость этой затеи. За что и был уволен с должности директора Центра фотожурналистики правлением СЖ СССР.

Нынешняя жизнь конкурса такова, что после триумфальной выставки второго тура, покорившей летом не только москвичей, но и жителей многих других городов, он поднял свое благосостояние настолько, что сам выступает в качестве спонсора. Огоньковской программы «АнтиСПИД».

7 декабря 1989 года в конференц-зале гостиницы «Космос» пройдет АУКЦИОН, на котором одиннадцать победительниц конкурса «Мисс Фото СССР-89» пустят свои дорогостоящие подарки от «покровителей» с молотка. Разумеется, за валюту. Организаторы, со своей стороны, не пожалели денег на то, чтобы торг прошел в непринужденной, как говорится, и праздничной атмосфере. Молодежный творческий центр «Московская окраина» готовит к аукциону грандиозное шоу. Скоро застучит молоток ведущего.

— Раз!..

Вся вырученная на аукционе валюта пойдет в фонд «АнтиСПИД». О значимости этой программы для нас всех говорить не будем. Слов на эту тему уже было сказано немало, и они отозвались изрядным количеством одноразовых шприцев, переданных в детские больницы.

— Два!..

Аукцион будет показан по ТВ, и, надеюсь, на сей раз дорогие подарки королевам красоты — уникальные шубы, драгоценности, машины (в том числе КамАЗ), картины и даже корова-рекордистка (не всесоюзного, естественно, а мирового «чемпионата») — не будут резать глаз среднего телезрителя со средней зарплатой.

А девушкам, в свою очередь, не резанет слуха слишком прагматичная для конкурса красоты фраза:

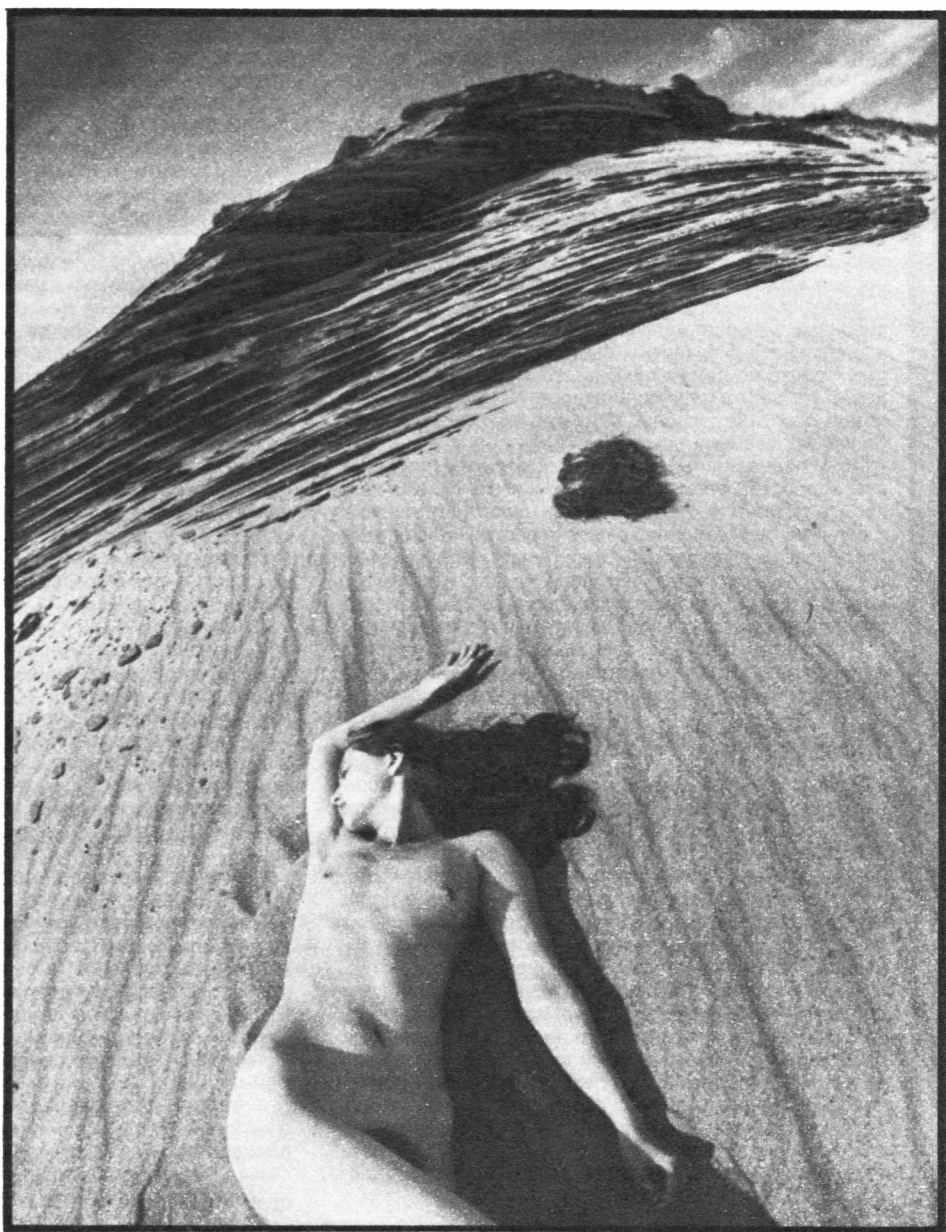
— ...Три! Продано!

Андрей ВАСИЛЬЕВ

Р. S. А интервью с председателем оргкомитета получилось совсем коротким. От имени победительниц конкурса и от себя лично Г. Б. Берхин обратился к читателям «Огонька», располагающим валютой: «Делайте ваши ставки».

Представляем работы фотохудожников:
Ромуальдаса РАКАУСКАСА, Альгиса КРИКШТОПАЙТИСА,
Гунара БИНДЕ, Давидаса БАЛЁНИСА.

На фотографиях финалистки конкурса:
Юлия АФОНИНА, Гюльнара БИКЖАНОВА, Надежда ЗЫКОВА,
Александра МУРАВЬЕВА.

Кот я работаю в ЦК меньше года и стал лишь финальную фазу этой истории, но после третьего за год выступления «Огонька» в поддержку бывшего председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. Харчева считаю нужным изложить и то понимание ситуации вокруг него, которое уже давно складывалось в отделах ЦК, возникло в курировавшихся К. Харчевым сферах, появилось в правительстве и привело в конце концов к его замене на важном посту.

Думаю, что лучше всего опираться в таком разборе не на воспоминания и личные оценки кого бы то ни было (читатель, наверное, заметил, что писатель Александр Нежный знает только одно мнение, одну систему оценок — систему, принадлежащую К. Харчеву). Всякому историку хорошо известно коварство мемуара как источника по истории случившихся в прошлом событий. Первое требование к любому исследователю, решившему использовать воспоминания и оценки мемуариста, — это проверить их другими свидетельствами, документами, фактами.

А. Нежный не делает этого, целиком полагаясь на оценки К. Харчева. Вольному воля, но похоже, что коварство мемуара сыграло свою шутку и с ним. Если, конечно, не было каких-то особых целей. Скорее всего они есть — это хорошо видно по материалам очерков, по симпатиям и ярлыкам. Основная мысль последнего интервью проста: перед нами одна из драм перестройки, когда прогрессивный руководитель оказался побежден консервативным партийным аппаратом, жестким прессингом КГБ, а также едва ли не попавшими под их влияние иерархами Русской православной церкви. Пройскали следовали один за другим, продолжались не год и не два, и в конце концов — драматический финал. Такова канва рассказа, помещенного в 44-м номере «Огонька».

Попробуем же сверить некоторые его моменты со свидетельствами, содержащимися в солидном слое документальных свидетельств, связанных с деятельностью К. Харчева на означенном посту.

Заметки мои, естественно, окрашенные и личными оценками, не носят характера систематического жизнеописания К. Харчева в бытность его председателем Совета по делам религий. Их цель много скромнее — дать читателю возможность взглянуть на проблему с другой стороны, получить возможность для более взвешенных суждений.

Хочу подчеркнуть, что я не касаюсь истории многих вопросов, решавшихся в бытность К. Харчева председателем Совета. Линия нового отношения к религии, определенная самой перестройкой, осуществлялась множеством людей, участвовал в этом и он. Я концентрирую внимание на тех издержках, которые привели к финалу, закономерность которого оспаривается и героем, и автором интервью.

Итак, вот несколько опирающихся на документы и свидетельства фрагментов об отношении К. Харчева к различным сторонам порученного ему дела.

О ВЗГЛЯДАХ НА ПРЕДМЕТ

Думается, что в случае с К. Харчевым мы сталкиваемся с нередкой, к сожалению, ситуацией, когда обреченные в перестройке словеса недостаточная компетентность и легковесная безответственность получают возможность вершить политические, экономические, духовные, религиозные и иные дела. Читая в недавнем прошлом университетские курсы по истории России, я занимался, естественно, и изучением церковных проблем в нашем Отечестве. И уже потому не поверю, что человек, проводивший большую часть сознательной жизни в секретарских креслах и при этом никогда не интересовавшийся проблемами и историей религии (по его признанию в том же интервью, он впервые раскрыл Библию после назначения на пост председателя, на шестом десятке), мгновенно освоился на сложнейшей ниве и начал с легкостью решать проблемы, связанные с деятельностью многих конфессий в огромном государстве.

По-моему, ближе к истине другая гипотеза. Многие действия бывшего председателя Совета живо напоминали деятельность своеобразного современного Тарелкина. Помните: «Когда в России объявляли прогресс, Тарелкин брал знамя и шел впереди прогресса...» Здесь похожий случай. Правда, неся знамя, Тарелкин в действительности никогда в прогресс не верил. Его жизненное кредо имело другие несущие балки, одной из которых было и довольно циничное отношение к тому, за что он якобы боролся.

Я понимаю, что делаю достаточно резкое сравнение, поэтому оправдуюсь тем, что приоритет такой оценки принадлежит не мне, ее сделала после знакомства с выступлениями К. Харчева одна французская журналистка. Ознакомимся и мы с некоторыми основными положениями двух довольно ответственных выступлений председателя Совета.

Первое из них состоялось в конце марта 1988 года в Московской ВПШ. Эта лекция получила резонанс не только среди слушателей партийной школы. Известно кем записанная на магнитофон, она была переправлена за рубеж. Ей посвятили передачу «Голос Америки». Ее перепечатали парижская «Русская мысль», французский журнал «Круа», а в выдержках еще и «Монд». По резонансу она вполне уподобилась лекциям нобелевских лауреатов. «Почему?» — законно спросит читатель. Я думаю, потому, что издания, обратившие на нее внимание, с полным основанием полагали, что в Московской высшей партийной школе — цитадели, готовящей кадры партии, коммунисты ведут исключительно откровенные разговоры (кстати, так оно и есть). «Голос Америки» точно это подметил: «Харчев разговаривает со своими товарищами по партии, поэтому он говорит открыто, без дипломатии».

Что же поведал слушателям председатель Совета по делам религий, как очертил концептуальные моменты партийной и государственной политики в этом вопросе? Привожу несколько ключевых высказываний.

«По Ленину, партия должна держать под контролем все сферы жизни граждан (? — А. Д.), а так как верующих нигде не денешь (! — А. Д.), и наша история показала, что религия всерьез и надолго, то искренне верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм (! — А. Д.). И тут перед нами встает задача воспитания нового типа священника (! — А. Д.). Подбор и расстановка священников — дело партии! (! — А. Д.)»

Товарищи! В этом нам нужна партийная наука. Обращаясь к вам с призывом создать в ближайшее время если не институт, то хотя бы проблемную лабораторию по изучению взаимоотношений партии и церкви... (! — А. Д.)

...Партия заинтересована в новом типе русского священника! (! — А. Д.)

...Священник — он тоже советский человек, тоже регулярно опускает за нас бюллетени в урну. А взять все эти комитеты и фонды: мира, культуры — везде сидят «эти» (жестами показывает головной убор и длинную бороду, смех в зале)...

...религия входит в социализм и даже не входит, а въезжает, как по рельсам, и так как власть полностью принадлежит нам, то, думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную (без разницы! — А. Д.) сторону в зависимости от наших интересов».

От таких пассажей, как рассказывают, падали с мест выдавшие разные виды слушатели. А зарученные слушатели откровений К. Харчева более всего были потрясены, несомненно, центральной для данного выступления, в реальной жизни глубоко замаскированной коммунистами коварной установкой. К. Харчев открыл ее на этой лекции, и отныне она известна международному сообществу: «Кадры священников — это дело партии!» Ни больше, но и ни меньше.

Французская журналистка Тильви Кофман писала в «Монд», что мысли К. Харчева сформулированы с «жесткостью и цинизмом». С ней трудно не согласиться. Там же она многозначительно обронила: «Советские власти не опровергают этого документа».

Линия К. Харчева здесь однозначно принималась за партийную и государственную. Такие субъективные и сумбурные взгляды на дела не были случайным сбоем одного выступления. Вот пассаж из другой лекции председателя Совета (декабрь 1988 года, Академия общественных наук при ЦК КПСС). В нем он с особой подробностью остановился на начавшихся при его горячей поддержке экономических «экспериментах».

В Красноярске был создан церковный кооператив по разведению пчел и производству меда. Церковные власти были против эксперимента, но т. Харчев К. М. употребил всю силу своей энергии и власти, чтобы кооператив организовался. Однако затея провалилась. Касаясь этой истории, в своем выступлении он рассказывал: «Да, у нас не особенно удался эксперимент в Красноярске. Ну и что? Деньги ведь церковные. (! — А. Д.). В Красноярске все сделал уполномоченный для того, чтобы там все было нормально. Но немножко пошли не по тому пути. Задача провалилась. Там вообще ничего не осталось. Там вообще ничего в живых не осталось».

Голос с места: Там и не было ничего.

К. Харчев: Объясню, что было в Красноярске. Верующие организовали кооператив. Взяли 200 тысяч ссуду у церкви. Машинами, оборудованием им помогли. И они стали делать фантастический эксперимент по разведению новой породы пчел в Сибири для того, чтобы там выжили пчелы (вы знаете, что выживаемость пчел в Сибири неслышна). Работали два года практически. Новые методы применяли, а оказалось неправильно. Ну и что?

Сейчас там кооператив продолжает перестройку, но немножко на других основах, думаем, что делать...»

Читая это, невольно вспоминаешь одного из платоновских героев, изобретавшего аэроплан, делавший над пашней облака посредством наземно электризованного песка. Разница, пожалуй, только в словесном оформлении одинаковых по типу проектов.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ОЦАМ ЦЕРКВИ

Касаясь беспрецедентного (первые за годы Советской власти случилось такое, и это тоже знак перестройки) обращения Синода к высшему руководству страны по поводу действий председателя Совета по делам религий, К. М. Харчев признается, что не может «достаточно внятно ответить на этот вопрос». Далее, правда, сразу следует заметно отдающее все тем же отношением предположение, что повлиять на это могла его позиция о «преемственности руководства» в Русской православной церкви, его предложения об «альтернативных демократических выборах» высшего церковного иерарха.

А. Нежный и К. Харчев излагают это предложение многомиллионным тиражом, ни на секунду не задумавшись, что в сегодняшней ситуации такие разговоры и предложения не только Синод, но любой священник да и всякий верующий с полным основанием сочтут, во-первых, кощунственными, а во-вторых, квалифицируют их как беспардонное вмешательство во внутренние дела церкви, которая, как известно, отделена от государства. Если так, то на каком основании государственной чиновник вторгается в чужой монастырь со своим уставом, пусть и очень модным в нашем гражданском мире?

Но мысль о таком основании даже не приходит в голову высшему председателю. Он и сегодня уверен, что волен был вмешиваться в дела конфессий, продвигая любые удобные ему идеи и предложения. Не исключаю, что при таком развитии событий конфессии могли дожить и до многомандатных округов, окружных собраний, митингов, программ кандидатов и других прогрессивных нововведений.

Православная церковь оказалась не первой из конфессий, вошедших в конфликт с К. Харчевым.

В мае 1988 года возмущение его действиями высказали руководству Литвы католические епископы. Задержав их при возвращении из Рима на сутки в Москве, председатель Совета затем отказался принять только что возведенных в сан епископов,

ВХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ РЕТЪЕМУ РАЗГОВОРУ,

передав через служащего, что не признает их назначений Ватиканом.

В апреле 1988 года четыре высших в стране главы духовных управлений мусульман выступили против попыток давления на них со стороны К. Харчева. Даже сквозь присущую лицам духовного звания сдержанность явственно улавливается напряжение, сложившееся к этому времени в отношениях с председателем Совета.

«Руководители духовных управлений наделены саном, и им так же, как и всем советским гражданам, присущи личное достоинство, любовь к своему отечеству и народу. Отношение же К. Харчева к нам, его стремление оказывать давление на нас, используя при этом недопустимые приемы, различные посулы в случае соглашательства с ним и т.д., нас глубоко возмущают. Повода для этого мы не давали».

И далее. «Обращаясь с этим заявлением, мы просим оградить нас от неуместного стремления Харчева К. М. подчинить нас своей воле...»

Они отказались выполнять распоряжение К. Харчева о финансировании за счет мусульман созданного в Совете по делам религий информационно-аналитического отдела и выделения денежных средств доплаты некоторым работникам Совета. Для справки: с 1985 по 1988 год сотрудникам Харчева (государственным служащим. — А. Д.) оказалось выплачено исключительно благодаря инициативности нового руководителя несколько десятков тысяч рублей за счет отдела международных связей одной из конфессий.

Надо сказать, что эта поражающая мое консервативное сознание метода оплаты нужд государственного учреждения за счет церковных денег расцвела при К. Харчеве пышным многотысячным рублевым цветом. За счет церковных средств преподносились нескромные подарки зарубежным делегациям и даже оплачивалась подписка на периодические издания для вверенного нашему герою государственного ведомства!

Тенденция к подчинению религиозных деятелей, давлению на них дошла в работе К. Харчева до прямых подмен религиозных деятелей на различных переговорах с зарубежными религиозными организациями. Он, руководитель государственного органа, стал подписывать протоколы и соглашения, в которых содержались исключительно вопросы взаимоотношений между религиозными организациями. Это было уже прямое вмешательство в дела конфессий, ничего общего не имеющее и, более того, прямо противоречащее современным принципам партийной политики в этой сфере... Подчас оно доходило до абсурда. Откройте «Известия» за 27 апреля 1987 года и прочтите на четвертой странице сообщение: «Аден, 26 апреля (ТАСС). Находясь в Демократическом Йемене советская мусульманская (! — А. Д.) делегация во главе с председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. Харчевым (!?! — А. Д.) была принята...» Сам Э. Ионеско мог бы позавидовать таким сюжетным ходам.

Все это было бы смешно, если бы не имело весьма существенной негативной стороны. Религиозные лидеры и даже руководящие деятели некоторых стран, где побывали такие страные делегации, возмущались К. Харчевым, не раз выражали недоумение их диковинным составом, а некоторые и прямо высказывались в том смысле, что налицо все признаки ужесточения административного контроля за деятельностью церковных организаций со стороны государства. Таким было лишь одно из объективно возникших следствий некомпетентного руководства, часто напоминавшего действия одного фольклорного атеиста, которого заставили молиться богу. Правда, ущерб, нанесенный им, был много больше, чем в упомянутом случае.

О БОРЬБЕ С БЮРОКРАТИЗМОМ

Полный восторг интервьюера вызывает рассказ К. Харчева о том, как он впервые в советской государственной практике предлагал упразднить учре-

ждение, которым руководил. Это подается едва ли не как акт бескорыстного самопожертвования и, конечно, последовательной борьбы с бюрократизмом. Но, видимо, К. Харчева немного подводит память, а он, в свою очередь, подводит журналиста. Он действительно предлагал упразднить Совет по делам религий, но при этом создать вместо него Государственный комитет по делам верующих и религиозных организаций, что отражено во многих подписанных им ходатайствах. То есть, образно выражаясь, хотел заменить весьма бесформенный с номенклатурной точки зрения портфель председателя Совета на крепкий и модный министерский кейс. В «огоньковском» интервью идея преобразования модернизирована — предлагается вместо Совета создать «соответствующую комиссию в Верховном Совете СССР», то есть поместить орган с исполнительными функциями в высший законодательный орган страны. Предложение весьма спорное.

В том же восторженном духе преподносится и другой шаг К. Харчева — его предложение сократить двух из трех своих заместителей. Читателю это подается как очередная попытка последовательной борьбы К. Харчева с бюрократизмом и раздутыми штатами. На самом деле, если вставить его абстрактные рассуждения в реальную жизненную канву, это предложение предстает в несколько ином свете. К. Харчев предлагал сократить должности тех двух заместителей, которые последовательно и открыто выступали против допускаявшихся им нарушений, волевых решений, грубости и т.п. С учетом этого подвижнический замах превращается в тривиальный и хорошо известный отечественным бюрократам прием избавления от неугодных.

Такой жесткий прессинг К. Харчев демонстрировал не только по отношению к лицам, прямо подчиненным ему по службе, к своему аппарату. Вот сцена, описанная в заявлении председателя российского республиканского Совета по делам религий профессора Л. Колесникова.

«3 июня 1988 года по договоренности с управляющим делами Московской патриархии митрополитом Ростовским и Новочеркасским Владимиром должно было состояться вручение Патриарху Пимену и членам Священного Синода Русской православной церкви поздравительных адресов Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР в связи с 1000-летием введения христианства на Руси. Для этой цели я со своими заместителями был приглашен в резиденцию наместника Патриаршего Богоявленского собора, где собирались члены Синода. Однако появившийся там т. Харчев устроил в буквальном смысле обструкцию церковным иерархам, выразив негодование тем, что руководители республиканского Совета прибыли для проведения торжественной процедуры... в рабочее время без его разрешения. В результате вручение поздравительных адресов было сорвано, духовенство вовлечено в неловкую ситуацию, а руководство республиканского Совета поставлено в унизибельное положение.

Считая действия т. Харчева К. М. недопустимыми и недостойными руководителя государственного органа, хочу обратить внимание, что это не первый случай проявления у него «вождизма», командного стиля в отношении и руководства республиканского Совета и высшего духовенства, что компрометирует в глазах служителей культа и его самого и возглавляемый им Совет».

Таковы факты, легко умножить число которых могут, я думаю, многие люди, работавшие под началом К. Харчева.

К. ХАРЧЕВ И ИНСТАНЦИИ

Я полагаю, что читатель знаком со спецификой работы отделов ЦК в современных условиях. В самом кратком изложении она сводится к следующему. Во-первых, это деятельность по анализу тех или иных линий политического развития, изучение проблем и подготовка документов по поручениям ЦК, его комиссий, секретарей. Во-вторых, это анализ осуществления уже принятых партий на съездах, кон-

ференциях, в постановлениях ЦК решений. Ясно, что в этой работе не обойтись и без оценки деятельности коммунистов, работающих на том или ином участке, что имело место и в данном случае.

Партия выступает за то, чтобы религиозная активность стала конструктивным элементом гуманизации и демократизации общества. Небезразлично ей и то, как будут выстраиваться на новой, уже перестроенной основе отношения религиозных организаций с государственными органами, политическими и общественными структурами. Поэтому внимание к работе коммуниста Харчева было естественным и до определенного времени ничем не отличалось от практики взаимоотношений с другими коммунистами, занимающими руководящие посты.

К. Харчеву много помогли в становлении его как руководителя. Помогали советом и делом, особенно на первых порах. Позднее были беседы по конкретным ошибочным действиям. Работа коммунистов Совета по делам религий обсуждалась в Отделе пропаганды ЦК, а затем по инициативе отдела на партийном собрании сотрудников Совета. Однако, и признавая явные ошибки, К. Харчев не желал их исправлять, непрерывно умножая цепь своих, мягко говоря, непродуманных действий. Стало ясно, что ему попросту не хватает многих качеств руководителя такого сложного органа, как Совет по делам религий. Не хватает теоретической подготовленности, достаточно глубокого понимания процессов, происходящих в религиозной сфере, умения организовать работу Совета. Его импульсивность, непоследовательность, амбициозность стали серьезно сказываться на положении дел. В этих условиях Отдел пропаганды ЦК вышел с предложением рассмотреть вопрос об укреплении руководства Советом. И не был поддержан.

В декабре 1988 года, проанализировав положение дел, с таким же предложением вышел и созданный к тому времени Идеологический отдел ЦК. Оно вновь не было принято.

Вопрос был решен только после беспрецедентного челобития Синода в адрес высших руководителей государства, которое К. Харчев не берет «внятно» объяснить. Тут вспомнили и о позиции отделов ЦК, не сумевших доказать то, что было доказано религиозными деятелями. Так что «победа» аппарата, о которой пишет А. Нежный, при ближайшем рассмотрении оказывается его поражением (что тоже есть знак идущей демократизации, как не покажется это кому-то парадоксальным).

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Силы земные и силы небесные объединились, как явствует из статьи А. Нежного, в гонениях на нашего героя. Могущественный КГБ, всепроникающий аппарат... Православный Синод, католические епископы и мусульманские муфтии...

Можно предположить, какая трудная судьбина выпадает всякому, на кого обрушит свой гнев этот невероятный для подлунного мира союз!

И где же оказался опальный герой третьего за год «огоньковского» очерка?

«...меня перевели на руководящую работу в МИД СССР, и теперь решается вопрос о моем назначении послом в одну из стран» («Огонек» № 44, 1989, с.9). Так-то вот, читатель.

Бывший председатель, несмотря на аварийные обстоятельства, искусно совершил мягкую посадку. И теперь, приземлившись на посольское жалование, предается воспоминаниям и ждет назначения. «В одну из стран». Все равно какую. Он нас в любой предстает с блеском.

Бог ему судья!

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Поразительная судьба у этой поэтической пары — Георгия Оболдуева и Елены Благиной. Благинина — известнейшая детская поэтесса, чьи стихи и я учил когда-то наизусть. Вышли у нее и два небольших сборника лирических стихотворений — «Окна в сад» (1966) и «Складень» (1973). Тем не менее мало кому в голову могло прийти, что в ее столе хранятся потрясающие «взрослые» стихи.

В 1988 году их наконец-то напечатал «Новый мир». Интересно, что в журнале с тем же названием однажды публиковался и ее муж — в двадцатые годы... Это была одна из немногих, считанных публикаций Г. Оболдуева — единственное стихотворение.

Меня познакомил с ним году в 1950-м Владимир Соколов, шепнув, что это — замечательный поэт. И вот наконец несколько лет назад выходит посмертный сборник Оболдуева (к стыду нашему, в ФРГ), и он действительно предстает самобытнейшим поэтом, блистательным мастером слова и тонким самостоятельным философом. Его уединенность, я бы сказал даже, отъединенность от жизни, его самоспрятанность не перешли в отчуждение, но сохранили его душу неучастием в общественной лжи, в литературной суете. Поэзия Оболдуева — запоздалое, но радостное открытие. Какой-то гранью он, пожалуй, близок к обэриутам, но с ними его все же не спутаешь.

Оболдуев принадлежал к редкой породе писателей, спокойно принимающих свою безвестность и убежденных в том, что их время еще придет. Такое время пришло. Он родился в Москве. Окончив гимназию, в 1916 году поступил на философский факультет Московского университета. В 1919-м призван в Красную Армию, после демобилизации работал выпускающим в Партизате, Профиздате, техредом в «Гудке».

Учас в Высшем литературно-художественном институте имени Брюсова, сблизился с молодыми литераторами; особое влияние оказало на него общение с поэтами И. Аксеновым, С. Бобровым и И. Рукавишниковым. Литературные вечера в Хлебном переулке, в квартире Оболдуевых, шутиливо называли «оболдуевкой».

В 1933—1939 годах репрессирован. Боевал. Умер от последствий контузии. На его похоронах была Анна Ахматова.

СВИДЕТЕЛЮ

Средь разного рода лишений
Единую знаешь поживу,
Которая в центре мишени:
Быть живу, быть живу, быть живу.

Очнись, отряхнись и ответствуй
Насупленному супостату,
Что мысли греховному месту
Быть святу, быть святу, быть святу.

Но помни, не гневаясь впрочем
В ответ на позорную тему,
Что лучше тебе, как и прочим,
Быть нему, быть нему, быть нему.

Прищурясь, посматривай: эко
Досталось в наследье к беспутству
Свидетелю нашего века
Быть слепу, быть глуху,

быть пусту.
Январь 1948.

СОНЕТ

Узнал без радости, без гнева,
Что в этом мире — кабала,
Что это дерево — не древо
Познания добра и зла.
Эх, кабы пресвятая дева,
Ну, хоть отчасти помогла
Росток недоброго посева
Отвести от дома и стола.

Но ни направо, ни налево
Тебе не отойти от хлева:
Там сразу расцветает мгла
Зерном халдейского напева,
И нет значительней согрева,
Чем обжитой уют угла.

IX. 1947.

НЕЛЮДИМО

Е. А. Б. <лагининой>

Нелюдимо наше горе:
Одиночество, как тьма,
Обживается тем скорее,
Чем слабей огонь ума.

Нелюдима радость наша:
Бред угрюмый, сон больной...
Жизни выпитая чаша —
Бесприютный непокой.

И когда проходит мимо —
Ни обычно, ни ново —
Наше счастье: нелюдимо,
Потому что нет его.

IX. 1948.

ФОТОГРАФИЯ

Склонился к женщине мужчина:
Бубнит он, трогая усы,

ПАМЯТИ Г. Н. <Оболдуева>

Явись, возлюбленная тень...
Пушкин

Как тяжело!
Не чудишься, не мнишься,
Не грезишься, не дышишь
за спиной.
И по ночам в блаженных снах
не снишься...

Гордец, гордец!
Что делаешь со мной?!

Ужели из высокого забвенья

ГЕОРГИЙ ОБОЛДУЕВ

(1898—1954)

Что только разлили-малина
Достойна этакой красоты.
Потом он стал ее опорой...
Как безответственность идей
Кровать стояла, на которой
Супруги делали детей.
Потом пропахла потом пища
В труде, в оскоmine обид,
И нищей брэнностью жилища
Украсился скрипучий быт.

И укориженный подсолнух
Смотрел на игры детворы,
На кувыркание плотей, полных
И развеселых до поры.

II. 1947.

Шествуй с музыкой и с песнею,
Вширь на животе ползя.
Получай за службу пенсию,
Коли взятки брать нельзя.

Невзирая на коррупцию,
Ковыряя щелки в рай,
Собственной своею «руцею»
Духи ближних предавай.

От дневного света вянущий,
Мрак несущий в стан теней,
Где найдешь себе пристанище,
Людоед и лиходей?

Покрывайся свежей плесенью,
От мозолей до плешин:
Да излечит хворь телесную
Собственный пенициллин!

Точно так ведется издревле,
Что, попавши под прицел,
Кое-кто от жизни выздоровел
И от смерти уцелел.

II. 1948.

ПРОХОДИМЦАМ

Рядом с творцом суесловий,
Гимнов, похвал и анафем
Вежливей, но бестолковей
Думать, что мы не потрафим.

Нас не собьешь с панталыку:
Ведомо нашему оку
Знать, что не каждому лыку
Надо быть вписану в строку.

Если мы в том просчитались,
Что не вопили «подвиньтесь»,
Что зачастую анализ
Мы принимали за синтез.

Если мы в том прогляделись,
В чем непрогляден деляга,

Хват, балагур и владелец —
Что же?.. — да будет нам благо.

Чем уж мы так не годимся,
Так уж не вылезли рылом,
Что даже у проходимца
Числимся самым немилым.

Лучше ль в ответ «кукарекам»,
Значимым в мире курином,
Прежде, чем быть человеком,
Пыжиться стать гражданином.

Не увлекаясь, ни в коем
Случае, мертвенным чеком:
Сделаться вящим героем
Прежде, чем стать человеком.

Может быть, в царстве пернатых,
В царстве хотя бы орлином,
Мы в поднебесных палатах
Сыщем прощенье всем винам.

Ты-то, поэт, не беснуйся,
В гордом расчете на вымор:
Господи твой Иисусе
Властен и в царстве кикимор.

Яму бездонную вырой
Музе бездомной и сирой.
К мысли своей апеллирую
Точной и бережной лирой.

II. 1948.

ЯЗЫК

Мы живем в безвоздушном
пространстве,
Не крича, не шепча, не дыша...
А попробуй, по жизни постранствуй
Странной переступью антраша.

Все повадки и навыки лисьи
Израсходованы меж потреб,
А большие и чистые мысли
Не годятся к обмену на хлеб.

На соседей оглядки бросаючи,
Под оглядками ближних бредя,
По-людски, по-собачьи, по-заячьи
Подставляем умы для бритья.

Брейте, перебирайте, стригите,
Укрощайте, карнайте, обтрясывайте,
Чтоб бессмертных сдержать
на граните
Воплощенных мечтаний о паспорте.

Что ж это происходит? По-видимому,
Как на чей, а на бережный взгляд —
По-тоскливейшему, по-обыденному
Нам приказывают и велют
Наших горестей писк комариный,
Наших болей удержанный крик...

И виденье казенной Марины
Кажет высунутый праязык.

1947.

Публикация А. Д. БЛАГИНИНА.

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

(1903—1989)

Не снизойдешь в наш горький
непокой,
Хотя бы отсветом, хотя бы тенью,
Хотя бы непрочитанной строкой?

Как память сердца коротка, однако,
Как беспощадно смерти торжество,
Что невозможно вызвать из мрака
Ни голоса, ни вдоха... Ничего!

1969.

ГОРИТ ОНА

Нет в орденах необходимости,
И в краткой славе — никакой!

Все эти малости и мнимости
Зачеркиваются строкой.

О буре, мглою небо кроющей,
И о свече...

Бедным-бедна
Погаснуть бы должна! Но все еще
Горит она... Горит она...

Я на земле не праздник жизни
правлю,
А скромное подвижничество дня,
И потому не блеск звезды оставлю,
А только отсвет тихого огня.

ВСЕ ЗАЕДИНО!

Начало на стр. 6.

кто протестует в ЮАР против режима Претории, и потому я решительно предлагаю безотлагательно поддержать не только создание ленинградской организации «Содружество», но и передать ей журнал. И сделать это безотлагательно. Сколько же будут русские писатели, законные сыны земли русской, как говорил Есенин, коренные русские, стоявшие под пятой угнетателей, узурпаторов. Посмотрите, уже до седых волос дожили и Воронин, и Выходцев, а просят, страдают. В сущности, как палестинские дети. (Аплодисменты.)

...Я считаю, что те оскорбления, которые содержались в адрес правления СП РСФСР, являются оскорблениями России. (Аплодисменты.) Грязные слова, глубоко клеветнические слова. Почему я так считаю? В условиях той дискриминации — правовой, юридической, политической, — в которой находится Российская Федерация, такая клевета, такие оскорбления в адрес важнейшей нашей общественно-культурной структуры... общественно-политической структуры — СП РСФСР — являются, практически и безусловно, прямыми оскорблениями России, ее прав. (Аплодисменты.)

Дважды я присутствовала на собраниях комитета «Апрель»... Сидеть в этом зале страшно: это беснующиеся, буквально выходящие из себя люди, которые с пеной у рта произносят чудовищные слова о России и русских.

...Не слышала я вчера выступления Анатолия Буилова... может быть, он плохо выступил, но я хочу поддержать его не только как писателя, а прежде всего потому, что он русский, а русские сейчас нуждаются в поддержке в миллион раз больше, чем евреи...

...«Октябрь» — журнал типичный, он ведь не динозавр. И я хочу сказать, что после снятия Ананьева не останется особого чувства удовлетворения. Потому что — а дальше что? Все началось не с Ананьева и кончится не с уходом Ананьева...

...Я хочу сказать не только по адресу Ананьева, без всякого вообще национального принципа, я хочу это сказать и по адресу Шугаева, и по адресу ленинградца Арро... я не знаю, какой он национальности, я хочу сказать очень старые слова:

И вы не смаете всей вашей
черной кровью
Поэта праведную кровь.

(Бурные аплодисменты.)

Василий БЕЛОВ. Вчера у многих выступавших проскользнул упрек в адрес депутатов Верховного Совета. Дескать, что это за депутаты и что они делают — не защищают интересы писателей, издательств и так далее. Я вам должен сказать вот что: откуда вы знаете, что обстановка в Верховном Совете лучше, чем в ленинградской писательской организации?.. Когда вы вчера обсуждали такие страшные вопросы, которые звучат и сегодня, в это время Верховный Совет обсуждал вопрос о выезде и выезде. Вот такой самый главный законопроект для Верховного Совета...

Вот получил я сегодня приглашение от Чрезвычайного и Полномочного Посла Соединенных Штатов, просит пожелать на прием-беседу с Василием Аксеновым в пятницу 17 ноября в 18.30. Вот, понимаете. И дальше целый проспект о том, кто такой Василий Аксенов.

И занимается этим не больше, не меньше как посольство великой державы. Так что же говорить про нас с вами, грешных, если Василий Аксенов, этот маткальщик и сквернослов, который публично матерится по радио, вот он будет вести семинар в посольстве!

Мне удивительным кажется и то, как ведет себя секретариат Союза писателей РСФСР. На протяжении многих лет он идет на поводу у московских писателей, еврейской национальности в основном (аплодисменты), и ленинградских (аплодисменты)... Ладно, все... Я сказал свое мнение о секретариате и повторю его где угодно. (Аплодисменты.)

Сергей ВИКУЛОВ (из резолюции). «...Только сожаление и осуждение может вызвать беспрецедентное поведение секретаря правления СП РСФСР главного редактора журнала «Октябрь» Ананьева А. А., допустившего оскорбительно-пренебрежительное отношение к России, к нашим духовным святыням, чем журнал вызвал широкое возмущение общественности...»

...Поручить секретариату до конца 1989 года решить вопрос о замене главных редакторов журналов «Москва» — Алексеев, и «Октябрь» — Ананьев.

Поручить секретариату до конца года рассмотреть вопрос о создании и правах новых ассоциаций писателей в Ленинграде, Москве и Новосибирске.

Сергей ВОРОНИН. Я прошу учесть положительную реакцию пленума на предложение: передать ассоциации «Содружество» журнал «Ленинград».

Владимир АРРО. Ленинградская писательская организация много лет добивалась своего собственного журнала. Другие журналы, печатающиеся в Ленинграде, нам ведь не принадлежат. Я хочу напомнить, что существует решение секретариата Союза писателей СССР, о нем осведомлен и Сергей Владимирович, о том, что журнал «Ленинград» возобновляется как орган ленинградской писательской организации. Я думаю, это абсолютно справедливо. Группа «Содружество», в которой членов Союза писателей 20 человек, и члестыresta двадцать человек ленинградской писательской организации — вот что на весах. (Возмущение в зале.)

Юрий БОНДАРЕВ. Я думаю, что не двенадцать человек членов Союза писателей в «Содружестве», их значительно больше (голос из зала: «Сколько?»). И второе. Если ассоциация будет утверждена правлением Союза писателей, то правление же (Голос: «Давайте сейчас утвердим и все!») Общий шум.)

Валентин РАСПУТИН. В решении надо записать, чтобы «Содружеству» отдать журнал «Ленинград». Потому что иначе, простите, Сергей Владимирович, я вас люблю, я тоже не антисемит, но в Ленинграде не останется ни одного русского писателя. (Аплодисменты.)

Юрий БОНДАРЕВ. Я выдам вам сейчас такой секрет. В связи с обществом «Единство», которое зафиксировано сейчас в Моссовете (скоро будет, видимо, его съезд), идет разговор о двух журналах. Один журнал, типа «Огонек», и другой — толстый российский журнал «Ясная Поляна», прекрасное название. (Голос из зала: «Надо назвать журнал — «Россия»».) А Ясная Поляна не Россия разве? Центр России, понимаешь. Можно и «Россия» назвать. Можно, но у нас же «Россия» будет назван еженедельник. Подписано, как говорится, уже поставлены подписи все, это будет газета почти такого же формата, как «Литературная газета», там двести тысяч, даже розница будет, и так далее, и так далее. Там штаты будут, гонорары, вот такая у нас будет литературная газета, мы думаем ее назвать «Россия».

Теперь о самом основном. Что касается меня лично, я бы пошел заведомо навстречу Ленинграду. И просто не сомневался бы ничего. Почему? Так думаю

не только я, а большинство. Но вот давайте подумаем. Существует Союз писателей, еще «Апрель» нас не разгромил и, думаю, не разгромит. Существует Литфонд, какие-то издательства, журналы, все-таки, надо сказать, можно издаваться писателю, и так далее. То есть порядок существует. Но порядок связан с уставом нашим. Мы все-таки под Богом ходим. Вот давайте подумаем, ну как бы это нам так сделать, чтобы потом не исправлять. Нужно этот вопрос тщательно-тщательно размять, как разминают пеньку. Знаете, как говорят: разумный торопится, но решение принимает не второпях. Это международная мудрость. Мы можем, конечно, я готов! Но давайте немножечко подумаем. Если утвердят ассоциацию, тогда легче и с журналом. Но я боюсь, что за время, пока идет утверждение, журнал уплывет, вот это тоже такое, самое, то, что волнует меня. Надо как-то так высказать, чтобы... Тут у нас мастера есть, Юрий Львович Прокушев, так сказать, и так далее, сформулировать наше отношение к «Содружеству» и к журналу. Вот чтоб зафиксировано было в стенограмме наше отношение. В смысле, я сейчас не могу, у меня не выходит, я прозаик. Юрий Львович, пожалуйста.

Юрий ПРОКУШЕВ. Я думаю сформулируем так. После утверждения ассоциации пленум считает, что необходимо один из журналов Союза писателей РСФСР, выходящих в Ленинграде, предоставить в распоряжение ассоциации. (Голоса из зала: «Неву!» «Неву» давай!»)

Юрий БОНДАРЕВ. Понимаете, тут будет примазывание к лодке, которой еще нету. Как мы можем голосовать за передачу журнала, когда «Содружества» нет? Я думаю, что можно произвести еще более революционное действие: в конце концов сделать так: передать «Неву» ленинградской писательской организации, а «Ленинград» — ассоциации «Содружество»? А почему бы нет? (Голоса: «Правильно!», «Товарищи, мы себя поставим в неловкое положение, получается, что пленум российского Союза писателей СССР. Как-то это нескладно получается», «А мы тоже ленинградские писатели! Вам, что ли, дают? Нам всем дают! Давайте разберемся!», «Вот не надо говорить о том, чего вы не знаете!», «Все мы знаем! Дайте нам! Дайте!»)

Сергей ВИКУЛОВ. Предлагаю вашему вниманию текст резолюции по «Апрелю»:

«Выдержанный в грубой, развязной манере диктат «апрелевцев» вызывает только сожаление, досаду и протест. Такое заявление, полное глухой озлобленности против России, Союза писателей Российской Федерации, свет рознь между людьми и народами. Мы не принимаем такой позиции, осуждаем ее и решительно отвергаем». Все.

Татьяна ГЛУШКОВА. Товарищи, у меня предложение: оценить не просто их вчерашнее письмо, а всю деятельность комитета «Апрель», полугодовую деятельность этого чудовищного комитета.

Сергей ВИКУЛОВ. Будет ли и правомочно и правомерно нам осуждать сейчас деятельность «Апреля»? Может быть, дело до этого дойдет в будущем. Но в данном случае с точки зрения здравого смысла нам лучше говорить только об их заявлениях.

Юрий БОНДАРЕВ. Давайте сейчас проголосуем за нашу резолюцию в целом. Зачитываю шестой пункт, по «Содружеству». «Учитывая сложную ситуацию, сложившуюся в ленинградской писательской организации, в порядке эксперимента согласиться с просьбой ассоциации «Содружество» о выделении ее в самостоятельную областную писательскую организацию. Войти в вышестоящие инстанции с предложением об изменении статуса вновь организуемого

журнала «Ленинград» и передаче его как органа ассоциации «Содружество» и писательских организаций Новгородской, Псковской и Калининской областей». Кто — «за», прошу поднять руки. Кто «против»? Шесть. Кто воздержался? Шесть. (Голос из зала: «А как с кворумом? Вчера же голосовали, кворума не собрали, потому что все в ресторан ушли, а сегодня-то кворум есть?») Все. Принято окончательно.

Сергей МИХАЛКОВ. Слова просил Владимир Карпец. Где он? Карпец идет? (Голос из зала: «Да он на трибуне стоит». Смех.) Ну, пожалуйста.

Владимир КАРПЕЦ. Нам навязывают 1917 год. Противопоставим ему 1612. Нам нужно восстановление российской, русской государственности во всей ее полноте. (Аплодисменты.) Если мы это осознаем, у нас будут свои Пожарские, Минины.

Вокруг чего должно происходить объединение?

Вокруг восстановления святынь. Это уже началось, и это неодолимо. Прежде всего нам нужно начать с восстановления, общенародного прославления всех новомучеников России, начиная с царской семьи. (Аплодисменты.) Будем верны нашей родине и нашему убитому государю. И я прошу всех, я знаю, здесь есть неверующие, поэтому я не прошу пропеть «Вечную память», но я прошу почтить память всех убитых русских людей, начиная с царской семьи, вставанием. (Все встают.)

Эпilog. ОПОМНИТЕСЬ, ГОСПОДА

(Выступление не по теме)

Михаил ДУДИН. Сейчас, когда тот самый Вавилон, который я строил вместе с вами, начинает медленно сползать в неизвестность и скорость этого сползания увеличивается, сейчас, когда в нашей стране идет трагический процесс духовного обновления общества, в людских душах царит неопределенность. А мне припоминается один из длинных дней моих на этой земле. Я жил с первой до последней минуты блокады в Ленинграде. И у меня была знакомая одна женщина, очень пожилая, я у нее часто бывал. И когда я приходил и она видела, что мне невыносимо плохо, она говорила: знаешь, когда тебе очень плохо, попробуй сделать хорошо тому, кому еще хуже. И тебе сразу станет лучше.

Я сижу на этом пленуме, и мне грустно. Потому что вокруг меня разрастается ненависть. И я-то хорошо знаю по опыту моей жизни, что ненависть рождает только ненависть. Поэт, художник должен осознать происходящее и занять в нем такую позицию, чтобы найти выход. Но нам станет лучше только в том случае, если мы будем делать не плохо, а хорошо своему ближнему. (Крики в зале: «Хватит проповедей!» Свист, хохот. Дудин начинает кричать, чтобы пересилить зал.) Я хотел вам сказать, до чего доводит человека ненависть! Ненависть, которая разжигается здесь, на нашем собрании! Поймите это, иначе вы попадете в очень страшную ситуацию! Я родился в крестьянской семье, я с детства знаю Некрасова и хочу вам напомнить его слова: «Люди холопского звания сущие псы иногда. Чем тяжелее наказание, тем им милей господа». (Свист, топот.) В душах художников должна быть мера великой ответственности, без которой нельзя уже жить на нашем свете, особенно сейчас, когда все проблемы, связанные с человеком и природой, становятся глобальными. А мы все стараемся раздвинуть других локтями, а не сойтись поближе, чтобы общими усилиями эти проблемы решать и выбраться из общей беды! Я вышел на эту трибуну, чтобы сказать вам: посмотрите на себя, в зеркало посмотрите, пусть каждый заглянет и спросит, ужаснувшись: куда ты идешь, что ты делаешь! Вот все, что я вам хотел сказать.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

«С

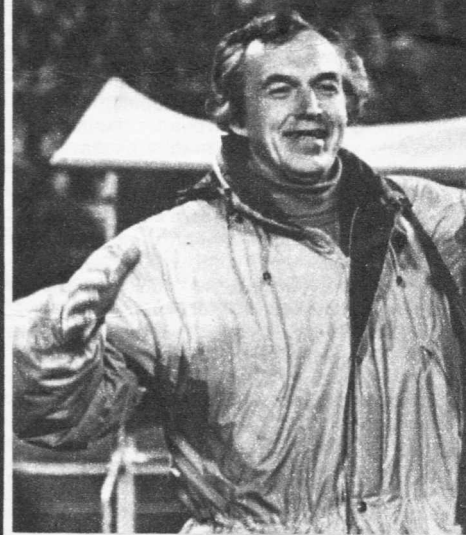
партак» — чемпион!» Этот клич, доносящийся с трибун с первых весенних матчей, давно стал путеводной звездой одного из самых популярных клубов страны. Наверное, с того самого

момента, как возвратился «Спартак» из первой лиги в высшую. Возвратился, чтобы возродиться. Это не просто громкие слова. Так оно и было. Опытнейший тренер Константин Бесков, подобно скульптору со своим видением, создавал новую команду из новых, доселе никому не известных игроков. И им, тренеру и футболистам, суждено было пройти красивый путь, почти неизменно приводивший их на пьедестал.

Помните: капитан «Спартака» Олег Романцев стоит на высшей ступеньке и принимает поздравления с победой в чемпионате СССР 1979 года. Кто бы мог подумать, что через десять лет «Спартак», уже руководимый Романцевым, вновь покорит футбольный олимп?!

А почему бы и нет? Ведь Бесков знал, кого выдвигать на роль капитана: Романцев был настоящим вожаком. И потому пользовался в команде особым уважением. И потому минувшей зимой руководство клуба и футболисты, решая проблему главного тренера, остановили свой выбор на Олеге Ивановиче.

И они вместе пошли вперед. Тренер и игроки. Они верили в него, он — в них. Иначе не удался бы «Спартак» столь блистательный рывок на старте, когда после серии ярких побед он заметно оторвался от преследователей. Но когда казалось, что «Спартак» можно досрочно вручать золотые медали, последовал

спад, который, пожалуй, неизбежен на столь долгой марафонской дистанции чемпионата.

— Одни, не выдержали функциональной нагрузки, другие — психологической, — объяснял потом тренер. — Но, главное, никто не дрогнул, не растерялся. Мы не бросались из крайности в крайность, а просто старались вернуть свою игру. И к ключевому матчу с киевским «Динамо» нам это удалось.

Пройдут годы, а болельщики будут помнить холодный вечер 23 октября 1989 года. И то неповторимое мгновение, когда на последних секундах после коварного удара Валерия Шмарова мяч, описав дугу, коснулся сетки динамовских ворот. Гол! Золотой гол «Спартака».

— Что вы ощутили в это мгнове-

ние? — спросили Романцева.

— Чтобы это пережить, надо окануться на моем месте, — ответил тренер, который в 36 лет принял команду и в течение одного сезона привел ее к чемпионскому званию. Такого в советском футболе еще не было.

А разве вратарь Станислав Черчесов не открытие сезона? Когда спартаковские ворота покинул неоднократно обладатель приза «Огонька» Ринат Дасаев, трудно было представить, что найдется голкипер, способный его заменить. И все-таки такой рискованный парень нашелся.

— Особенно нелегко пришлось Черчесову во втором круге, когда мы перестали забивать, — вспоминает Федор Черенков. — Но именно его надежная и спокойная игра помогла вернуть команде уверенность, без

Секреты «Спартак»... В чем же они заключаются? В единстве духа? В слаженности ансамбля? Скорее и в том, и в другом. И еще в чем-то необъяснимом, почти мистическом. Иначе почему именно этой команде признаются в любви все новые поколения болельщиков? И эта любовь остается с ними навсегда. Как самая первая...

Л. ФЕДОРОВ

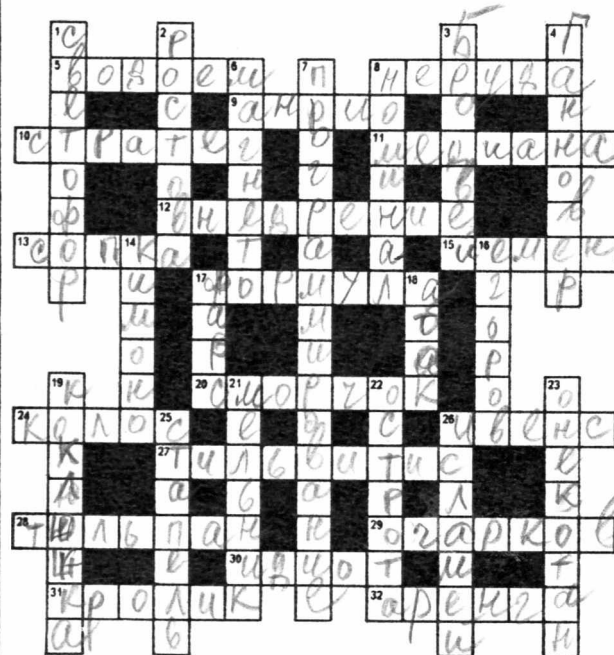
ПОДВЕДЕН ИТОГИ КОНКУРСА «ОГОНЬКА» — «ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ». С ОГРОМНЫМ ОТРЫВОМ ЛУЧШИМ ГОЛКИПЕРОМ МИНУВШЕГО СЕЗОНА ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА ПРИЗНАЛИ СПАРТАКОВСКОГО ВРАТАРЯ СТАНИСЛАВА ЧЕРЧЕСОВА. ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Фото
Анатолия
БОЧИНИНА

которой лучше не выходить на поле. Капитан поскромничал, как всегда, не сказав о себе. Ведь это он в критические минуты загадывал соперникам такие загадки, отгадать которые при всем желании им было не под силу. «Черенок» — это игрок! — так однажды отозвался о Федоре легендарный Эдуард Стрельцов, не раздающий комплименты налево-направо. И потому слова его многого стоят...

Кто сосчитает: сколько мячей после расчетливых передач Черенкова забил Сергей Родионов? Они же десять лет играют вместе. И нынче Родионов не подкачал — с 16 голами стал лучшим снайпером чемпионата. Только вот беда: не любит Сергей давать интервью. Почему? Видно, не хочет раскрывать своих секретов...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Озеро, бассейн. 8. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 9. Один из руководителей восстания в дни Великой французской революции. 10. Полководец, военачальник. 11. Отрезок, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 12. Введение достижений, прогрессивных методов труда в производство. 13. Небольшая гора, холм на Дальнем Востоке. 15. Народная демократическая республика на Аравийском полуострове. 17. Изображение химическими знаками состава молекул. 20. Съедобный гриб. 24. Соцветие злаков. 26. Нидерландский кинорежиссер-документалист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 27. Народный поэт Литвы. 28. Луковичное растение с крупными цветками. 29. Маршал Советского Союза. 30. Роман Ф. М. Достоевского. 31. Пушной зверек, грызун. 32. Сахарная пальма.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Устройство для подачи сигналов, регулирующих движение. 2. Героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 3. Стихотворение В. В. Маяковского. 4. Административный центр земли в ФРГ. 6. Генератор переменного тока для воспламенения рабочей смеси в цилиндрах двигателей внутреннего сгорания. 7. Процесс подготовки задач для решения на ЭВМ. 8. Наричательная стоимость ценных бумаг, бумажных денег. 14. Традиционная одежда японцев. 16. Советский летчик-космонавт. 17. Комедия-водевиль. 18. Верхняя плита капители колонны. 19. Палочка для плетения кружев. 21. Действующее лицо пьесы А. С. Пушкина «Русалка». 22. Удачное смешное или язвительное выражение. 23. Один из Курильских островов. 25. Наклонная к воде бетонная площадка с опорами для строящегося судна на верфях. 26. Народный танец кабардинцев и адыгейцев.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Университет. 6. Мальцев. 8. Шапорин. 10. Аресибо. 11. Сопло. 13. Фузея. 15. Агроном. 17. Модерато. 18. Фейербах. 20. Семестр. 21. Фазан. 22. Жаков. 23. Сокотра. 27. Мясищев. 28. Патруль. 29. Консультант.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пинега. 2. Профессор. 3. Аtrato. 4. Ульм. 5. «Трое». 7. Автобиография. 9. «Интернационал». 12. Линейка. 14. Устрица. 15. Аванс. 16. Майор. 19. «Недоросль». 23. Стерня. 24. Арагац. 25. Диск. 26. Грот.

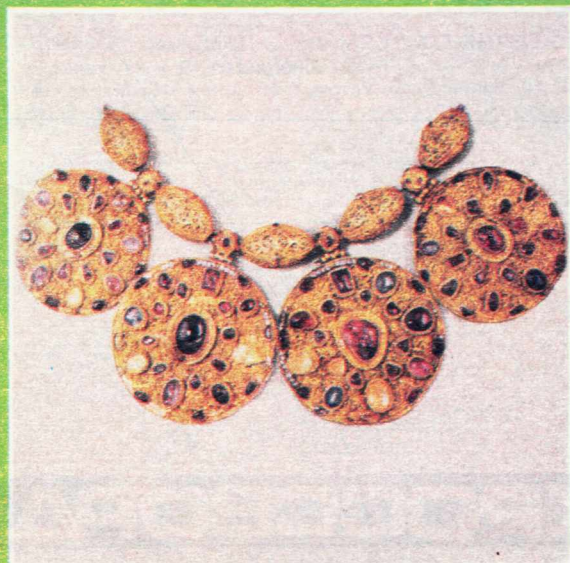
КРОССВОРД

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663

Старая Рязань была основана на высоком берегу Оки, откуда виделись на многие версты окрест заливные пойменные луга, окаймленные лесами. Недаром молодой Белинский писал: «Какие пленительные и можно сказать единственные виды представляют собой окрестности старой Рязани... эти места достойны, чтоб на них стоял столичный город».

Площадь городища, окруженного земляными валами и крепостными стенами, занимала 48 гектаров. Жителей в нем постоянно было четыре тысячи, а в лихолетье крепость принимала до десяти тысяч вместе с воинами.

Жители вели сельское хозяйство, растили хлеб, овощи, фрукты. Были широко развиты промыслы — гончарные, кузнечные, оружейные, ювелирные. Найденные в 1822 году на усадьбе крестьянина всемирно известные княжеские бармы — свидетельство высочайшего мастерства. Позже в кладах были найдены еще драгоценные украшения в виде подвесок, височные кольца, колты, бусы, броши...

Среди жителей было много грамотных людей. Об этом свидетельствуют найденные оклады книг, чернильница, писало. Шла торговля с Ираном, Китаем, Индией, Византией, Западной Европой. Продавали мед диких пчел, древесину, пушнину.

В Спасском районном музее мы увидели диораму старой Рязани. С ее многочисленными деревянными домами и тремя величественными храмами. В 1237 году орды хана Батыя дотла сожгли и razорили город, вырезали всех до единого защитника крепости. Теперь на этом огромном плацу, заросшем буйными травами и окруженном осевшими от времени земляными валами, жалостно торчат остатки церкви, сооруженной в начале нашего столетия на месте Борисо-Глебского собора. Обнажен и законсервирован фундамент Спасского собора.

Михаил САВИН, фото автора

